

**РУССКАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**
RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

3(16), 2020

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОЛИТОЛОГОВ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН МИРА

ISSN 2541-965X

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА ЖУРНАЛА «РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ — RUSSIAN POLITICAL SCIENCE» — 2020 — № 3 (16)

Тема номера: «СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТОЛОГОВ
ИЗ РАЗНЫХ СТРАН МИРА»

От редакции	2
РАЗДЕЛ I. АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В США	
Кузник Питер	Мрачное состояние американских политических партий и американской демократии 4
Абдуллаев Мурад	Политические основы религиозной свободы в США сквозь призму американской стратегии национальной безопасности 10
РАЗДЕЛ II. АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В СТРАНАХ АФРИКИ	
Сумахоро Сулейман	Предположения о надвигающейся катастрофе в Африке: реальность или вымысел? 17
Идрисс Ахмат	Эволюция интеграционных процессов в Центральной Африке 31
РАЗДЕЛ III. ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВА	
Куркевич Анна	Технология власти и восприятие сообщества: вопрос о границах безопасности 41
РАЗДЕЛ IV. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ	
Серебряков Кирилл	Группы влияния в современном Китае: специфика, виды и некоторые особенности функционирования 50
Нечаева Любовь	Суперпрезидентская система Р.Т. Эрдогана: куда движется Турция? 54
Волкова Елена	Кибератаки как средство политического влияния 61
Кононенко Олег	Митинг в онлайн. Не только «Яндекс»: особенности протестов на интернет-платформах на примере кейсов из Сингапура (2005), Италии (2007) и Польши (2011) 70
РАЗДЕЛ V. О КОНФЕРЕНЦИЯХ	
МГУ имени М.В. Ломоносова и Министерство науки и высшего образования Российской Федерации провели форум о продвижении принципов «зеленой» экономики	78
SUMMARY	81
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	85
ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ	85
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	87
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ	87
РЕДАКЦИЯ	91

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляем очередной, 16-й номер журнала «Русская политология — Russian Political Science». В настоящем выпуске представлены статьи исследователей из разных стран, посвященные актуальным политологическим проблемам. Широкая география авторов позволяет читателям ознакомиться с представителями политической науки из разных точек мира. Обмен мнениями, даже в заочной форме, на страницах нашего журнала, позволяет приблизиться к пониманию современных социально-политических процессов на разных континентах, а также показывает определенный срез тем и вопросов политологии, которые актуальны в различных культурах и традициях. В этой связи выражаем надежду, что авторам данного выпуска удалось прояснить для наших читателей то, что могло быть скрыто от понимания по современным политическим вопросам в ряде стран.

В выпуске представлены исследования: американского ученого, профессора истории и директора Института ядерных исследований Американского университета Питера Кузника (Вашингтон, США) на тему «Мрачное состояние американских политических партий и американской демократии» — автором представлен оригинальный взгляд на будущее американской партийной системы через призму ее исторического развития; кандидата филологических наук, члена Американской ассоциации политической науки Мурада Абдуллаева (Майами, США) на тему «Политические основы религиозной свободы в США сквозь призму американской стратегии национальной безопасности» — автор исследует национально-правовую специфику обеспечения свободы вероисповедания в США, а также вопрос взаимоинтеграции принципов религиозной свободы и стратегии национальной безопасности США;

профессора факультета социальных исследований Высшей школы безопасности Анны Куркевич (Познань, Польша) на тему «Технология власти и восприятие сообщества: вопрос о границах безопасности» — восприятие и понимание внутри сообщества представлены как составной элемент формирования общества. При этом границы сообщества определяются границами безопасности, ее объемом и смысловым содержанием. Вслед за М. Фуко автор рассматривает безопасность как основную категорию формирования общества.

Отдельный раздел посвящается анализу ситуации в Африке, в частности социально-политической ситуации и эволюции интеграционных процессов в Центральной Африке под авторством магистра международной экономики и менеджмента, эксперта по развитию сообществ Сулеймана Сумахоро (Инсбрук, Австрия) и аспиранта кафедры политического анализа и управления факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов Ахмата Идрисс (Москва, Россия) соответственно. Сулейман Сумахоро обращается к «тезису катастрофизма» применительно к Африканскому континенту ввиду распространения COVID-19. Автором представлен интересный анализ моделей, которые используются для выработки политики и программ вмешательства в африканские процессы.

Важной частью выпуска являются исследования молодых политологов по актуальным проблемам современности в международном аспекте. Работы охватывают широкую географию: Россию, Китай, Сингапур, Францию, Италию, Польшу, Турцию.

Также в журнале представлен обзор прошедшего 29 и 30 октября 2020 года в Московском государственном

университете имени М.В. Ломоносова научно-практического форума о продвижении принципов «зеленой» экономики в целях ускорения научно-технологического прогресса (Moscow Green Economy Forum 2020). В форуме приняли участие более 300 человек, в том числе зарубежные эксперты из Индии, Китая, Турции, Австралии, Киргизии и Казахстана. Журнал «Русская политология — Russian Political Science» выступил информационным партнером данного форума.

Редакция журнала выражает признательность авторам за их интеллектуальный труд и желает дальнейшей

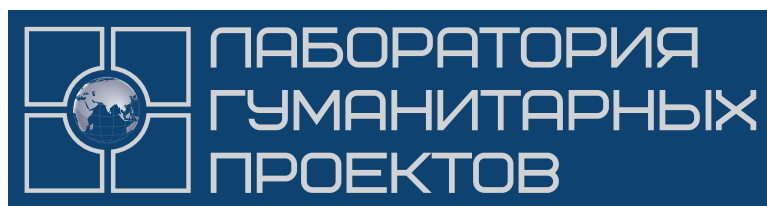
плодотворной работы. Приглашаем политологов из разных стран публиковать свои статьи в журнале «Русская политология — Russian political science».

Основываясь на принципах научности, считаем необходимым допускать и признавать различные точки зрения, методы и подходы в исследованиях. Убеждены, что сотрудничество политологов из разных стран и континентов способствует формированию более безопасного и предсказуемого мира.

С уважением,

Редакция журнала
«Русская политология —
Russian political science»

Журнал издается при поддержке АНО «Лаборатория гуманитарных проектов»

МРАЧНОЕ СОСТОЯНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Аннотация

Представляем вниманию перевод доклада автора, с которым он выступил на онлайн-конференции «Будущее партий в политических системах современного мира». Онлайн-конференция состоялась 15 декабря 2020 года на факультете политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: Партийная система США, демократия, партии, Демократическая партия, республиканская партия.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.010

Автор

Питер Кузник

Профессор истории и директор
Института ядерных исследований
Американского университета
(Вашингтон, США)

Американская политика в настоящее время находится в руинах. Это далеко от тех дней в 1630 году, когда Джон Уинтроп¹ мог провозгласить, что Америка будет подобна «Граду на холме, взоры всех народов будут устремлены на нас»², или в 1919 году, после Версаля,

когда Вудро Вильсон³ провозгласил: «Наконец-то мир узнал Америку как своего спасителя!»⁴. Или 1998 год, когда госсекретарь Мадлен Олбрайт⁵ могла бы сказать: «Если нам придется использовать силу, это потому, что мы — Америка. Мы незаменимая

проповеди — «Город на холме» (Ис. 2:2–3, Мф. 5:14 — английские версии Библии используют слово, переводимое как «холм», в русском Синодальном переводе — «гора»). Это будет образцовое воплощение избранными воли Бога. Оно станет оплотом спасительной веры, где найдут пристанище все «блаженные духом» (см.: Уинтроп — URL: http://summa.rhga.ru/edin/pers/detail.php?rraz=&ELEMENT_ID=5356).

³ Томас Вудро Вильсон (англ. Thomas Woodrow Wilson) — 28-й президент США (1913–1921).

⁴ После Парижской конференции Вильсон восторженно воскликнул: «Наконец-то мир узнал Америку как своего спасителя!» Когда Вильсон вернулся в США, противники Версальского договора отнюдь не приветствовали его как спасителя: он подвергся ожесточенной критике и слеза, и справа (см.: [1]).

⁵ Мадлен Олбрайт — Госсекретарь США (1997–2001), постоянный представитель США при ООН (1993–1997).

¹ Уинтроп Джон (1588–1649) — теолог-конгрегационалист, религиозный и политический деятель. Из английской семьи богатых землевладельцев. Получил образование в Кэмбридже и занимался юридической практикой. Участвовал в парламентской оппозиции. Будучи ревностным пуританином, считавшим своим долгом перед Богом противостояние католической экспансии в Северной Америке, Уинтроп организовал большую переселенческую экспедицию протестантов в Новую Англию. Здесь была основана Массачусетская колония, губернатором которой стал Уинтроп (см.: Уинтроп — URL: http://summa.rhga.ru/edin/pers/detail.php?rraz=&ELEMENT_ID=5356).

² Пересекая Атлантику в 1630 г., Уинтроп произнес проповедь «Образец христианского милосердия», ставшую своего рода программой построения богоизбранного общества на американской земле. Ключевое понятие

нация» [2]. Джо Байден¹, Энтони Блинкен² и Джейк Салливан³, возможно, все еще цепляются за американскую исключительность — идею о том, что Соединенные Штаты — это божий дар человечеству, — и объявляют, что США готовы возобновить глобальное лидерство, но никто не воспринимает это всерьез, учитывая абсолютно жалкую реакцию Соединенных Штатов на пандемию, которая только подчеркнула вопиющее экономическое и расовое неравенство Америки и вопиющую попытку одной из двух ее основных политических партий бросить вызов воле американского народа и открыто и незаконно украсть выборы.

Обе основные политические партии в США восходят к XIX веку. Ни одна из них не была бы узнаваема для граждан 80 лет назад. Сегодняшняя Республиканская партия, которая когда-то с гордостью называлась партией Авраама Линкольна⁴, превратилась в фашистский культ смерти (fascistic death cult). Это началось в 1950-х годах, когда президент Эйзенхауэр⁵ наблюдал за ростом военно-промышленного комплекса, о котором он позже предупредил. При республиканце Эйзенхауэре США от чуть более 1000 единиц ядерного оружия, когда он вступил в должность, дошли до более чем 22 000, когда он покинул свой пост, и 30 000, когда его

бюджетный цикл был завершен. Этот процесс продолжался при республиканце Ричарде Никсоне⁶, который в 1968 году проводил Южную стратегию⁷, сознательно апеллируя к белым расистам на Юге, которые выступали против гражданских прав чернокожих американцев, в то время как он бомбил Вьетнам, ввергая в каменный век. Она получила значительный импульс при республиканце Рональде Рейгане⁸, который вновь разжег холодную войну и гонку вооружений, развязал эскадроны смерти в Центральной Америке, нормализовал ложь ради партийных преимуществ, сократил налоги для богатых и социальные программы для бедных, ослабил организованную рабочую силу и положил начало 40-летней неолиберальной экономической политике, основанной на вере в то, что правительство не является решением проблем людей; оно было причиной этих проблем. Падение реальной заработной платы, начавшееся в 1972 году, ускорилось и так и не восстановилось. Теперь у трех самых богатых американцев больше богатства, чем у нижней половины населения. Самый богатый 1 % имеет больше богатства, чем самые бедные 90%. Республиканец Джордж У. Буш⁹, самопровозглашенный сострадательный консерватор, прославил государство войны/слежки, а республиканец Дональд Трамп¹⁰ попытался вбить

¹ Джозеф Робинетт Байден-младший — 46-й президент США с 20 января 2021 года.

² Энтони Джон Блинкен — американский государственный деятель, заместитель государственного секретаря США в 2015–2017 годах. В первый президентский срок Барака Обамы — с 2009-го по 2013-й — Блинкен был советником Байдена по вопросам национальной безопасности. В период избирательной кампании в 2020 году Блинкен стал советником по внешней политике и неофициальным спикером Байдена.

³ Джейкоб Джеремая Салливан — советник по национальной безопасности вице-президента США в 2013–2014 годах, советник президента США по национальной безопасности с 2021 года.

⁴ Авраам Линкольн — 16-й президент США (1861–1865) и первый от Республиканской партии.

⁵ Дуайт Дэвид Эйзенхауэр — 34-й президент США (1953–1961).

⁶ Ричард Милхауз Никсон — 37-й президент США (1969–1974). В 1974 году досрочно подал в отставку, сложив полномочия в результате Уотергейтского скандала. Это был первый в истории случай отставки президента США.

⁷ «Южная стратегия» — избирательная стратегия Республиканской партии, направленная на усиление политической поддержки среди белых избирателей на Юге США.

⁸ Рональд Уилсон Рейган — 40-й президент США (1981–1989).

⁹ Джордж Уокер Буш — 43-й президент США в 2001–2009 годах, губернатор штата Техас с 1995 по 2000 год.

¹⁰ Дональд Джон Трамп — 45-й президент США с 2017 по 2021 годы.

последний кол в сердце американской демократии.

Великий американский писатель и социальный критик Гор Видал¹ был спрошен британским интервьюером, почему президент Обама² так слабоотреагировал, когда республиканцы начали такие жестокие нападки на него. Видал объяснил: «Обама считает Республиканскую партию политической партией, хотя на самом деле это мышление, как у Гитлерюгенда, основанное на ненависти — религиозной ненависти, расовой ненависти. Когда вы, иностранцы, слышите слово “консерватор”, вы думаете о добрых стариках, охотящихся на лис. Это не так, они фашисты» [3]. К сожалению, Видал был прав. Окончательный спуск в фашизм начался с возвышения Дональда Трампа, чья кампания была окутана уровнем лжи, никогда ранее не наблюдавшимся в США. Беззастенчивая и непримиримая ложь Трампа продолжалась на протяжении всего его президентства. По данным Washington Post, он достиг 20 000 ложных заявлений 9 июля 2020 года [4]. Он начал с того дня, когда был избран, лгать о своем перевесе в победе (он проиграл народное голосование на три миллиона), о численности своей толпы, о миллионах людей, которые якобы голосовали незаконно, и так далее. Он клеймил новости, которые ему не нравились, «фальшивыми новостями», поносил и угрожал основным СМИ. Большинство республиканцев, найдя лидера, которого они всегда хотели, — Супермена, которому они могли поклоняться и слепо следовать, охотно, даже радостно и бесстыдно, — прыгнули на подножку Трампа. Пресс-брифинги Трампа под руководством Шона Спайсера³, Сары

Хакаби⁴ и Кейли Макинани⁵ удивили бы даже Геббельса. Трамп отверг изменение климата как «китайскую мистификацию», повторив пропаганду Exxon Mobil и братьев Кох⁶, и вышел из Парижских климатических соглашений. Подобно леммингам, которые следуют друг за другом с обрыва, вся Республиканская партия не только отрицает экзистенциальную угрозу антропогенного изменения климата, но и полностью отвергает науку. Республиканцы превратились в партию плохих земель, которые говорят о такой ерунде, как «альтернативные факты», в то время как они обирают американский народ снижением налогов на триллион долларов для непристойно богатых. Они сокращают социальные программы: образование, социальное обеспечение, продовольственные талоны, здравоохранение — и только расширяют армию и полицию. Они превозносят превосходство белых, поскольку их база кипит от гнева и негодования по отношению к группам меньшинств и иммигрантам. Трамп подстрекал ополченцев и неонацистские группировки, которые, по его словам, содержат «хороших людей», призывая некоторых из наиболее злобных «отойти в сторону и стоять в стороне» и аплодируя поведению жестоких мародерствующих уличных головорезов, бродящих по городам страны, как это произошло в Германии в преддверии нацизма.

дома в администрации Президента США Дональда Трампа.

⁴ Сара Элизабет Хакаби Сандерс — пресс-секретарь Белого дома с 21 июля 2017 года по 1 июля 2019 года.

⁵ Кейли Макинани — пресс-секретарь Белого дома с 7 апреля 2020 года по 20 января 2021 года.

⁶ Чарльз и Дэвид Кох (Charles Koch и David Koch) — совладельцы крупнейшей в мире частной компании Koch Industries. Братья Кох являются одними из главных доноров консервативного крыла Республиканской партии. Сфера деятельности братьев Кох — нефтепереработка, производство и обслуживание оборудования для нефтеперерабатывающей промышленности.

¹ Юджин Лутер Гор Видал — американский писатель, эссеист, кино- и театральный драматург, признанный классик американской литературы второй половины XX века.

² Барак Хуссейн Обама II — 44-й президент США с 2009 по 2017 годы.

³ Шон Майкл Спайсер — с 20 января 2017 года и до 21 июля 2017 года пресс-секретарь Белого

Но то, что цементирует республиканцев как фашистский культ смерти, — это их самое последнее поведение, начиная с реакции на пандемию. Они ничего не сделали, чтобы остановить распространение смертельного вируса. Во-первых, они отрицали это. Затем они преуменьшили его серьезность. Затем они предложили ложные и абсурдные методы лечения. Они издевались над людьми за то, что они носили маски на публике и дистанцировались, а также не распространяли необходимое профилактическое оборудование или не проводили тестирование и розыск. В результате 300 000 с лишним смертей американцев, которые, по мнению некоторых экспертов, составляют лишь часть реального числа. Такое количество жертв более чем в пять раз больше американцев, чем погибло во время вторжения США во Вьетнам, более чем в сто раз больше, чем погибло 11 сентября, и почти точное число погибших в боях во Второй мировой войне. А Трамп и республиканцы ничего не делают, чтобы обуздать или контролировать пандемию или облегчить страдания. Трамп даже не упоминает об этом больше, а незаслуженно ставит себе в заслугу вакцину, несмотря на то, что более 3000 американцев умирают каждый день. Если это не культ смерти, то я не знаю, что это такое, за исключением, возможно, того, что Трамп согласился с отменой ядерных договоров, бесцеремонными разговорами об использовании ядерного оружия, приветствием гонки ядерных вооружений и отказом до тех пор, пока не стало слишком поздно продлить новый договор СНВ. Эксперты из «Бюллетеня ученых-атомщиков»¹ абсолютно не шутили,

когда перевели стрелки Часов Судного дня² на 100 секунд до полуночи — это самое близкое время до возможной трагедии с момента открытия часов в 1947 году.

Как будто этого было недостаточно, поведение Республиканской партии за последние шесть недель — это то, чего мы никогда не видели раньше в истории США. Трамп и республиканцы попытались устроить государственный переворот, чтобы захватить власть. Они отрицали справедливость президентских выборов, неоднократно заявляя о широко распространенном мошенничестве, не представляя ни малейшего правдоподобного доказательства. После того как их обвинения в мошенничестве с избирателями были отклонены в 59 судебных исках почти 90 судьями, многие из которых были назначены Трампом, они попытались заставить избирательных чиновников штата, законодателей и губернаторов отменить выборы. Когда это не удалось, они попытались добиться вмешательства Верховного суда. Это были не только Трамп, Джулиани, два сына-идиота Трампа и другие члены семьи; это была практически вся Республиканская партия. До того, как Коллегия выборщиков вчера официально объявила победу Байдена, только 27 избранных республиканских законодателей были готовы признать Байдена избранным президентом. 126 членов Палаты представителей республиканцев и 17 генеральных прокуроров штатов-республиканцев подписали явно абсурдный иск об отмене результатов и лишении избирательных прав 20 миллионов избирателей, который доминирующие республиканцы, члены Верховного

сими и Нагасаки под названием «Бюллетень чикагских ученых-атомщиков».

² С 1947 г. эксперты журнала «Бюллетень ученых-атомщиков» ведут проект «Часы Судного дня», аллегорически представляющий уровень ядерной угрозы в мире. Близость минутной стрелки к полуночи отражает вероятность начала ядерной войны.

¹ «Бюллетень ученых-атомщиков» — журнал, издается в США, освещает вопросы международной безопасности и угрозы, вызванные ядерным оружием, другими видами оружия массового уничтожения. Издается с 1945 года в г. Чикаго, основан бывшими участниками Манхэттенского проекта после атомных бомбардировок Хиро-

суда, включая назначенцев Трампа, в общем порядке отклонили. А избиратели Трампа так же бредят, как и сам Трамп. 77% из них по-прежнему считают, что имело место массовое мошенничество с голосованием и выборы были украдены. Половина верит совершенно безумному утверждению канона о том, что демократы — это педофильский, пожирающий детей, сатанинский культ. Поэтому, когда я говорю, что Республиканская партия, члены которой заболевают ковидом и все еще отказываются принимать элементарные меры предосторожности, является фашистским культом смерти, который отвергает науку, заменяет правду ложью, сокращает социальные программы, намеренно увеличивает разрыв между богатыми и бедными, пытается выиграть выборы, подавляя избирателей, а затем выбрасывая голоса, поклоняется военной символике и зрелищам, отрицает науку и вводит в заблуждение общественность вместе с ее помощниками Fox News и talk radio, поддерживает широкий спектр репрессивных мер, открыто поддерживает превосходство белых и расизм во всех его уродливых проявлениях, охватывает Америку прежде всего национализмом и ксенофобией, разжигает ненависть к иммигрантам и пытается устроить политический переворот, я не преувеличиваю. Я говорю это буквально.

Демократы, может быть, и не кучка педофилов-сатанистов, но они определенно сбились с пути. Они шли по нисходящему пути с тех пор, как партийные боссы организовали внутрипартийный переворот в 1944 году и заменили чрезвычайно популярного вице-президента Генри Уоллеса¹ (который имел 65% под-

держки избирателей по данным Гэллупа) сенатором от Миссури Гарри Трумэном² (у которого было два процента). Трумэн продолжал использовать атомные бомбы, которые ни в коей мере не были необходимы или оправданы, как это было засвидетельствовано семью из восьми пятизвездочных офицеров Америки в 1945 году, и спровоцировал угрожающую человечеству холодную войну, уводя Демократическую партию от протрудовой, прогрессивной, перераспределительной и международной политики сотрудничества Франклина Рузвельта³ на путь милитаризма и интервенционизма, который едва отличал ее от республиканцев в течение последних 75 лет. По мере того как рабочее движение, составлявшее основу прогрессивного нового курса партии, приходило в упадок, демократы все чаще обращались к тем же корпоративным интересам и союзникам Уолл-Стрит и оборонным подрядчикам, которые также финансировали республиканцев. Они извлекли неправильные уроки из способности Рейгана привлечь бывших «синих воротничков» — демократов в лоно Республики и при Билле Клинтоне⁴ склонились к центру, став менее реакционной версией республиканцев, а не откровенно прогрессивной, пролейбористской партией, которой было что предложить рабочим и среднему классу. Надежды на то, что Обама вернет их на более демократический и эгалитарный курс, были быстро разбиты, поскольку ориентированный

пейского социализма" и „русского коммунизма“» (Минасян Г.Е. Левые силы США против «холодной войны» (1945–1948) // Американское общество на пороге XXI века: итоги, проблемы, перспективы: Материалы международной научной конференции. М.: Изд-во МГУ, 1996. — С. 72–75.)

² Гарри С. Трумэн — 33-й президент США в 1945–1953 годах от Демократической партии.

³ Франклин Делано Рузвельт — 32-й президент США, возглавлял США во время Великой депрессии и Второй мировой войны.

⁴ Уильям Джефферсон (Билл) Клинтон — 42-й президент США (1993–2001) от Демократической партии.

¹ Генри Эгард Уоллес — в 1933–1940 годах министр сельского хозяйства, в 1941–1945 годах вице-президент США в правительстве Ф. Рузвельта. В 1945–1946 годах — министр торговли. Утверждается, что идеалом Г. Уоллеса было «конвергентное сообщество, сочетающее лучшие стороны „американского капитализма“, „евро-

на беспилотники милитаризм Обамы, одержимость безопасностью и слежкой, русофобские наклонности и бесхребетный центризм сделали его чуть более добрым и мягким сторонником американской империи, чем его республиканские коллеги.

Это ставит будущее политических партий Америки в довольно мрачное положение. Традиционные консерваторы, которые все еще верят в науку и демократию, толпами покинули Республиканскую партию. Демократический истеблишмент делает все возможное, чтобы маргинализировать прогрессивное крыло партии: Берни Сандерса¹, Элизабет Уоррен² и Александрию

Окасио-Кортес³. Поставленный перед выбором между открыто отрицающими изменение климата фашистскими республиканцами, которые презирали правление и бесчувственно наблюдали за тем, как сотни тысяч американцев бессмысленно умирают, с одной стороны, и бесстрастными центристскими демократами, стремящимися восстановить некое подобие компетентности, с другой, американский народ мудро выбрал последнее. Но будущее для американцев прямо сейчас, на этом мрачном этапе американской истории, не более светлое, чем будущее для других 7,5 миллиарда людей на этой лишенной лидера, барахтающейся и все более впадающей в отчаяние планете.

¹ Бернард (Берни) Сандерс — сенатор США от штата Вермонт с 2007 года. Определяет себя как демократического социалиста (единственный из сенаторов США) и представителя американского прогрессивизма «Нового курса».

² Элизабет Энн Уоррен — сенатор США от Массачусетса с 2013 года. Член Демократической партии.

³ Александрия Окасио-Кортес — член Палаты представителей США с 2019 года. Состоит в Демократической партии и является сторонницей демократического социализма.

Литература

1. Кузник П., Стоун О. Нерассказанная история США. — М.: Азбука-Аттикус, 2014.
2. Тодд Э. После империи. Pax Americana — начало конца. — М., 2004.
3. Corfe R. The Future of Politics: With the Demise of the Left/right Confrontational System. — Arena Books, 2010. — P. 169.
4. President Trump has made more than 20,000 false or misleading claims. — URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/07/13/president-trump-has-made-more-than-20000-false-or-misleading-claims/>.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ В США СКВОЗЬ ПРИЗМУ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

Статья посвящена изучению современных американских политических тенденций обеспечения свободы вероисповедания путем ее закрепления в фундаментальных нормативных правовых актах, в том числе через ее привязку к основам стратегии национальной безопасности страны. Взаимодействие религиозного с политическим рассматривается автором через двойную призму: взаимоинтеграции принципов религиозной свободы и стратегии безопасности США и взаимосвязи на принципах политического равноправия, что в обоих случаях несет в себе конфликтный потенциал, а именно столкновение интересов верующих со стратегическими интересами государства. На основе обширного политико-правового материала автор, учитывая конфликтность и некоторую состязательность обеих сторон вопроса, а именно нежелание первой подчиняться второй, формулирует выводы об организационных и управленческих промахах текущего американского руководства в части интеграции религиозного компонента в обеспечении национальной безопасности.

Ключевые слова: политическая конфликтология, свобода вероисповедания, религиозные права человека, национальная безопасность, США, стратегия национальной безопасности США.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.001

Автор

Мурад Халилович Абдуллаев

Кандидат филологических наук, младший партнер
Агентства стратегических коммуникаций (г. Москва),
член Американской ассоциации политической науки
(Майами, США / Москва, Россия)

В начале января 2018 года Президент США Дональд Трамп подписал декларацию, устанавливающую в Америке официальную дату празднования Дня религиозной свободы — 16 января. Так совпало, что двумя неделями ранее глава Белого дома обнародовал первый отчет своей администрации о стратегии национальной безопасности страны. Ключевое ее отличие от предыдущих стратегий — фокусировка на защите и продвижении свободы вероисповедания и прав религиозных меньшинств в качестве стратегического приоритета Соединенных Штатов Америки.

Обращаясь к нации, Дональд Трамп, очевидно отсылаясь к Биллю о религиозных правах 1786 года, отметил, что *«праотцы американцев, спасаясь от религиозных преследований, верили в неотложную истину: свобода — это не дар власть предрежащих или правительства, а священное право, ниспосланное Господом»* [White House, 2018].

Билль о религиозных правах [Jefferson, 2003], подписанный лично Томасом Джефферсоном, стал не просто одним из основополагающих текстов новообразованной страны — им были определены ключевые принципы соблюдения и защиты религиозных прав

и свобод человека в демократическом обществе:

«Все люди должны быть свободны в исповедании веры и вольны отстаивать с помощью доводов свои взгляды в вопросах религии, и это не должно ни в коем случае уменьшать или увеличивать их гражданскую правоспособность или как-то влиять на нее» [Jefferson, 2003], — указывал Джефферсон в одном из своих сочинений.

Однако что же представляет собой свобода вероисповедания в США сегодня? Как повлияли современные цивилизационные, политические, религиозные процессы на права и свободы верующих?

Как справедливо отмечает профессор религии и публичной политики Университета Уэйк Форест (Wake Forest University) Мелисса Роджерс (Melissa Rogers), невозможно понять религию в Америке без понимания важнейших американских принципов религиозной свободы: *государство не может издавать акты, ущемляющие религию или религиозные чувства верующих; государство обязано обеспечивать религиозные права и свободы и защищать их* [Rogers, 2004: 903].

В сегодняшнем американском понимании термин «свобода вероисповедания» выходит за пределы пресловутого понятия «свобода поклонения» и права совершать религиозные обряды. Демократическая первооснова принципов религиозной свободы в США формулирует ее не иначе, как постулат о том, что «людям, чтобы соответствовать культуре или правительству, не нужно идти против своих религиозных ценностей и убеждений» [Russo, 2013: 365]. Американская свобода вероисповедания в ее оригинальном замысле защищает право людей «мирно и публично выступать и действовать в соответствии со своими убеждениями», в том числе религиозными, сакральными. Однако эта свобода ни в коей мере не означает, что человек, вооружившись религиозными принципами, имеет право делать все, что ему заблагорассудится.

Верховным судом США установлено, что федеральное правительство имеет право ограничивать свободу вероисповедания, когда оно имеет к этому «непреодолимый интерес» в целях защиты общественного блага и ограничения возможностей человека причинять вред другим. Однако «вред» в данном случае — понятие весьма обширное: в каких-то случаях вред можно причинить ближнему своему (члену семьи, соседу, коллеге и т.д.), а в каких-то — речь идет об угрозах и ущербу государству в общенациональных, глобальных масштабах. Именно здесь религиозные права и свободы человека вступают во взаимодействие (или в противоречие?) со стратегическими интересами государства и нации, в особенности когда речь идет о безопасности страны и ее граждан. Вопросы безопасности в современных США стоят выше любых прав и свобод.

Принципы религиозной свободы и национальная стратегия безопасности США: взаимоинтеграция?

Стратегия национальной безопасности США публикуется каждые несколько лет. Она обновляется. В ней представлен обзор стратегических приоритетов администрации по укреплению американской национальной безопасности, а также описываются пути, которыми США могут использовать свои дипломатические, экономические и военные ресурсы для достижения фундаментальных приоритетов страны.

Впервые вопросы религиозных прав и свобод были упомянуты в тексте Стратегии национальной безопасности (далее — СНБ) 25 лет назад, во времена президентства Билла Клинтона. Эпоха Дональда Трампа ознаменовалась установлением в СНБ свободы вероисповедания как фундаментального права американского общества; государство в ней признано ответственным за продвижение этой свободы и организацию

работы с американскими партнерами по защите религиозных меньшинств от ущемлений и в целях сохранения их культурного наследия.

Такая ориентированность на поддержку религиозных свобод в контексте госбезопасности устраивает, однако, не всех в администрации президента. Якобы, провозглашая принцип свободы вероисповедания, авторы СНБ уделяют мало внимания комплексной стратегии национальной безопасности в области свободы вероисповедания; по сути, это означает интеграцию принципов религиозной свободы в стратегию безопасности, а не наоборот. Эта озадаченность вызывает отклик и у нынешнего главы Белого дома Дональда Трампа.

В частности, американский президент считает, что «внешняя политика США должна выйти за рамки простой словесной поддержки свободы вероисповедания к использованию этой свободы в качестве стратегии борьбы с терроризмом» [White House, 2018]. Кстати, эти позиции пересекаются с последними аналитическими записками (2017–2019 гг.), публикуемыми традиционно в начале каждого года Институтом религиозной свободы и Институтом глобального взаимодействия совместно с приложением рекомендаций Отдела Госдепартамента США по международной политике в области свободы вероисповедания.

Интеграция религиозных прав и свобод граждан США в основы безопасности страны, по мнению президента Института религиозной свободы (RFI) Томаса Фарра (Thomas Farr), не только помогла бы справиться с внутриамериканскими проблемами обеспечения религиозной защиты, но и повысили бы эффективность дипломатии США на внешних фронтах: *«это — помощь мусульманам рохинджа в Бирме, тибетским буддистам в Китае или езидам и христианам Ирака; это помогло бы стабилизироваться и набраться новых сил и энтузиазма борющимся демократиям,*

например, в Египте или Пакистане» [Farr, 2018].

Отметим, что значение религиозного аспекта в современных глобальных процессах, прежде всего, касающихся международных отношений, внешней политики стран мира, внутригосударственных процессов, связанных в том числе с деятельностью и политической активностью конфессиональных групп действительно растет и укрепляется [Abdullaev, 2020: 181]. Мировая религиозная повестка все чаще выходит на первые позиции, оказывается связанной с наиболее актуальными политическими, экономическими, социокультурными явлениями.

Принципы религиозной свободы и национальная стратегия безопасности США: взаимосвязь на условиях относительной самостоятельности?

Конечно, нельзя отрицать, что свобода вероисповедания и национальная безопасность в Соединенных Штатах тесно взаимосвязаны. Обеспечение свободы вероисповедания — это не просто проблема прав человека; этот вопрос американцами воспринимается как укрепление внутригосударственной солидарности и национальной (а также международной) безопасности. И новые смыслы СНБ — тому неоспоримое доказательство. Связь обеспечения прав и свобод с обеспечением безопасности выходит на первый план американской международной повестки, и здесь роль США в качестве глобального надзирателя за соблюдением религиозных интересов не удивительна, хотя, и это важно отметить, часто субъективна и избирательна, совпадая, как правило, с геополитическими интересами Соединенных Штатов в различных точках мира.

Отсюда — позволим себе некоторое отступление — *глубокая политизированность в вопросах обеспечения прав и интересов религиозных групп,*

политизация религиозных процессов, берущая начало внутри страны; избирательность в защите свобод одних религиозных меньшинств и в то же время игнорирование (и даже сдержанная неприязнь) к проблемам других.

Тем не менее в СНБ отмечается, что США и в дальнейшем намерены укреплять и отстаивать право на вероисповедание без ущемления, дискриминации или иных видов сегрегации по религиозному или территориальному признакам: «Соединенные Штаты по-прежнему привержены поддержке и продвижению свободы вероисповедания — первой свободы Америки. Наши основатели понимали свободу вероисповедания как дар Бога каждому человеку и фундаментальное право американского общества» [White House, 2017].

Именно поэтому соблюдение принципа партнерства и взаимосвязи интересов национальных со свободами религиозными выходит на первый план политических дискуссий; сегодня американцы всерьез занимаются проработкой вопросов разграничения права свободно исповедовать религию с государственными методами обеспечения безопасности граждан США, среди которых высок процент неверующих (атеистов), а также с учетом конфессионального многообразия в стране. Безусловно, конкретизировать и детализировать отдельные аспекты вышеназванных вопросов президентской администрации предстоит в новой стратегии безопасности, содержание которой во многом зависит от итогов президентских выборов в США в ноябре 2020 года.

Одной из важнейших теоретико-эмпирических работ по поиску доказательств взаимовлияния свободы вероисповедания и мер обеспечения национальной безопасности в части, к примеру, борьбы с терроризмом стало исследование старшего научного сотрудника американского Института религиозной свободы,

доктора политологии Нилая Сайя (Dr. Nilay Saiya). Его книга «Оружие мира: как религиозная свобода борется с терроризмом» (Weapon of Peace: How Religious Liberty Combats Terrorism) является новаторской работой, предлагающей эмпирическое объяснение тезиса: «*религиозная свобода является важнейшим элементом безопасности любой страны*». В частности, Н. Сайя выделяет пять ключевых причин, по которым обеспечение религиозной свободы способствует поддержанию внутренней безопасности страны:

1) *плюрализм* (разнообразие религиозных «голосов» и мнений, свободное формирование общественной религиозной мысли);

2) *политические интересы* (в свободном демократическом обществе религия, религиозные деятели имеют право на политические взгляды и мнения; свободой политических убеждений пользуются в том числе и религиозные меньшинства, что снижает «градус» общественного напряжения и помогает учитывать интересы максимального количества сторон);

3) *обеспечение мира и стабильности* (развитие религиозной мысли, поддержка религиозных общин способствует повышению общественной солидарности, грамотности, миропонимания, а значит, содействует социальному прогрессу);

4) *первенство (превосходство) первоначальных традиций (трансцендентность)*: свободное исповедание религии направлено против сил авторитаризма и тирании — политических характеристик, которые в первую очередь имеют тенденцию к подпитке терроризма и экстремистских идей (в данном случае, терроризма политического. — А.М.); свобода вероисповедания ограничивает власть государства от злоупотреблений правами и свободами;

5) *правоохранительная деятельность* (укрепление доверия между государством, религией и правоохранительными органами в обеспечении

соблюдения фундаментальных прав и свобод человека, в том числе в создании условий мирного сосуществования представителей различных конфессий в современных реалиях демократии)¹ [Dawson, 2019: 752].

По мнению сотрудника Института религиозной свободы Д. Мода (Daniel L. Mode), продвижение свободы вероисповедания в политике национальной безопасности США (с помощью как дипломатии, так и военной стратегии) повысит безопасность, стабильность и мир как внутри страны, так и за ее пределами [Mode, 2019]. При этом американские эксперты отмечают, что роль государства в данном случае главенствующая, однако — без права вмешательства в дела религиозные, без права ущемления религиозных чувств верующих или дискриминации лица или группы лиц по религиозным признакам, что — несмотря на все декларации и громкие политические заявления — продолжает оставаться реальностью американской повседневности; такая «горькая правда» ставит под сомнение внешнеполитические усилия США по обеспечению соблюдения религиозных прав и свобод.

**Вместо заключения:
какие организационные и
управленческие вопросы стоят
сегодня перед американскими
властями в части интеграции
религиозного в обеспечение
национальной безопасности?**

1. До сих пор не налаженное или слабо организованное *взаимодействие с религиозными организациями и религиозными деятелями* в целях обеспечения реализации фундаментальных прав человека и продвижения внутренней политики государства; в контексте же текущих попыток США выступать в качестве глобального защитника демо-

кратии и прав человека, в том числе и вопросов продвижения свободы вероисповедания за рубежом, достижения целей внешней политики страны.

2. *Реформирование государственной политики (государственных ориентиров) борьбы с антисемитизмом, исламофобией и другими негативными тенденциями в американском обществе*: сегодняшняя политическая ориентация внутренней политики американских властей на вопросы дискриминации, расизма, сексуального угнетения и защиты интересов меньшинств не просто отвлекла внимание от вопросов религиозной неприязни, но и оставила данный блок вопросов, мягко говоря, на бесконтрольное «накопление негативного потенциала», что рано или поздно приведет к «детонации» проблем, по примеру «общественного взрыва» после убийства чернокожего жителя Миннеаполиса Джорджа Флойда местными полицейскими в мае этого года. Учитывая, что вопросы дискриминации и расизма являются сегодня в США ключевыми тенденциями «политической моды», отвлечение внимания от неразрешенных проблем внутренней религиозной политики чревато новыми рисками и непредсказуемыми последствиями; в этой связи еще более удивительно, сколь серьезное внимание Госдеп США уделяет защите религиозных прав за пределами страны: например, религиозной идентичности мусульман всего мира, тогда как последователи ислама внутри США оказываются за пределами внимания и опеки американских властей.

3. *Бюрократия в организации внутренней и внешней политики по вопросам религиозной свободы и взаимодействия религии с политическими институтами*; создание дублирующих друг друга ведомств, введение новых должностных чинов и целой армии спецпредставителей смущает многих американских политаналитиков; при этом далеко не каждое ведомство озабочено выполнением конкретных

¹ Смысловой перевод с английского на русский осуществлен автором. — А.М.

задач и достижением целей — как правило, они создаются по прихоти каждой вновь пришедшей власти, а затем переорганизуются и остаются в тени, не выполняя каких-либо значимых и эффективных функций. Например, спорной является идея создания пула спецпредставителей Управления Госдепартамента США по делам религии и глобальным вопросам (RGA) при каждом из американских посольств по всему миру, которые бы занимались вопросами религиозной дипломатии и контролем за соблюдением ключевых религиозных свобод и интересов.

4. И, наконец, самое важное: системные ошибки американских властей, понимающих *взаимодействие религии и внешней политики США исключительно как борьбу с терроризмом, религиозным фундаментализмом и сепаратизмом*; в США все чаще *вопросы религиозной свободы и безопасности подменяются по факту борьбой с идеологией, с самой религией*, например, с мусульманской

идеологией глобального джихада, в которой сегодня видится чуть ли ни ключевой корень зла религии вообще. Дискредитацией в данном случае ислама и сведением его к исключительно негативным тенденциям, превращением его в «силу зла» и основного идеологического противника американской политики власти ставят своих же граждан — американских мусульман — в крайне сложное положение, в положение негласных «потенциальных внутренних врагов», которые гипотетически могут вынашивать в себе планы по тотальному американскому джихаду, что еще раз говорит о наивности и недопонимании (либо нежелании понимать) истинных проблем религии и ее взаимодействия с политикой. Как правило, такой внутригосударственный политический настрой неизбежно ведет к ущербу правам человека и всеобъемлющей свободе вероисповедания, которой так упорно грезят американцы за пределами своей страны.

Литература

1. Abdullaev M. Muslim Community of the Present-Day USA: Looking for Self-Identity in the Multicultural Society. Islam in the modern world. 2020; 16 (2): 181–202. (In Russ.) <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2020-16-2-181-202>.
2. Dawson, L.L. (2019), Weapon of Peace: How Religious Liberty Combats Terrorism by Nilay Saiya. New York, Cambridge University Press, 2018. *Political Science Quarterly*, 134: 752–753. DOI:10.1002/polq.12966.
3. Executive Order on Advancing International Religious Freedom. Donald J. Trump, The White House, Washington DC, June 2, 2020 [URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-advancing-international-religious-freedom/>].
4. Farr, T. Integrating Religious Freedom into the U.S. National Security Strategy. Religious Freedom Institute, 2018. [URL: <https://www.religiousfreedominstitute.org/blog/integrating-religious-freedom-into-the-us-national-security-strategy/>].
5. Jefferson, T. (2003). A Bill for Establishing Religious Freedom. *Daedalus*, 132 (3), 49–50. Retrieved September 10, 2020 [URL: <http://www.jstor.org/stable/20027858>].
6. Jefferson, T. Notes on the State of Virginia, Query XVII, in Notes, ed. Peden, p. 159.
7. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>].
8. President Donald J. Trump Stands Up For Religious Freedom In The United States. White House Official: whitehouse.gov [https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-stands-religious-freedom-united-states/].
9. Rogers, M. (2004). Religious Freedom in the United States. *International Journal*, 59 (4), 902–910. DOI: 10.2307/40203992.
10. Russo, Ch. J., M.Div., J.D., Ed.D. Religious freedom in the United States: “When you come to a fork in the road, take it”. *University of Dayton Law Review* [Vol. 38:3, 2013], p. 365.
11. The Intersection of U.S. National Security Strategy and Religious Freedom, 2019 by Daniel L. Mode. Religious Freedom Institute, 2019 [URL: <https://static1.squarespace.com/>]

static/57052f155559869b68a4f0e6/t/5f2b12254e4f854f08e6ac3a/1596658213710/Cornerstone+Forum+_+No.+250+_+Mode+_+The+Intersection+of+U.S.+National+Security+Strategy+and+Religious+Freedom.pdf].

Дополнительные источники

1. Brookings experts on Trump's National Security Strategy / Report / Brookings.edu, 2017. Dec. 21st [URL: <https://www.brookings.edu/research/brookings-experts-on-trumps-national-security-strategy/>].
2. Gjelten, T. How The Fight For Religious Freedom Has Fallen Victim To The Culture Wars. NPR, 2019. May 23rd [URL: <https://www.npr.org/2019/05/23/724135760/how-the-fight-for-religious-freedom-has-fallen-victim-to-the-culture-wars>].
3. Religious Freedom Restoration Act, Public Law 141, 103rd Cong., 1st sess. (November 16, 1993) [URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-107/pdf/STATUTE-107-Pg1488.pdf>].

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О НАДВИГАЮЩЕЙСЯ КАТАСТРОФЕ В АФРИКЕ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Аннотация

COVID-19 распространился почти на все африканские государства, причем около 85% стран пострадали с начала пандемии в феврале 2020 года. В отличие от провозглашенного «тезиса о катастрофизме», Африка до сих пор, видимо, хорошо справляется с пандемией. Цель этой статьи — внести вклад в дискуссию о прогнозируемой катастрофе. Речь идет о «тезисе катастрофизма», его существовании и актуальности в африканском контексте. Статья основана на эволюции дискуссии о COVID-19 в Африке. В исследовании представлен анализ статей в прессе, в которых были опубликованы сообщения о научных прогнозах и общественном мнении. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что существует определенная география катастрофических прогнозов, ориентированная на африканский континент. Эти наблюдения поднимают серьезные вопросы о моделях, которые используются для выработки политики и программ вмешательства в африканские процессы. В заключение утверждается, что «тезис о катастрофизме» в африканском контексте является ложным.

Ключевые слова: Африка, COVID-19, пандемия, катастрофизм.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.002

Автор

Сулейман Сумахоро

Магистр в области международной экономики
и менеджмента, эксперт по развитию сообществ,
CARITAS
(Инсбрук, Австрия)

COVID-19 — это глобальный кризис нашего времени и самый большой вызов, с которым мы столкнулись со времен Второй мировой войны. Однако пандемия намного больше, чем кризис здравоохранения, — это также беспрецедентный социально-экономический кризис. Оказывая давление на каждое государство, пандемия имеет разрушительные социальные, экономические и политические последствия, которые оставят глубокие шрамы, для исчезновения чего потребуется время.

На сегодняшний день последствия пандемии в Африке относительно малы по сравнению с остальными частями света. Но мы опасались худшего для континента.

SARS-CoV-2 — тяжелый острый респираторный синдром 2 (ТОРС, англ. SARS), также атипичная пневмония — респираторное вирусное заболевание, вызываемое коронавирусом SARS-CoV-2, впервые появилось в Африке в середине февраля 2020 года, спустя почти три месяца после выявления первого случая Covid-19 в Китае (ноябрь/декабрь 2019 г.). По сей день катастрофы, связанной с Covid-19, в Африке не случилось, несмотря на плохое состояние общественного здравоохранения во всех африканских странах и на то, что считается, что жизнь в городе в целом характеризуется разнородностью и высокой плотностью населения. По состоянию на 30 августа 2020 г. (согласно «Пандемии Covid-19 по

странам и территориям» и «Пандемии Covid-19 в Африке» из энциклопедии) [1; 2] из 24 997 328 подтвержденных случаев заболевания и 842 522 смертей по всему миру в Африке (55 стран) был 1 249 461 подтвержденный случай заболевания и 29 598 смертей, двадцатый и двадцать восьмой из мировых случаев заболевания и смертей соответственно, в то время как Африка представляет одну шестую часть населения мира. По сравнению с так называемыми развитыми западными странами в Африке в 4,8 раза меньше подтвержденных случаев заболевания и в 6,2 раза меньше смертей, чем в Соединенных Штатах Америки (которые почти в четыре раза меньше по населению: 332 639 000 жителей по сравнению с 1,3 миллиарда в Африке) с 6 008 588 случаями заболевания и 184 353 смертельными исходами. В Африке в 3,7 раза больше подтвержденных случаев, чем в Соединенном Королевстве (332 752), которое населено в 19,5 раза меньше, в последней (самой надежной стране Европы) на 11 900 смертей больше, чем в Африке. В наиболее пострадавшей стране Европейского Союза — Италии — в 4,6 раза меньше подтвержденных случаев заболевания и на 5,875 больше смертей, чем в Африке, которая населена в 21,5 раза больше. Аналогично и во Франции (в 19,2 раза менее населенной) — 272 530 случаев заболевания, что в 4,5 раза меньше, чем в Африке, однако больше по количеству смертей на 1004.

Являются ли заявления международных организаций и некоторых западных правительств систематическим катастрофизмом по отношению к Африке или объективной позицией перед лицом ее недостатков в области здравоохранения? Среди африканской элиты существует много дискуссий по этому вопросу.

Рассказ о предсказанной катастрофе...

В начале пандемии в феврале 2020 года представителями Всемирной

организации здравоохранения (ВОЗ) было заявлено, что «от 29 до 44 миллионов человек в Африке могут заразиться в первый год пандемии и умереть от 83 000 до 190 000 человек» [25].

Также был высказан призыв африканским странам «проснуться» и готовиться к «худшему». В марте 2020 года Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш предупредил о последствиях COVID-19 на континенте: «...без значительной степени мобилизации... неизбежно будут миллионы смертей» [26]. Также он подчеркнул важность признания Африки приоритетом в борьбе с COVID-19.

По состоянию на ноябрь 2020 года континент является одним из наименее пострадавших регионов в мире: 2 345 341 подтвержденный случай заболевания, 296 150 человек находятся на лечении и 1 993 518 вылечились, 55 673 смертельных случая [1].

Нам следует спросить себя, не кажется ли эта теория катастрофизма слишком фаталистичной? Так, пандемия коронавируса привела некоторые западные правительства к возобновлению афропессимизма.

Африка была представлена как уязвимый континент, где смертность может исчисляться не тысячами, а миллионами людей. Считается, что в этом представлении нет ничего исторически фатального, чего континент не может избежать. Африканская интеллигенция настоятельно призывает африканских лидеров к «переосмыслению здоровья как важнейшего общественного блага» и «использованию этого кризисного момента как возможности пересмотра государственной политики» в целях защиты населения [3].

Пандемия COVID-19 может подорвать основы африканских государств и их администраций, чьи глубокие неудачи уже давно игнорируются большинством лидеров континента и их окружением. Невозможно перечислить все, поскольку их очень много: недоста-точные инвестиции в здравоохранение

и основополагающие исследования, отсутствие продовольственной безопасности, растрата государственных финансов, приоритетность дорожной инфраструктуры, энергетики и аэропортов в ущерб человеческому благополучию и т.д. Все эти темы являются предметом специальной литературы, которой в настоящее время много, но которая, по-видимому, мало проникла в круги власти различных государств континента. Наиболее очевидным доказательством этого разрыва является современное антикризисное управление [3].

Африка должна вновь обрести интеллектуальную свободу и способность создавать, без чего невозможен суверенитет. Чтобы уменьшить нашу системную зависимость, необходимо отказаться от субподряда в отношении наших суверенных прерогатив, восстановить связь с местными условиями, уйти от бесплодной имитации, адаптировать научно-технические и исследовательские программы к нашим историческим и социальным контекстам, задуматься о наших институтах с точки зрения нашей уникальности и того, что у нас есть, задуматься об управлении на основе широкого участия, самостоятельном развитии, создании ценностей в Африке. Прежде всего, важно не забывать о том, что континент обладает достаточными материальными и человеческими ресурсами для построения общества благосостояния на эгалитарной основе и уважения достоинства каждого. Недостаток политической воли и внешнее вмешательство больше не могут служить оправданием наших неудач. У нас нет выбора: мы должны изменить курс. Время пришло [3].

Вызов Африке

Африка столкнулась с пандемией COVID-19, когда она была плохо подготовлена к преодолению такого кризиса здравоохранения из-за нехватки медицинских услуг для населения, не-

адекватных государственных расходов на здравоохранение.

По мнению высокопоставленных должностных лиц ВОЗ в Африке, других международных организаций и некоторых представителей африканских элит, предупреждение о пандемии не было чем-то плохим. Такая позиция была призвана помочь африканским странам хорошо подготовиться к предотвращению потенциальной катастрофы. Тогда несправедливо говорить о фатализме. К тому же такие организации, как ВОЗ, подвергались резкой критике за то, что не предприняли все необходимые меры для эффективной борьбы с эпидемиями [4; 5; 6].

Меры реагирования

В то время несколько африканских стран знали, что ожидание — ключевой фактор любой стратегии борьбы с эпидемией. Поэтому каждое государство — член Африканского союза (АС) разработало свою собственную стратегию подготовки к эпидемии и реагирования, которая была реализована на ранней стадии, — когда были зарегистрированы первые случаи заражения. Помимо разделения подтвержденных и подозреваемых случаев и обработки подтвержденных случаев, основная стратегия заключалась в принудительном и резком сдерживании населения большинства крупных городов посредством внутренних запретов на поездки и закрытия границ. В некоторых странах был введен комендантский час, и правоохранительные органы, включая армию, строго следили за соблюдением всех этих мер, иногда очень жестко. Информация об эпидемии широко распространялась с помощью артистов и певцов, футболистов и других знаменитостей. При нехватке ресурсов государства — члены ООН сопровождали эти меры социальным компонентом, чтобы удовлетворить основные потребности преимущественно неблагополучных групп населения, которые вынуждены

были оставаться дома без заработка, рискуя умереть от голода.

Тестирование на предмет заболевания и контактов с выделением подозрительных или положительных случаев медленно вводилось в действие.

В некоторых африканских странах, таких как Гана, Сенегал, Кот-д'Ивуар и ЮАР, опыт, накопленный в ходе предыдущих эпидемий (Эбола, холера, брюшной тиф, ВИЧ/СПИД, трипаномоз, корь), был полезен для лечения инфицированных лиц и предотвращения распространения COVID-19, который появился в Китае в декабре 2019 года. Ведутся научные исследования по поиску вакцины и лекарства, а также принимаются усилия по координации между министерствами здравоохранения на региональном и континентальном уровнях. Например, продвижение CVO (Covid-19 Organics) малагасийскими властями: травяного отвара, включающего артемизию, растение, из которого извлекается артемизинин, используемый более двадцати лет для лечения малярии. Инъекционная форма CVO также находится в стадии подготовки. Власти Демократической Республики Конго с помощью доктора Жерома Муньянги, молодого конголезского исследователя, работающего в Анте, провели клиническое испытание CVO в Демократической Республике Конго. ВОЗ не рекомендовала использовать этот препарат государствам субрегиона, Африканскому союзу, так как существуют опасения по поводу повышения устойчивости малярийного паразита к артемизинину. Тем не менее CVO уже включен в протоколы лечения нескольких государств — членов Африканского союза (АС).

Работать вместе для подготовки и быстрого реагирования

По мнению доктора Джона Оладехо, директора Отдела готовности к чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения Нигерийского центра

по борьбе с болезнями (NCDC), координация между всеми партнерами внутри страны и за ее пределами имеет важное значение для предотвращения распространения эпидемии. С 2017 года Всемирный банк оказывает поддержку NCDC в укреплении потенциала Нигерии по предотвращению, выявлению, прогнозированию вспышек и реагированию на них.

«Когда коронавирус впервые появился, мы создали техническую рабочую группу для подготовки. Были задействованы все партнеры, мы изучили состояние инфраструктуры и запасы лекарств, а также то, откуда, скорее всего, будут поступать подозрительные случаи. Первый подозрительный случай произошел в феврале, и мы быстро запустили центр экстренных операций. Мы завершили наш план реагирования и следовали ему до последней буквы, чтобы убедиться, что мы ничего не оставили на волю случая. Всемирный банк, ЮНИСЕФ, ВОЗ и NCDC работали рука об руку, чтобы достичь этого», — сказал доктор Оладей.

Наряду с другими региональными партнерами Всемирный банк помог странам принять необходимые меры для борьбы с этой глобальной угрозой. Был одобрен пакет быстрого стартового финансирования в размере 14 миллиардов долларов для поддержки бизнеса и усилий стран по предотвращению, выявлению и реагированию на быстрое распространение пандемии COVID-19. Эта поддержка укрепит готовность национальных систем к чрезвычайным ситуациям в области общественного здравоохранения, включая борьбу с распространением болезней, диагностику и лечение, а также окажет поддержку частному сектору [7].

Team Europe (Команда Европы) оказала поддержку наиболее уязвимым и пострадавшим странам. В этой связи ЕС выделил Африке 3,8 миллиарда евро из общего объема более 18,8 миллиарда евро на борьбу с кризисом COVID-19

и его последствиями. Основное внимание уделялось тем, кто подвержен наибольшему риску: детям, женщинам, пожилым людям и инвалидам, а также мигрантам, беженцам, вынужденным переселенцам и принимающим их общинам [8]. Под эгидой ВОЗ была создана международная коалиция медицинских научно-исследовательских институтов для проведения двух крупных клинических испытаний под названием «СОЛИДАРНОСТЬ» и «ОТКРЫТИЕ» на шести потенциально активных молекулах. Институт Пастера в Дакаре, Сенегал, является частью этой коалиции, результаты от него теперь ожидаются. Африканский центр по контролю и профилактике заболеваний (АЦКЗ), ЦКЗ США, ВОЗ и Европейское агентство лекарственных средств (ЕМА) рекомендовали дождаться результатов двух крупных текущих клинических испытаний и использовать хлорохин¹ или гидроксихлорохин² только в исключительных случаях в хорошо оборудованных реанимационных отделениях, которые могут быстро реагировать на тяжелые осложнения. Именно эта довольно быстрая реакция, во всем ее многообразии, объясняет, среди прочего, то, что Африка до сих пор не пережила объявленной катастрофы. Быстрый прогресс за последние два месяца заслуживает внимания, в Африке по состоянию на 30 июня 2020 года были зарегистрированы 370 661 подтвержденный случай заболевания и 9 480 смертей по сравнению с 141 599 и 4070 смертями по состоянию на 30 мая соответственно — через три с половиной месяца после первого зарегистрированного случая заболевания

в Египте. За три месяца, с конца мая по конец августа, число подтвержденных случаев заболевания увеличилось в 8,8 раза (по сравнению с 4,1 раза во всем мире) — вероятно, из-за увеличения числа проведенных тестов, а число смертей увеличилось в 7,2 раза (в 2,2 раза во всем мире), причем 10 [африканских] стран сообщили о смертности, сопоставимой с глобальным уровнем смертности или превышающей его 3,5%, от 4% в Сьерра-Леоне, в Алжире, до 8% в Чаде, 5% в Египте и 6% в Либерии (ранее пораженной Эболой) [9, 10].

Хотя процесс был относительно успешно начат, в среднесрочной перспективе это неизбежно потребовало значительных ресурсов и международного сотрудничества. Затем сотни тысяч наборов для лабораторных тестов были распространены по Африке многими организациями, такими как ЦКЗ Африки, ВОЗ, ЦКЗ США, правительство Китая, Европейский союз и Всемирный банк, и это лишь некоторые из основных доноров. Кроме того, ЦКЗ Африки предоставил государствам-членам руководство, включая отслеживание случаев заболеваний.

Исключительность

Исключительность ситуации в Африке можно было оценить до мая 2020 года, когда, согласно европейским СМИ, произойдет упадок континента.

Если бы Африка была страной с 1 249 461 подтвержденным случаем заболевания в августе 2020 года, она заняла бы четвертое место в мире между Индией и Россией (995 319 случаев заболевания при населении 146 780 700 человек на 2019 год), а с 29 598 смертями она была бы восьмой. Однако только в 15 из 55 африканских стран подтвержденные случаи заболевания превышают 10 000 (от 10 045 случаев в ДР Конго до 625 056 в Южной Африке — шестое место в мире, после Перу и перед Колумбией — обойдя

¹ Хлорохин — это лекарство, которое в основном используется для профилактики и лечения малярии.

² Гидроксихлорохин — противомалярийный препарат, производное 4-аминохинолина. Оказывает также умеренное иммуносупрессивное, специфическое и неспецифическое противовоспалительное действие при аутоиммунных заболеваниях.

98 497 египетских, 43 781 алжирский, 34 057 кенийских, 19 142 камерунских), и только в 8 из 55 стран смертность превышает 500 случаев: от 574 кенийских до 14 028 южноафриканских (13 в мире).

Конечно, есть сомнения по поводу африканской статистики («трагедия африканской статистики» [27], на которую указал в одноименной статье Шанта Девараджан, тогдашний главный экономист Африканского отдела Всемирного банка и модератор блога «Африка может положить конец бедности», 2011) со стороны группы медицинских исследователей и ученых (6 из 7 африканцев), которые заявили, что одни только официальные цифры не могут отразить фактическое распространение пандемии. Например, данные по Танзании были заморожены с мая, без объявления о борьбе с пандемией, как на Маврикии, где не было ни одного положительного случая за три месяца до первой половины августа, но по состоянию на 30 августа показаны 10 подтвержденных случаев. Если принимать во внимание, возможно, низкий уровень обследований в подавляющем большинстве африканских стран. Но это не только африканская особенность, потому что «в Соединенных Штатах <...> число случаев заболевания может быть в десять раз выше, чем показывают статистические данные» [28].

Таким образом, некоторые африканские и другие страны поспешно одобрили усилия африканских правительств по урегулированию кризиса в области здравоохранения. Но если в середине августа пандемия еще не закончилась, продолжая свое течение, то уже через несколько недель вторая волна появилась практически во всех регионах мира [11; 12].

Вторая волна

После нескольких недель спада, в октябре 2020 года, количество слу-

чаев заболевания COVID-19 снова увеличилось в 19 африканских странах, в частности, в Магрибе, Кении, Гане и Южной Африке, в основном в крупных городах. Согласно Центру Африканского союза по профилактике заболеваний и борьбе с ними, между 2 и 8 ноября уровень заболеваемости вырос на 13% по континенту.

По словам доктора Матшидисо Моэти, регионального директора Регионального отделения ВОЗ в Африке, «если все еще рано говорить о второй волне, мы все равно должны быть готовы к ней...

В некоторых случаях увеличение количества случаев заболевания связано с сезоном, например, с наступлением зимы. Люди собираются в помещениях, не соблюдая меры предосторожности, что мы наблюдаем в Европе. Иногда это связано с конкретными мероприятиями. Это могут быть выборы, и люди собираются вместе на митингах, или это может быть давление со стороны религиозных групп, потому что люди устали молиться в изоляции... Таким образом, сейчас мы должны предвидеть то, что мы называем второй волной, так как экономики снова становятся открытыми, люди перемещаются и им надоела эта социальная дистанция, — продолжила Матшидисо Моэти. В праздники ситуация может усугубиться. Во-первых, вы должны локализовать случаи заболевания. Обследования имеют основное значение. Мы должны уметь действовать целенаправленно, локально и быстро, также мы вновь должны мобилизовать население и информировать его для сдерживания второй волны в наших странах» [14].

Жизнь в условиях пандемии чревата и без того плачевными социально-экономическими последствиями, с тревожными прогнозами в отношении будущего народных масс, в данном случае африканских, может быть, хуже, чем в условиях чрезвычайной ситуации в области здравоохранения.

Социально-экономические и гуманитарные последствия

Несмотря на то что уровень заражения в Африке относительно низок, пандемия продолжает оказывать разрушительное воздействие на людей и экономику: так, в 2020 году темпы роста снизились до $-3,3\%$, что подтверждает первый спад в регионе за 25 лет. Согласно прогнозам, в начале апреля 2020 года экономический рост в странах Африки к югу от Сахары снизится с $2,4\%$ в 2019 году до $-2,1$ – $5,1\%$ в 2020 году. Потери производства в регионе к 2020 году составят от 37 до 79 миллиардов долларов. Пересмотр темпов роста в сторону понижения в 2020 году отражает макроэкономические риски, связанные с резким падением темпов роста ВВП основных торговых партнеров региона, в частности Китая и зоны ЕС, падением цен на сырьевые товары, снижением туристической активности во многих странах, а также последствиями мер по борьбе с глобальной пандемией COVID-19.

При тяжелом, но ограниченном кризисном сценарии и при затяжном двухфазном рост будет падать ниже средних региональных темпов роста населения в $2,7\%$, а это означает, что в отсутствие соответствующих мер по смягчению последствий вспышка COVID-19 окажет глубокое влияние на благосостояние многих людей в регионе. Ожидается также, что негативное влияние кризиса COVID-19 на благосостояние домашних хозяйств будет значительным. При тяжелом кризисном сценарии потери благосостояния в 2020 году составят 7% по сравнению с обычным случаем без COVID-19, но могут достичь 10% , если кризис продолжится. Ухудшение условий торговли (после обвала цен на сырьевые товары) в сочетании со снижением занятости приводит к существенной потере благосостояния домашних хозяйств. В Африке, в регионе, зависящем от сельскохозяйственной продукции, эти стратегии окажут не-

пропорциональное воздействие на благосостояние домашних хозяйств из-за роста цен и дефицита предложения, закрытие границ непропорционально затронет бедных, особенно сельскохозяйственных работников или неквалифицированную рабочую силу, занятую в неформальном секторе.

Около 600 миллионов африканцев ($43,6\%$) живут в городах, 56% из них — в трущобах. Многие африканские городские семьи живут в одной комнате, не имеют чистой воды или живут в многолюдных районах. Только 34% африканцев имеют доступ к средствам для мытья рук. Слабость систем здравоохранения и распространенность основных заболеваний, таких как ВИЧ/СПИД, туберкулез, малярия и недоедание, а также проблемы, создаваемые вооруженными группами для государственной власти, делают некоторые районы континента особенно уязвимыми для заражения. Пандемия усугубила неравенство между женщинами и мужчинами, в результате чего женщины имеют еще более ограниченный доступ к основным медицинским услугам и информации.

Пандемия увеличила нагрузку на и без того хрупкие системы здравоохранения в Африке, гарантируя, что существующие медицинские службы будут защищены, а не просто переориентированы в борьбе с COVID-19. Предпринимаются усилия по переоборудованию существующих производственных мощностей для изготовления необходимого оборудования. Крайне важно поддерживать производственный потенциал Африки, с тем чтобы любые инновации, достигнутые во время пандемии, продолжали существовать и после нее и использовались для подготовки к будущему, а также для диверсификации и развития экономической деятельности.

В данном контексте африканские страны должны воспользоваться этой возможностью для укрепления региональных производственно-сбытовых

цепочек в рамках Африканского континентального соглашения о свободной торговле. Кризис COVID-19 также способствует усилению продовольственной безопасности, поскольку обесценивание валюты в ряде африканских стран сочетается с повышением цен на сырьевые товары. Местные агропродовольственные цепочки поставок уже испытывают сбои, включая сокращение доступа к ресурсам и услугам, перемещение рабочей силы, транспортные и логистические трудности, а также трудности с доступом к кредитам или ликвидности. COVID-19, вероятно, создаст серьезный кризис продовольственной безопасности в странах Африки к югу от Сахары [13; 15; 16].

Эти результаты отражают многочисленные каналы воздействия COVID-19 на экономическую деятельность в странах Африки к югу от Сахары [17].

Во-первых, это нарушение торговых и производственно-сбытовых цепочек, которые затрагивают экспортеров сырьевых товаров региона (например, обвал международных цен на нефть, полезные ископаемые и металлы), а также страны, высоко интегрированные в производственно-сбытовые цепочки (например, Эфиопия и Кения, ЭКОВАС и т.д.), вторым каналом является сокращение потоков иностранного финансирования в виде прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (в частности, инвестиций в добывающие отрасли и инфраструктуру), иностранной помощи, денежных переводов, доходов от туризма и оттока капитала (наблюдался отток 1,75 миллиарда долларов США из южноафриканских портфелей в марте). Третий канал передачи — это сектор здравоохранения с прямым воздействием COVID-19 на экономическую активность в связи со степенью распространения вируса в регионе (как с точки зрения числа инфицированных, так и с точки зрения числа смертей). Четвертый канал — это возмущение, вызванное мерами сдерживания, введенными национальными властями, и

ответными мерами населения. В совокупности слабый внешний спрос, резкое падение цен на сырьевые товары и турбулентность, вызванная COVID-19, негативно скажутся на экономической активности в странах Африки к югу от Сахары. Ухудшение торгового баланса вслед за снижением экспорта...

Ожидается, что ухудшение бюджетных позиций будет более значительным в странах, экспортирующих сырье или зависящих от поступлений от туризма. Богатые нефтью страны пересматривают свои национальные бюджеты на 2020 год.

Дифференцированные политические меры реагирования в Африке абсолютно необходимы

Необходимо адаптировать политические меры реагирования с учетом структурных особенностей африканских экономик и конкретных ограничений, с которыми сталкиваются директивные органы, в частности со значительным сокращением бюджетных возможностей и резким сокращением потенциала оперативного реагирования. Несколько африканских стран отреагировали быстро и решительно, чтобы остановить появление и распространение COVID-19, опираясь на международный опыт. По мере развития ситуации возникают новые вопросы об актуальности и вероятной эффективности некоторых из этих мер, в частности жестких мер сдерживания. Следует учитывать большой размер неформального сектора (89% от общей занятости), нестабильность большинства рабочих мест, ограниченный охват пенсионными программами и программами страхования по безработице, а также преобладание микро-, малых и средних предприятий в предпринимательской деятельности (90%). Защита уязвимых групп, интенсификация тестирования и поощрение ношения масок могут быть лучшими вариантами. Не менее важной является

необходимость дифференциации мер денежно-кредитной политики с учетом слабости денежно-кредитной трансмиссии в странах со слабо развитыми финансовыми рынками. Следовательно, из-за снижения эффективности денежно-кредитной политики реакция будет в первую очередь бюджетной. В центре внимания государственной стратегии должна быть двойная цель: спасение жизней и сохранение источников средств существования людей.

Жизненно важные интересы континента

Африканские страны могли бы сократить социальное неравенство, укрепить систему здравоохранения, социальную защиту, сплоченность и интеграцию, оживить экономику и разработать новую политику устойчивого развития.

Как подтвердила пандемия COVID-19, доступ к фармацевтическим препаратам является одним из важнейших и приоритетных направлений деятельности в области здравоохранения в Африке. Чтобы уменьшить зависимость от импорта фармацевтических препаратов, Африка должна ускорить осуществление своего плана производства лекарств, направленного на решение проблемы доступа к качественным и недорогим медицинским продуктам. Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA) может быть использована для стимулирования торговли фармацевтическими препаратами и содействия укреплению африканских систем здравоохранения в долгосрочной перспективе. Опыт, накопленный в ходе пандемии COVID-19, может способствовать развитию инклюзивного национального диалога и принятию решений; укреплению социальных контрактов между государствами и людьми. Африканские страны могли бы строго выполнять антикоррупци-

онные стратегии и повышать прозрачность мобилизации и использования финансовых ресурсов для развития, использовать стимулирующее финансирование для инвестиций в крупномасштабные возобновляемые источники энергии и отказаться от зависимости от ископаемых видов топлива. Страны имеют возможность принимать меры по укреплению своих систем здравоохранения и экономики, одновременно повышая готовность и устойчивость к последствиям изменения климата.

Африканские страны могут воспользоваться преимуществами цифровой революции, которая укореняется на континенте, и адаптироваться к реалиям изменений, вызванных пандемией. Они должны инвестировать в доступ к Интернету, в электронное правительство, электронное обучение, электронное правосудие, электронную торговлю и электронное здравоохранение таким образом, чтобы повысить их эффективность и позволить большему числу африканцев воспользоваться этими возможностями.

Пандемия COVID-19 не обошла Африканский континент. Опыт каждой отдельной страны является уникальным, но существуют некоторые общие проблемы, как было показано в этой статье. На сегодняшний день успешно используется опыт других регионов, которые пандемия затронула больше, и на данный момент, по-видимому, удалось избежать самого худшего. Мы должны усилить помощь и солидарность, если хотим сохранить траекторию дальнейшего развития. В интересах всего мира добиться успеха в борьбе с распространением вируса в Африке, так как до тех пор, пока вирус находит где-нибудь убежище, мир не будет в безопасности.

Африка должна продолжать бороться с угрозой COVID-19 в ее непосредственных и долгосрочных проявлениях [18; 19].

Вакцина против вируса [20]

После начала испытаний вакцины против COVID-19 на Африканском континенте в наиболее пострадавших странах, таких как ЮАР и Марокко, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и различные учреждения, такие как Африканские центры по контролю заболеваний, Агентство общественного здравоохранения Африканского союза и Организация «Врачи без границ», сегодня работают над обеспечением доступности вакцин. Уже сейчас механизм COVAX¹ (аббревиатура от COVID-19 Vaccines Global Access) — глобальная инициатива с участием фармацевтических компаний по обеспечению равного доступа к вакцинам для стран по всему миру — был одобрен 54 африканскими государствами. Поэтому в Африке создаются условия для быстрого доступа к эффективной вакцинации. Даже когда вакцинация преподносится как одно из мероприятий общественного здравоохранения, люди все равно могут отказаться от нее.

После неуклюжих заявлений некоторой европейской прессы в Африке стало развиваться чувство неприятия. Широко распространялись антивакцинные петиции. Таким образом, процесс вакцинации сильно страдает от «фейковых новостей», связанных с COVID-19. В качестве примера можно привести ошибочную информацию о кампании вакцинации в некоторых африканских странах (Сенегал, Кот-д'Ивуар и т.д.), якобы предназначенной для передачи вируса. Протесты, которые не имели ничего общего с этой темой, также были представлены как бунты против вакцин в Южной Африке.

Поэтому необходимо умножить информационно-просветительскую кампанию, чтобы восстановить реальность, основанную на фактах.

¹ Прим. редакции: Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) планирует подать заявку на участие российской вакцины «Спутник V» в международной программе COVAX.

Отказ

В некоторых странах Африки к югу от Сахары, таких как Камерун, Сенегал, Бенин и Буркина-Фасо, от шести до семи из 10 человек говорят, что не сделали бы прививку против COVID-19, если бы она была им предложена. Этот результат был получен в результате исследования, проведенного в рамках проекта CORAF (Coronavirus Africa) в связи с программой оперативных исследований ARIACOV [21].

Для того чтобы понять восприятие вакцинации против COVID-19, использовались средства массовой информации, был проведен мониторинг традиционных СМИ, онлайн-СМИ и социальных сетей, проведены опросы общественного мнения (от 48 до 64 человек, опрошенных в каждой стране) и углубленные интервью с преимущественно городским населением. Результаты показывают, что за отказом от вакцины стоит сложная комбинация аргументов и социальных представлений. Таким образом, можно выделить несколько основных направлений в обоснованиях.

Скептицизм

Некоторые респонденты выражают недоверие или сомнение, которое они оправдывают «всеми, что они читали или слышали» в своем сообществе и в социальных сетях, в которые они входят. Отказ от вакцины в основном объясняется дезинформацией (неверным толкованием информации, слухами, пропагандой, попытками манипуляции), которую люди не могут проверить или отфильтровать из-за отсутствия необходимых знаний.

В качестве причин отказа назывались видео, сайты, изображения или даже пропагандистские публикации в Интернете и особенно в социальных сетях. Например, назывались фейковые сообщения о скрытом присутствии наночастиц в вакцинах для контроля отдельных лиц. Некоторые из людей,

называющие эти причины, говорят, что они сожалеют о том, что не знают «достоверный» источник информации.

Другие опрошенные предлагают более реалистичные аргументы, такие как специфичность COVID-19 по сравнению с другими заболеваниями, например гриппом; обоснованность стратегии вакцинации, когда пик эпидемии, кажется, уже прошел в Африке; или ее заинтересованность в местных профилактических или терапевтических мерах, или даже отношение к защите африканцев от SARS-CoV-2, согласно их эмпирическим наблюдениям.

Определенные круги обвиняют «великую державу» и/или Запад в попытке контролировать демографию африканского населения либо фармацевтические компании, которые стремятся только к прибыли, при пособничестве африканских политиков. Формулировки иногда отражают обвинения в заговоре со стороны сильных мира сего (например, Билла Гейтса, фонд которого поддерживает инициативу GAVI¹ по доступу к вакцинам в странах с ограниченными ресурсами).

Скептицизм в согласии

Опасения, вызванные будущей вакциной, связаны с международной обстановкой, со столкновениями позиций крупнейших государств, политическим давлением и эффектами «объявления последствий», а с другой стороны, с научной неопределенностью и противоречивым дискурсом. Одобрение проекта вакцинации обусловлено необходимостью проведения клиниче-

ских испытаний в Европе, включающих испытания на животных, а также доказанной эффективностью и отсутствием побочных эффектов. От одного до двух человек из 10 согласны. Этот выбор иногда оправдывается необходимостью положить конец пандемии, которая оказывает тяжелое воздействие на повседневную жизнь и грозит вернуть в нищету значительную часть населения; несколько африканских стран сильно пострадали от последствий этого кризиса: в Сенегале 87% домохозяйств испытали снижение доходов [22]. Аргументируя свое решение, эти респонденты вспоминают о трудностях применения профилактических мер: в Дакаре половина населения живет в домах, где проживает более 10 человек, а треть домохозяйств имеет менее двух комнат. Вакцина позволила бы им выйти за рамки стратегии профилактики в таком контексте, и ситуация идентична в большей части Африки.

Африка готовится

19 ноября на пресс-конференции [23] Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) подробно было рассказано о том, как Африка готовится к поступлению вакцины, в том числе через платформу COVAX, возглавляемую Коалицией по инновациям в области обеспечения готовности к эпидемиям (Coalition for Epidemic Preparedness Innovations — CEPI), Альянсом вакцин (GAVI) и ВОЗ. По официальным данным, COVID-19 заразил более двух миллионов человек и убил более 48 000 человек на континенте. Хотя испытания потенциальных вакцин еще не завершены, Африка уже готовится к ним.

На континенте есть обычай проводить широкомасштабные кампании вакцинации. Процесс известен, а персонал обучен и мобилизован. Но, по данным ВОЗ, по-прежнему существует много проблем, например с точки зрения логистики, а именно возможность хранить эти вакцины при очень низких

¹ **GAVI** (англ. *Global Alliance for Vaccines and Immunisation* — Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации) — партнерство ряда частных и правительственных организаций, целью которого заявлено увеличение доступности детской вакцинации в бедных странах. В альянсе GAVI участвуют в том числе правительства некоторых развитых стран, ВОЗ, ЮНИСЕФ, Всемирный банк, компании-разработчики и производители вакцин из разных стран, различные фонды, включая Фонд Билла и Мелинды Гейтс.

температурах, или с точки зрения коммуникации с населением, с целью его побуждения делать эти вакцины.

Два миллиарда доз

Первая проблема для развивающихся стран — это доступ к вакцинам. В общей сложности 94 бедные страны по всему миру, включая Африку, полагаются на платформу COVAX. Они объединяют свои ресурсы и международную помощь, чтобы иметь возможность конкурировать с богатыми странами на этом весьма спорном рынке. ВОЗ говорит, что переговоры с компанией Moderna уже ведутся. Переговоры с Pfizer также должны начаться для получения доз, как только первые вакцины будут выпущены на рынок.

По словам директора ВОЗ по Африке доктора Матшидисо Мозти, организация планирует вакцинировать по крайней мере 20% населения континента [29].

Это составляет два миллиарда доз вакцины, которые должны быть закуплены и распределены в приоритетном порядке среди работников здравоохранения, лиц, подверженных риску, и в секторах, имеющих важное значение для экономики, таких как транспорт или туризм. Для покупки вакцин и организации кампаний вакцинации в рамках платформы COVAX уже собрано 5,1 миллиарда долларов. По словам доктора Мозти, для достижения этих целей необходимо 4,2 миллиарда долларов.

Тщательный анализ

Мы отмечаем, что с самого начала, особенно в Африке, вакцина отнюдь не рассматривалась как безобидный жест, в нее вложены образы: инъекция, в частности, возрождает воспоминания об очень старых медицинских практиках, которые оставили след на теле и в воспоминаниях.

До сих пор отказ от вакцинации на африканском континенте описывался в

связи с фундаменталистским религиозным дискурсом или в ответ на авторитарные методы и этические нарушения, связанные с вакцинацией. Тем не менее в период пандемии он скорее отражает местные проблемы, образы, распространяемые в сети, или политические и научные проблемы, и это в контексте критики науки и медицины.

Для «подготовки населения», продвигаемой органами здравоохранения, следует помнить, что отказ от вакцинации не сводится к недостатку знаний. Конечно, многие люди хотели бы быть лучше информированными, но ожидания населением научных доказательств почти отсутствовали в африканских средствах массовой информации. Однако не следует думать, что проблему недоверия к вакцинации можно решить только с помощью коммуникации, которая нацелена на противопоставление научных знаний «фейковым новостям».

Для того чтобы получить массовую поддержку населением проекта вакцинации в Африке, как и в других странах, важно тщательно проанализировать восприятие людьми вакцины, а также сложную логику, на которой оно основано.

По мнению экспертов, предстоит проделать большую работу по восстановлению доверия местного населения к клиническим испытаниям вакцин. Главное, чтобы люди были должным образом информированы о разработке вакцин и чтобы с помощью информационных кампаний люди могли быть вовлечены, то есть чтобы они действительно хотели участвовать. Эксперты считают, что открытые испытания вакцин, в частности вакцины ChAdOx1 nCoV-19, помогут развеять опасения, которые у некоторых все еще могут быть [24].

Конечно, ученые надеются, что оксфордская вакцина, а также другие вакцины оправдают надежды и позволят справиться с пандемией в Африке и на других континентах.

Список литературы

1. Wikipedia 2020: Covid-19 pandemic data by country and territory. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/COVID-19_pandemic_by_country_and_territory (19.12.2020).
2. Wikipedia 2020: Covid-19 pandemic in Africa. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/COVID-19_pandemic_in_Africa (19.12.2020).
3. The guests of Mediapart: Leaders in Africa: It is time to act on Covid-19. — URL: <https://blogs.mediapart.fr/> (13 April 2020).
4. 2019 Global Health Security Index — GHS Index. — URL: <https://www.ghsindex.org>.
5. 2019 Global Catastrophic Biological Risks: Toward a Working Definition (The Johns Hopkins Center for Health Security). — URL: www.centerforhealthsecurity.org.
6. WHO 2019: The World Health Organization (WHO) Joint External Evaluation (JEE) Tool. — URL: <https://www.who.int>.
7. World Bank 2020: World Bank Group Increases COVID-19 Response to \$14 Billion. — URL: <https://www.worldbank.org>.
8. CDC AFRICA 2020: 16 March 2020 (Communique by the Emergency Meeting of African Ministers of Health on the Coronavirus Disease Outbreak). — URL: africacdc.org.
9. Q&A: Global EU response to the coronavirus pandemic. — URL: ec.europa.eu.
10. Operational considerations for case management of COVID-19 in health facility and community, 19 March 2020. — URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331492/WHO-2019-nCoV-HCF_operations-2020.1-eng.pdf.
11. Abbott S., Hellewell J., Munday J., CMMID nCoV working group, Funk S. The Transmissibility of Novel Coronavirus in the Early Stages of the 2019-20 Outbreak in Wuhan: Exploring Initial Point Source Exposure Sizes and Durations Using Scenario Analysis. — 2020. — URL: <https://wellcomeopenresearch.org/articles/517>.
12. <https://www.foreignaffairs.com/articles/india/2020-03-25/coronavirus-threatens-catastrophe-india>.
13. UN: «Responsibility, Global Solidarity: Responding to the socio-economic impacts of COVID-19», du 19 mars 2020; la note d'orientation du Secrétaire général intitulée «The Impact of COVID-19 on Women», du 9 avril 2020; la note d'orientation du Secrétaire général intitulée «The Impact of COVID-19 on Children», du 15 avril 2020; et la note d'orientation du Secrétaire général intitulée «The Impact of COVID-19 on Older Persons», du 1er mai 2020. — URL: www.unodc.org › 2020.
14. Dr Matshidiso Moeti. — URL: <https://www.afro.who.int/fr/regional-director/biography>.
15. <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/17/pr20168-world-bank-group-and-imf-mobilize-partners-in-the-fight-against-covid-19-in-africa>.
16. UNCTAD, SIDS are the most vulnerable to the collapse of tourism as this sector accounts for nearly 30% of their GDP. In the case of Seychelles, this is more than 50%. For SIDS, a 25% drop in tourism-related revenues will result in a fall of US\$7.4 billion to GDP, or 7.3%. — URL: <https://www.unctad.org>.
17. UN Secretary-General: 17 April 2020 Remarks at the IMF and World Bank High-Level Teleconference on African Engagement. — URL: <https://www.un.org> › sg › sg › 2020-04-17.
18. World Bank 2020: IMPACT OF COVID-19 IN AFRICA. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.MED.PHYS.ZS?end=2015&locations=ZG&start=1994>.
19. The specialized agency of the African Union responsible for improving the competence and preparedness of authorities in the face of extreme weather events and natural disasters. — URL: www.africanriskcapacity.org.
20. COVID-19 vaccine trials in Africa. Published: September 04, 2020. — URL: [https://doi.org/10.1016/S2213-2600\(20\)30401-X](https://doi.org/10.1016/S2213-2600(20)30401-X).
21. The magazine Le Point Vaccin anti-Covid-19: les populations d'Afrique prêtes à l'accepter? — URL: https://www.lepoint.fr/afrique/vaccin-anti-covid-19-les-populations-d-afrique-pretes-a-l-accepter-24-11-2020-2402354_3826.php.
22. The National Agency for Statistics and Demography (ANSI): Octobre 2020-Statistical information on economic and social conditions in the context of the pandemic. — URL: https://www.data4sdgs.org/partner-listing?search_api_fulltext=
23. WHO 2020: Press conference on 19 November, the World Health Organization (WHO). — URL: www.who.int.

24. France 24: It is the first of its kind on the African continent. Published on 26.06.2020. — URL: <https://www.france24.com/en/africa/>.
 25. Coronavirus: WHO warns 190,000 could die in Africa in one year. — URL: https://www.bbc.com/news/world-africa-52587408?xtor=AL-72-%5Bpartner%5D-%5Bbbc.news.twitter%5D-%5Bheadline%5D-%5Bnews%5D-%5Bbizdev%5D-%5Bisapi%5D&at_campaign=64&at_custom1=%5Bpost+type%5D&at_custom4=AA501500-9104-11EA-98CF-3BC54744363C&at_custom3=%40BBCWorld&at_medium=custom7&at_custom2=twitter.
 26. Transcript of UN Secretary-General's virtual press encounter to launch the Report on the Socio-Economic Impacts of COVID-19. — URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/press-encounter/2020-03-31/transcript-of-un-secretary-general%E2%80%99s-virtual-press-encounter-launch-the-report-the-socio-economic-impacts-of-covid-19>.
 27. Shanta Devarajan. Africa's statistical tragedy. — URL: <https://blogs.worldbank.org/team/shanta-devarajan>.
 28. CDC chief says coronavirus cases may be 10 times higher than reported. — URL: <https://www.washingtonpost.com/health/2020/06/25/coronavirus-cases-10-times-larger/>.
 29. WHO plans to vaccinate at least 20% of Africa vs. COVID. — URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/who-plans-to-vaccinate-at-least-20-of-africa-vs-covid/2048640>.
-

**Перевод с английского на русский язык осуществила
Подобуева Вероника, студентка РУДН**

ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ

Аннотация

В статье анализируется эволюция интеграционных объединений в Центральной Африке. В исследовании утверждается, что региональная экономическая интеграция очень важна для Центральной Африки, особенно в плане ускорения экономического роста и развития стран региона. При этом в статье рассматриваются и иные аспекты интеграции, в частности значение региональной безопасности для экономического роста и развития стран Центральной Африки. Также в статье делается вывод, что региональная экономическая интеграция может быть использована в качестве дорожной карты Африки для ускоренного развития.

Ключевые слова: Экономическое сообщество центральноафриканских государств (ЭСЦАГ), региональная экономическая интеграция, Центральная Африка, интеграционные процессы.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.003

Автор

Ахмат Идрисс

Аспирант кафедры политического анализа и управления
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов
(Москва, Россия)

Динамичное развитие интеграционного процесса влияет на международную структуру экономических отношений между разными странами. Как группа национальных экономических систем, вся мировая экономика состоит из множества различных региональных интеграционных групп, но большинству из них не удалось достичь поставленных задач в области экономической интеграции.

В последние десятилетия неуклонно возрастает роль международной экономической интеграции в различных формах. При этом международная интеграция рассматривается как наличие торговых отношений между разными странами, так и полное единство их экономик. Есть много способов понять сущность, значение и последствия экономической интеграции в зависи-

мости от ее институциональной формы, уровня (глобальный, региональный), стадии и т.д. Кроме того, интеграцию можно рассматривать как процесс или состояние. Эти условия также определяют развитие теоретических методов объяснения сущности и значения экономической интеграции.

Научная новизна результатов исследования состоит в решении важной научной задачи, заключающейся в теоретико-методологическом обосновании форм, методов и механизмов развития интеграционных процессов в Центральной Африке.

Вклад данной статьи в приращение научного знания в области развития интеграционных процессов заключается в возможности ее использования для дальнейшего исследования проблемы международной экономической интеграции.

Для проведенного нами исследования были рассмотрены следующие современные работы авторов, посвященные проблемам осуществления интеграционных процессов.

Так, в статье К.Г. Григоряна «Система индикаторов региональной экономической интеграции» рассмотрены некоторые теоретические и практические аспекты использования количественных показателей, связанных с анализом региональной экономической интеграции. В частности, автор проводит сравнительный анализ различных (системных) индикаторных методов и строго оценивает методы, использованные в некоторых исследованиях. Кроме того, следует отметить, что данная работа посвящена изучению и систематизации мирового опыта, накопленного в смежных областях, и может быть использована для расчета показателей и исходных данных различных показателей интеграционных процессов [1].

В трудах П.М. Кольцова, С.А. Умгаева, С.М. Мургаева анализируется понятие политической интеграции, которое понимается как сближение политических структур и создание межгосударственных организаций. Авторы придерживаются позиции, что для современных интеграционных процессов ключевым фактором является экономическое сближение [3].

Методологическую базу исследования составляют общенаучные методы исследования. Также использованы модели межотраслевого баланса, статистические методы сравнительного анализа, межстрановые сопоставления и другие. В основе применяемой методологии лежит системный анализ воздействия экономических, политических, правовых и социальных факторов на процессы экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Результаты и обсуждение

После обретения независимости в период между 1950-ми и 1980-ми годами почти все африканские страны

приветствовали концепцию региональной интеграции. Столкнувшись с провалом национальных планов по решению проблем недостаточного развития, постколониальные правительства африканских стран пытались найти решения на более широких политико-экономических пространствах путем политической и экономической интеграции на региональном или континентальном уровне [5; 6].

Важность региональной экономической интеграции является очень актуальной проблемой в Африке, особенно в свете существующей политической и экономической слабости. Африка показательна самым глубоким уровнем бедности, самой низкой долей мировой торговли и самым слабым развитием человеческого капитала и инфраструктуры. Именно из-за этого Африке необходима региональная интеграция, поскольку это будет способствовать ускорению экономического развития и роста [7].

Признавая важность экономической интеграции для ускорения роста и развития, следует оценить ее общепризнанные преимущества, которые потенциально применимы к Центральной Африке. Они включают в себя снижение операционных издержек для бизнеса, уменьшение рисков, связанных с инвестициями, расширение рынков, объединение региональных ресурсов, более эффективное использование эффекта масштаба при производстве и более эффективное распределение ресурсов. Это, однако, бесспорно, но для того, чтобы достичь некоторых из этих преимуществ, нужна сильная национальная экономическая политика, которая практически не наблюдалась на всем протяжении эволюции интеграции в Центральной Африке. Тем не менее в регионе тяга к региональной интеграции не прекращается, и временами она отражается в форме организации новых региональных объединений, тогда как более ранние проекты не закончены. Тяга к интеграции неувиди-

тельна, ведь она может помочь обеспечить основу для координации политики и правил. Региональная экономическая интеграция может также способствовать предотвращению и разрешению конфликтов путем укрепления экономических связей между африканскими странами. Региональные инициативы могут также способствовать достижению множества неэкономических целей, таких как содействие региональной безопасности и политические контакты между членами. Региональная экономическая интеграция может также усилить и укрепить внутренние реформы [8; 9].

Обеспечение успеха региональной экономической интеграции в Африке очень важно не только из-за упомянутых выше потенциальных выгод, но и потому, что политика, необходимая для обеспечения ее успеха, такая же, как и та, которая нужна для того, чтобы Африка извлекла выгоду из процесса глобализации и интеграции в мировую экономику.

После того, как региональная экономическая интеграция как процесс была восстановлена во всем мире после холодной войны, она была признана потенциально способной внести значительный вклад в усилия по развитию стран третьего мира. В последние десятилетия актуальность региональной интеграции подчеркивается сочетанием внешних и внутренних факторов. Например, ускорение процесса глобализации, а также риск дальнейшей маргинализации Африки в многополярном мире, в котором преобладают торговые блоки в Северной Америке, Европе, Юго-Восточной Азии и Китае, представляют императив для построения региональной экономики Африки.

Правительства стран Центральной Африки на всем протяжении постколониального развития поддерживают региональную интеграцию. Действительно, после обретения независимости они приняли региональную интеграцию в качестве важного компонента своих

стратегий развития и заключили очень большое количество региональных интеграционных соглашений, членство в некоторых из них дублировано [10]. Африканские региональные интеграционные объединения — это, как правило, амбициозные схемы с нереальными временными рамками для более глубокой интеграции.

Африканская парадигма интеграции — линейная рыночная интеграция, следующая за поэтапной интеграцией товаров, рынков труда и капитала и в конечном итоге с элементами монетарной и фискальной интеграции. Отправной точкой обычно является зона свободной торговли, за которой следует таможенный союз, общий рынок, а затем интеграция денежных и фискальных вопросов для создания экономического союза. Достижение политического союза является главной целью многих африканских региональных объединений. За этим процессом следуют различные региональные экономические сообщества. На panaфриканском уровне восемь региональных экономических сообществ определены в качестве строительных блоков Африканского экономического сообщества. В результате длительного пути их развития рассмотрим состояние интеграции.

Как видно из таблицы, страны Центральной Африки участвуют в нескольких региональных объединениях. Региональная интеграция в Центральной Африке поэтому неотделима от panaфриканского контекста. Фактически дебаты о региональной интеграции в Африке восходят, по крайней мере, к началу 1960-х годов, когда в 1963 году была создана Организация африканского единства, построение которой было основано на идее объединенной Африки экономически, политически и социально. Африканская интеграция представляет собой процесс, который начинается с региональных группировок, которые впоследствии должны слиться, чтобы составить полное единство континента [11].

Состояние и этапы региональной интеграции в Африке (выделены страны Центральной Африки, входящие в объединения)

Региональное торговое соглашение	Зона свободной торговли	Таможенный союз	Единый рынок	Экономический и валютный союз	Страны
Экономическое и валютное сообщество стран Центральной Африки — 1999	✓	x	x	✓	<i>Габон, Камерун, Центральноафриканская Республика, Чад, Республика Конго, Экваториальная Гвинея</i>
Восточноафриканское сообщество — 2000	✓	✓	✓	x	<i>Бурунди</i> , Кения, <i>Руанда</i> , Танзания, Уганда, Южный Судан
Общий рынок Восточной и Южной Африки — 1994	✓	x	x	x	<i>Бурунди, Демократическая Республика Конго</i> , Джибути, <i>Замбия</i> , Зимбабве, Египет, Кения, Коморские Острова, Ливия, Маврикий, Мадагаскар, Малави, <i>Руанда</i> , Свазиленд, Сейшельские Острова, Сомали, Судан, Тунис, Уганда, Эритрея, Эфиопия
Экономическое сообщество западноафриканских государств — 1993	✓	✓	x	x	Бенин, Буркина-Фасо, Кабо-Верде, Кот-д'Ивуар, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того
Сообщество развития юга Африки — 1992	✓	x	x	x	<i>Ангола</i> , Ботсвана, <i>Республика Конго</i> , Лесото, Мадагаскар, Малави, Маврикий, Мозамбик, Намибия, Сейшельские Острова, ЮАР, Свазиленд, Танзания, <i>Замбия</i> , Зимбабве, Коморы
Южноафриканский таможенный союз — 2002	✓	✓	x		Ботсвана, Лесото, Намибия, ЮАР, Свазиленд

Основной мотивацией для региональной интеграции в Африке в целом и в Центральной Африке в частности была необходимость налаживания межафриканских экономических связей и разрыва связей с бывшими колониальными державами. Процесс региональной интеграции в Африке развивался под эгидой Организации африканского единства (ОАЕ). Его эволюция была отмечена важными водоразделами, включая выполнение Лагосского плана действий, Абуджийского договора, Сиртской декларации, Учредительного акта Африканского союза (АС) и его Нового партнерства в интересах развития Африки (НЕПАД) и Аккрской декларации о Союзнном правительстве Африки. Хотя первоначальными причинами создания ОАЕ были реализация и сохранение африканской независимости и борьба с неокOLONIALИЗМом, она рас-

ширила свои цели до экономического сотрудничества с конечной целью создания Африканского экономического сообщества к 2000 году, как это было изложено в Лагосском плане действий 1980 года. В нем содержится призыв ко всем африканским странам укреплять свои существующие региональные экономические сообщества и создавать другие экономические группировки в иных африканских регионах, охватывающих континент в целом (Центральная Африка, Восточная Африка, Южная Африка, Северная Африка). Из-за задержек в реализации проекта Абуджийское соглашение 1991 года отложило его реализацию до новой временной цели — 2028 года. Сиртская декларация 1999 г. призвала сократить этот период, укрепить африканские региональные экономические сообщества.

Для развития интеграции на континенте были созданы несколько региональных экономических сообществ (РЭС). Те из них, которые уже существовали, были объединены или преобразованы, чтобы соответствовать духу Плана (ЭКОВАС, УЕМОА, СЕМАС, COMESA и т.д.). Сегодня на континенте более 200 региональных организаций, но Африканский союз признал только пять: ЭКОВАС для Западной Африки¹, ЭСЦАГ для Центральной Африки², САДК для юга Африки³, COMESA для Восточной Африки⁴ и УМА для Северной Африки⁵ [12].

¹ Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС/ECOWAS — Economic Community of West African States) основано в 1975 году (обновленный Договор об ЭКОВАС вступил в силу в июле 1995 г.). В его состав входят 15 государств (Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кот-д'Ивуар, Кабо-Верде, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того). См.: Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС). — URL: https://www.mid.ru/afrikanskie-organizacii/-/asset_publisher/0vp3hQoCPRg5/content/id/289746.

² Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС) (фр. Communauté économique des États de l'Afrique centrale, CEEAC, англ. Economic Community of Central African States, ECCAS), также известное как Экономическое сообщество государств Центральной Африки (ЭСГЦА), Экономическое сообщество центральноафриканских государств (ЭСЦАГ) — торгово-экономический союз стран Центральной Африки.

³ Сообщество развития Юга Африки (САДК) (англ. Southern African Development Community (SADC)) — торгово-экономический союз стран Юга Африки, создан в 1992 году на базе Конференции по координации развития Юга Африки, сокр. САДКК (Southern African Development Co-ordination Conference, сокр. SADCC).

⁴ Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА/COMESA — Common Market for Eastern and Southern Africa) — преемник действовавшей с 1982 г. Зоны преференциальной торговли Восточной и Южной Африки. Договор о создании КОМЕСА был подписан в 1993 г. в Кампале (Уганда) и вступил в силу в 1994 г. В настоящее время организация объединяет 20 стран.

⁵ Союз арабского Магриба (фр. Union du Maghreb arabe) — Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко, Тунис. Панарабская организация, направленная на экономическое и политическое единство в Северной Африке. Идея создания

Процесс региональной интеграции в Центральной Африке начался в 1964 году с создания Таможенного и экономического союза Центральной Африки (UDEAC) через четыре года после обретения независимости многими африканскими государствами. Создав UDEAC в 1964 году, главы государств и правительств обязались установить более тесный союз между своими народами для укрепления региональной солидарности и содействия постепенному созданию общего рынка в Центральной Африке. В результате основной целью UDEAC было снижение тарифов. В соответствии со статьей 30 Договора UDEAC единый таможенный и налоговый импортный тариф должен был быть введен одновременно в пяти государствах UDEAC не позднее 1 января 1966 г.

Истоки UDEAC и как таковые корни центральноафриканского регионализма в целом можно проследить задолго до и частично в раннем постколониальном периоде. В момент обретения независимости молодые государства Центральной Африки решили сохранить экономические связи, установленные между ними в колониальный период Францией.

После тридцати лет существования, то есть с 1964 по 1994 год, UDEAC не смог достичь этих целей. По этой причине в марте 1994 года он был заменен СЕМАС⁶, целью которого было завершить процесс экономической и валютной интеграции Центральной Африки в зоне СЕМАС. Помня о подходе к интеграции, предложенном UDEAC, и полные решимости продолжить работу, проделанную в рамках договора от 16 марта 1994 г. об учреждении СЕМАС, главы государств СЕМАС поставили ряд целей, которые должны быть до-

союза появилась вместе с получением независимости Тунисом и Марокко в 1958 году.

⁶ Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС) (фр. Communauté économique des États de l'Afrique centrale, CEEAC, англ. Economic Community of Central African States, ECCAS).

стигнуты в рамках пересмотренного договора СЕМАС 2008 г. и его последующих текстов.

Эти цели включают, среди прочего, создание общего рынка (соблюдение правил свободного передвижения людей, товаров, капитала и услуг) и принятие общей политики во многих областях, среди которых государственное управление и права человека. Предполагалось, что эти цели будут достигнуты через три года после вступления в силу пересмотренного договора о СЕМАС от 2008 года. Для достижения этих целей государства — члены СЕМАС обязались принять соответствующие меры для обеспечения выполнения установленных обязательств в пересмотренном договоре СЕМАС. Государства — члены СЕМАС также согласились с тем, что в случае невыполнения государством своих обязательств в соответствии с законодательством Сообщества его международная ответственность будет поставлена под сомнение и подлежит рассмотрению в суде СЕМАС.

Институциональная основа СЕМАС построена на структуре UDEAC, которую он официально заменил. Изначально в 1994 году СЕМАС был в основном сосредоточен на вопросах, связанных с торговлей и экономикой. Тем не менее усиление политических волнений в одной из стран-участниц, ЦАР, побудило сообщество в 2002 году создать и развернуть многонациональные силы, FOMUC (Multinational Force in the Central African Republic). Это событие считалось поворотным шагом в истории организации. Более того, он представляет собой первый в региональной истории Центральной Африки случай совместного вмешательства в дела одного из государств-членов, которое оказывается неспособным в достаточной степени гарантировать мир, безопасность и стабильность в пределах его границ — и это без каких-либо конкретных положений в договоре организации [13].

Экономическое сообщество Центральной Африки (ЭСЦАГ) было основано в 1983 году на базе двух более мелких экономических организаций, UDEAC и Экономического сообщества стран Великих озер (La Communauté économique des Pays des Grands Lacs — CEPGL)¹.

В своем учредительном договоре ЭСЦАГ в основном предназначалось для создания таможенного союза, но этой организации была предоставлена довольно продуманная организационная структура, главными органами которой были Конференция глав государств и правительств, Совет министров, Суд, Генеральный секретариат и Консультативная комиссия, в дополнение к которым предусматривалось создание ряда технических комитетов. Несмотря на такую широкую организационную структуру, ЭСЦАГ почти полностью бездействовало до 1999 года, когда были предприняты усилия по его возрождению.

В 2000 году ЭСЦАГ приняло Пакт о взаимопомощи, обязывающий государства-члены прийти друг другу на помощь в случае агрессии и подготовиться к ней посредством совместных военных маневров. Достаточно разочаровывает то, что лидеры центральноафриканских стран начали думать о взаимной защите и помощи всего десять лет назад, в то время как другие субрегиональные схемы предусматривали необходимость такого пакта. По его мнению, усилия ЭКОВАС в этом

¹ Экономическое сообщество стран Великих озер (сокр. ЭССБО; фр. La Communauté Economique de Pays de Grand Lacs, CEPGL; англ. the Economic Community of the Great Lakes Countries, CEPGL) — международная субрегиональная межправительственная организация стран Тропической Африки. Она была создана Бурунди, Заиром (с 1997 г. — Демократическая Республика Конго) и Руандой 20 сентября 1976 г. путем подписания Конвенции, учреждающей Экономическое сообщество стран Великих озер, и призвана установить традиционные экономические связи, существовавшие до обретения независимости данными странами, на новых основах.

направлении еще в 1970-е годы заслуживают высокой оценки. Государства — члены ЭКОВАС подписали Протоколы о ненападении и о взаимной помощи в обороне в 1978 и 1981 годах соответственно. Даже если бы эти протоколы были против внешних форм агрессии, это свидетельство того, что лидеры ЭКОВАС действительно предвидели, что проблемы безопасности являются важными для интеграции.

В 2002 году ЭСЦАГ учредило Комиссию по защите и безопасности (CDS), Многонациональные силы в Центральной Африке (Force Multinationale de l'Afrique Centrale — FOMAC) и Механизм раннего предупреждения по Центральной Африке (Early Warning Mechanism on Central Africa — MARAC). Чтобы претворить в жизнь FOMAC, в 2008 г. ЭСЦАГ взял на себя ответственность за миротворческие силы, развернутые в ЦАР в 2002 г. СЕМАС также развернул небольшой контингент для защиты президента Чада Идриса Дербани, который подвергался нападением повстанцев. Несмотря на эти попытки FOMAC, MARAC, которые являются механизмами раннего предупреждения, экономическая интеграция остается в основном на бумаге, поскольку нигде нет отчетов о ее расширении. В этом отношении достаточно проанализировать главные факторы, повлиявшие на расширение экономических связей их повестки дня в сторону вопросов безопасности за пределы первоначальной экономической ориентации.

Штаб-квартира ЭСЦАГ находится в Либревиле с момента своего создания в 1983 году и начала деятельности в 1985 году, в соответствии с Лагосским планом действий поставила перед собой цель полной экономической интеграции. План возложил на ЭСЦАГ следующие задачи:

- содействие свободному перемещению товаров, услуг, людей и капитала;
- создание регионального общего рынка;

- гармонизация национальной политики с целью содействия общественной деятельности, особенно в области сельского хозяйства, промышленности, энергетики, транспорта и связи, торговли, туризма, валюты и финансов, науки;
- создание фонда сотрудничества и развития.

Однако с момента своего создания ЭСЦАГ не смогло реализовать эту глобальную схему региональной интеграции. С начала 1990-х годов организация столкнулась с серьезными социально-политическими проблемами и проблемами безопасности, особенно в семи из одиннадцати стран-членов. Учреждение было парализовано в 1992 году, прежде чем Конференция глав государств и правительств в Либревиле в феврале 1998 года приняла решение о его возрождении. Помимо прежних классических миссий появились новые, а именно:

- установление мира, безопасности и стабильности;
- осуществление Нового партнерства в интересах развития Африки (НЕПАД);
- борьба с ВИЧ/СПИДом.

Кроме того, шесть стран ЭСЦАГ входят в СЕМАС, созданное в 1994 году. Эти шесть стран составляют таможенный союз, имеют общую валюту.

Что касается институтов, можно отметить отсутствие в ЭСЦАГ трех основных институтов, характеризующих экономическую интеграцию: суд (не функционирует), парламент (не планируется) и фонд экономического сотрудничества и развития (не работает). Отсутствие или слабость этих институтов приводит к гибели институциональных структур ЭСЦАГ.

На момент их создания центральной задачей региональных сообществ Центральной Африки была явно экономическая цель. UDEAC, а позже СЕМАС и ЭСЦАГ были созданы для усиления экономических связей между их членами, которые развивались еще в колониальную эпоху. Это было сделано

для поощрения и облегчения торговли в регионе и в конечном итоге для создания общего рынка. Однако эта первоначальная мотивация вскоре исчезла. В контексте холодной войны и особенно в 1980-х годах двусторонние экономические соглашения с европейскими государствами для политической элиты Центральной Африки оказались более выгодными, чем коммерческие связи с их соседями. В 1990-х годах новый экономический контекст глобализации после холодной войны увеличился, но взаимозависимость частично прервала большинство привилегированных двусторонних связей и соглашений [14].

Все больше и больше африканские государства осознавали свою уязвимость как изолированных игроков на мировом рынке. В этих условиях региональное сотрудничество представлялось подходящим способом объединения сил, чтобы частично компенсировать растущие потери и поднять национальный экономический вес на международном уровне. Однако серия кризисов и конфликтов, разоривших Центральную Африку в 1990-х годах, очень затруднила и усложнила для государств интенсификацию внутрирегиональной торговли и создание предполагаемого общего рынка. Для достижения общих экономических целей и, как следствие, повышения конкурентоспособности экономик на мировом рынке необходимо было гарантировать мир, безопасность и стабильность во всем регионе [15].

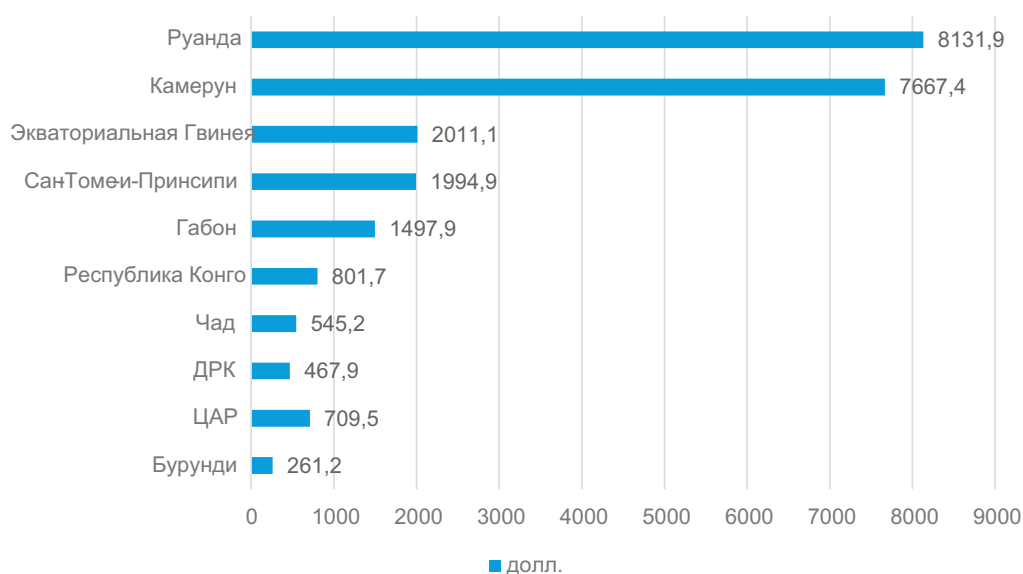
Конфликты и кризисы, которые дестабилизировали значительную часть центральноафриканских государств в 1990-х годах, были результатом внутренней напряженности между различными фракциями, пытавшимися извлечь выгоду из слабости и неспособности правительств осуществлять свои политические полномочия. Конголезские конфликты, а также череда политических кризисов и потрясений в ЦАР, в Чаде и Республике Конго — в Браззавиле — все это можно рас-

сматривать как проявление слабости государств в удовлетворении потребностей населения в безопасности, особенно после уменьшения поддержки со стороны правительств западных стран, поскольку окончание холодной войны поставило Африку в стратегически менее выгодное положение для западных держав. Это сделало очевидным для центральноафриканских государств, что необходимо сотрудничать по вопросам коллективной безопасности.

Сегодня региональный контекст отмечен возвращением к миру, что является неперенным условием усилий по восстановлению, экономической интеграции и региональному сотрудничеству с целью ускорения экономического роста и борьбы с нищетой. На региональном уровне экономическая ситуация, характеризующаяся восстановлением мира, в частности, позволила возобновить рост и улучшить макроэкономические показатели. Темпы роста реального ВВП в ЭСЦАГ неуклонно повышались. Такое усиление экономического роста в основном связано со стабилизацией политической ситуации (особенно в ДРК) и нефтяным бумом после третьего нефтяного шока с 2000-х годов, при скачке цены барреля на мировом рынке. Большинство стран ЭСЦАГ остаются нетто-экспортерами нефти [16].

Однако усилия по консолидации макроэкономических связей центральноафриканских государств еще не привели к значительному повышению уровня жизни населения. Уровень ВВП на душу населения в странах ЭСЦАГ по-прежнему сильно контрастирует.

Таким образом, большое количество соглашений о региональной интеграции мало что сделало для развития внутрирегиональной торговли или даже для повышения эффективности торговли африканских стран в мире, ставит вопрос о целесообразности этой линейной модели для решения реальных проблем, которые препятствуют региональному и глобальному

ВВП на душу населения стран Центральной Африки в 2019 г. (составлено автором по данным статистики Всемирного банка: <https://databank.worldbank.org/source/>).

развитию Африки. Интеграция очень маленьких и бедных экономик по-прежнему приводит к относительно небольшому региональному рынку. Однако любое расширение рынка будет способствовать достижению некоторых масштабных выгод, способствуя более конкурентоспособному промышленно-

му развитию. Небольшой региональный рынок тем не менее по-прежнему будет сдерживать эффект масштаба. Поэтому перспективы роста будут в значительной степени зависеть от того, смогут ли фирмы развить конкурентное преимущество на внерегиональных рынках.

Список литературы

1. Кольцов П.М., Умгаев С.А., Мургаев С.М. Россия в современных интеграционных процессах // Вестник Калмыцкого университета. — 2020. — № 4/48. — URL: https://vestnik_3_2020_got_biblio.indd (дата обращения: 01.12.2020).
2. Григорян К.Г. Система индикаторов региональной экономической интеграции // Российский экономический интернет-журнал. — 2012. — № 1. — URL: <https://readera.org/142110735> (дата обращения: 01.12.2020).
3. Демина Я.В. Эффекты торговой интеграции в странах АСЕАН // Пространственная экономика. — 2015. — № 3. — С. 120–141.
4. Материалы конференции «Особенности современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве» 15–20 октября 2019 г. — URL: <https://www.interaffairs.ru> (дата обращения: 01.12.2020).
5. Абрамова И.О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2018.
6. Диабатэ В., Холина В.Н. Региональная интеграция в Африке: динамика внутрирегиональной торговли 1990–2015 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Экономика. — 2017.
7. Мансур Н.М. Африканская интеграция в XX веке: достижения и проблемы // Крымский научный вестник. — 2018.
8. Аллен Р. Глобальная экономическая история. Краткое введение. — М: Изд-во Института Гайдара, 2017.

9. Африка и мир в XXI веке. — М.: Ин-т Африки РАН, 2018.
10. Африканская интеграция: социально-политическое измерение. — М.: Изд-во Института Африки РАН, 2019.
11. Тулов Б.С. Проблемы африканской интеграции: прошлое и настоящее. (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. — 2010. — № 3.
12. Азия и Африка сегодня: Грибанова В.В. Страны Африки южнее Сахары и «Цели развития тысячелетия». — 2017. — № 2. — С. 59.
13. Traité instituant la Communauté Economique et Monétaire de l'Afrique Centrale (CEMAC), signé à N'Djamena, le 16 mars 2018.
14. *Ouazani Chérif*. OUA: après 45 ans d'existence l'Organisation Panafricaine s'apprête à passer le témoin à l'UA. Dans quel état ? Le testament de Salim Ahmed Salim // Jeune Afrique l'Intelligent. — 3–19 juillet 2017.
15. Statistics on China-Africa Trade in 2018. — URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/lanmubb/AsiaAfrica/201901/20190102831255.shtml> (20.11.2020).
16. Rapport sur le développement économique en Afrique 2019. Made in Africa – les règles d'origine, un tremplin pour le commerce intra-africain [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://unctad.org/fr/PublicationsLibrary/aldcafrica2019_fr.pdf (26.11.2020).

ТЕХНОЛОГИЯ ВЛАСТИ И ВОСПРИЯТИЕ СООБЩЕСТВА: ВОПРОС О ГРАНИЦАХ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация

Сообщество, его восприятие и понимание составляют один из элементов или один из аспектов формирования общества. Фундаментом создания сообщества как такового является процесс установления в его основе широко понимаемой безопасности. Границы безопасности, ее объем и смысловое содержание определяют границы сообщества. Изменения в этой сфере являются своего рода смысловой революцией, следствием которой может быть трансформация понимания сообщества как такового. Эта особая «революция» заключается в мышлении о власти и ее восприятии. Власть в современной действительности перестает легитимировать правителя, а вместе с ним и правление и превращается в инструмент управления. Таким образом, как указывает Фуко, возникает современное общество со специфической технологией и структурами власти — «общество, основанное на безопасности», границы которого определяются внутренней динамикой социального бытия и свободой его отдельных членов.

Ключевые слова: власть, контроль, безопасность, установление безопасности, сообщество, комьюнити.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.004

Автор

Анна Куркевич

Профессор Факультета социальных исследований
Высшей Школы Безопасности
(Познань, Польша)

Вместо вступления

Сообщество, его восприятие и понимание составляют один из элементов или один из аспектов формирования общества. Основой создания сообщества как такового является процесс установления в его основе широко понимаемой безопасности. Границы безопасности, ее объем и смысловое содержание определяют границы сообщества. Мишель Фуко рассматривает процесс установления безопасности как элемент структуры власти и механизмов ее функционирования, подчеркивая процесс отделения такой безопасности от дисциплинарных механизмов. Трансформации в этой сфере — своего рода смысловая рево-

люция, следствием которой является изменение понимания сообщества как такового.

Сообщество как коммуникация и объединение

В тот момент, когда мы начинаем обсуждать сообщество, когда оно начинает возникать перед нами как некое бытие или структура, мы сталкиваемся с сетью специфических отношений или связей, или, согласно немецкому социологу и философу Фердинанду Тоннису, с отношениями взаимного утверждения. Каждое отношение представляет собой единство во множестве или множество в единстве. Все это заключается во

взаимных актах поддержки, облегчения, помощи как признака воли и ее силы. Мы называем группу, созданную посредством такого позитивного отношения, понимаемую как сущность или вещь с согласованным внутренним и внешним функционированием, взаимосвязью. Отношение как таковое, как и взаимосвязь, понимается или как реальная органическая жизнь, соответствующая сущности сообщества (Gemeinschaft — «сообщество» с немец.), или как идеальное и механическое творение, соответствующее понятию ассоциации (Gesellschaft — «общество» с немец.) [11. — С. 181]. Чертами сообщества будут тогда близость, интимность, своего рода фамиллярность между его членами. Ассоциация, в свою очередь, есть искусственное создание, в котором господствует чуждость и которое подчинено навязанным извне правилам. «Сообщество — это длительная форма сосуществования, в то время как ассоциация — только временная форма. В соответствии с этим мы должны понимать сообщество как живой организм, а ассоциацию — как механическую совокупность, артефакт [11. — С. 182].

Жизнь сообщества сосредотачивается вокруг идеи общего блага. Отдельные члены сообщества не только совместно творят, но и извлекают выгоду из общего блага, добиваются этого блага. Жизнь общины концентрируется также вокруг определенного пространства, в котором расположены «дом» и «поле». Динамика сообщества основана на естественных связях между выделенными элементами. Их специфический реляционный характер (порядок и иерархия) выражается в рациональности сообщества. Ф. Тоннис подчеркивает, что «человеческое сообщество — это рациональное сообщество» [11. — С. 184]. То, что определяет сообщество, есть единство его отдельных элементов, его членов, что связано с пониманием общности как особого целого. Векторы веса направлены здесь

к центру единства, унификации. «Члены сообщества остаются связанными, несмотря на обособленность, члены ассоциации остаются по отдельности, несмотря на связи» [11. — С. 186]. Как сообщество, так и ассоциация подчинены специфическим властным отношениям. В первом случае власть возникает из отношений между отдельными членами сообщества и выражается в их действиях, во втором случае власть остается вдалеке от действий отдельных членов ассоциации или от сообщества, производящего определенные отношения и структуры связей. Важно подчеркнуть, что, несмотря на обособленность во втором случае, возникает необходимость проявления объединяющей воли — социальной воли как основы сосуществования и совместной деятельности [3. — С. 16]. Именно единство сообщества, или, в более широком смысле, социальных кругов, выражается в их безопасности. Другими словами, становится гарантией, определяющей в то же время пределы комьюнити.

Энтони Гидденс также ссылается на понимание общества как системы взаимосвязанных элементов [5. — С. 208], подчеркивая, что природа общества сложна и не может быть упрощена или уменьшена. Согласно мнению ученого, главное, что отличает общество как сущность, — это специфический комплекс взаимодействий между его отдельными элементами, в том числе власть, трактуемая как особенность общества или сообщества [3. — С. 54]. Установление власти, а также системы институтов, организующих жизнь общества, превращает его в особую систему. «Каждое общество является одновременно и социальной системой, и продуктом переплетения сложных систем. Эти сложные системы или являются элементами данного общества, или перерезают границы нескольких обществ, обеспечивая, таким образом, многочисленные связи между социальными единицами и межсо-

циальными системами» [5. — С. 209]. То, что объединяет выделенные элементы структуры, — это специфическая система доминирования, то есть система, основанная на отношениях власти и подчинения, что выражается в специфической институциональности общества как такового. Существование институтов, или, скорее, как подчеркивает Гидденс, «пучков институтов», «является первой и самой основной чертой общества» [5. — С. 209]. Институционализм, как подчеркивалось, выражается в специфических отношениях и механизмах власти.

Понятие власти, наряду с институтом, является одним из ключевых слов для понимания общества и сообщества. «Существование власти предполагает структуры господства, через которые власть как бы незримо действует в процессах общественного воспроизводства» [5. — С. 307]. Специфические системы власти, таким образом, непосредственно связаны с механизмами социального контроля во временной и пространственной перспективе, что согласно Гидденсу отражается в ресурсах структуры господства, таких как распределение и власть. Ресурсы распределения включают: «1. Особенности материальной среды (сырье, источники энергии); 2. Средства материального производства и воспроизводства (орудия труда, технологии); 3. Производимые товары (артефакты, созданные в результате взаимодействия 1 и 2)»; к ресурсам власти, в свою очередь, относятся: «1. Социальная пространственно-временная организация социального (пространственно-временное создание путей и регионов); 2. Производства и воспроизводства органа (организация и взаимоотношения людей, в ассоциациях); 3. Организация жизненных шансов (возможности самостоятельного творчества и самовыражения)» [5. — С. 308]. Оба вида ресурсов определяют экспансивный потенциал власти, расширение ее масштабов и влияния. Одним из инструментов власти здесь является

память, возникающая в результате «хранения ресурсов распределения и ресурсов власти» [5. — С. 309]. Хранение ресурсов напрямую связано с контролем знаний и информации.

Обращение к записям памяти означает в то же время ее использование для проецирования моделей будущего и, таким образом, для усиления власти [5. — С. 309; 10. — С. 110–113]. Усиление власти, в свою очередь, непосредственно связано с построением и поддержанием безопасности — как гарантии власти (ее поддержания).

Механизмы власти и структуры безопасности

Мишель Фуко проводит анализ понятия безопасности, начиная в своих размышлениях с ключевого вопроса: «Что стоит за понятием “безопасность”?» [3. — С. 26]. Отправной точкой для такой постановки вопроса является для Фуко различие трех механизмов: юридического механизма, дисциплинарного механизма и механизма безопасности (структур безопасности). Третий из выделенных механизмов — это тот, который нас особенно интересует. Он основан на «распределении вещей и механизмах власти», отличных от двух первых [3. — С. 29]. При этом философ подчеркивает, что ни один из механизмов не отменяет других. Они скорее сливаются друг с другом на основе «смены доминанты или способа соотношения механизмов...» [3. — С. 31]. Мы здесь не имеем дело с простой преемственностью — от права, через дисциплину, к безопасности. Безопасность — это скорее наряду со специфическими для нее механизмами способ расширения и перемещения старого аппарата права и дисциплины. Речь идет о появлении технологии безопасности в основе механизмов, которые либо являются механизмами социального контроля (как в случае с системой наказания), либо связаны с модификациями биологической судь-

бы нашего вида [3. — С. 34]. Таким образом, экономика власти превращается в технологию безопасности [3. — С. 34].

Фуко обращает внимание на несколько отличительных черт безопасности: пространство, отношение к случайным событиям, специфическую форму нормализации и, прежде всего, обращение к тому, что описывается как население [3. — С. 34–35]. Пространство здесь будет обусловлено границами территории, населенной конкретными людьми, — общиной. Ханна Арендт, анализируя аналогические отношения власти и пространства, пишет: «Пространство призвано к существованию везде, где людей объединяют действия и речь, таким образом, оно временно и причинно предшествует как всем формальным установлениям общественного достояния, так и различным формам правления, то есть различным формам организации общественного пространства» [1. — С. 218]. Пространство, призванное к существованию силой человеческой деятельности, исчезает в тот момент, когда люди расходятся, когда растворяются социальные структуры и специфические формы власти.

Однако в зависимости от вида предполагаемого и функционирующего механизма власти пространство также будет трактоваться, помимо этого связующего понимания (выделенного Фуко), по-разному. Юридические механизмы, характеризующие суверенную власть, упорядочивают пространство путем определения векторов, нацеленных на ее установленный центр, точку концентрации (штаб-квартиру) власти. В случае механизмов, основанных на дисциплине, пространство трактуется как «пустое или пустынное» [3. — С. 44]. Дисциплина — это то, что заполняет пустоту порядком, построенным для нужд экономики, упорядочение одних элементов с другими, то, что приобретает форму иерархической структуры. «Замкнутое, раздробленное, контролируемое в каждой точке, пространстве <...> где власть осуществляется нераз-

дельно в соответствии с ее иерархическим образом, где каждый индивид всегда отмечен, изучен и включен в жизнь, боль или смерть, — пространство составляет целостную модель дисциплинарной структуры» [4. — С. 193]. В таком организованном пространстве человеческая деятельность подвергается постоянному контролю, постоянно сочетая центр (точку исполнительной власти) с периферией (местами расположения и деятельности отдельных индивидов). Другими словами, пространство подвергается измельчению — разделению. Оно выделяет каждому определенное, контролируемое место [4. — С. 138]. Чтобы представить себе этот тип структуры власти, автор книги «Надзирать и наказывать» обращается к модели Бенгтама — к понятию паноптикума — тюрьмы, где контроль посредством наблюдения должен был стать основой дисциплины [2. — С. 44]. Фуко пишет: «Паноптикум функционирует как своего рода лаборатория власти» [4. — С. 199]. Власть, расширяя орудие контроля, присваивает себе всю реальность, она становится «вездущей», «видимой» в каждом математически рассчитанном и выбранном участке пространства, которое она охватывает. «Механизм Паноптикума создает пространственные целые, которые позволяют постоянно наблюдать и сразу узнавать все необходимое» [4. — С. 195; 6. — С. 71–75].

В случае механизмов, основанных на безопасности, пространство понимается как специфическая непустая данность, которая подвергается не упорядочиванию, а подчеркиванию своего положительного потенциала, минимизации того, что трактуется как негативное или опасное. Другими словами, дисциплина имеет центростремительный характер, а безопасность — центробежный. «Дисциплина концентрирует, централизует, замыкает. Ее первичным жестом является определение области, где ее власть, механизмы власти управляют без огра-

ничений. <...> Структуры безопасности <...> имеют постоянную тенденцию к расширению, центробежную тенденцию. Постоянно присоединяются новые элементы...» [3. — С. 67]. Существенным понятием здесь является понятие циркуляции, обмена отдельных элементов пространства. Как подчеркивает Фуко, «мы можем говорить здесь <...> о технике, направленной на проблему безопасности, то есть в основном о серии. Здесь мы имеем дело с неопределенным рядом подвижных элементов, с циркуляцией <...>. Для механизма безопасности характерно именно управление такого рода рядами, которые могут управляться только на основе правил вероятности» [3. — С. 45]. Кроме того, ключевыми понятиями, по-видимому, являются «время и случайность», а также уже упоминавшееся понятие «население». «Безопасность в основном связана с населением, то есть с коллективностью, состоящей из индивидов, которые существуют и живут, биологически привязаны к окружающим их материальным условиям» [3. — С. 46]. Механизм безопасности вовлекает население в сеть механизмов, происходящих вокруг, предпринимая в то же время попытки определить отношения, происходящие между ними [3. — С. 46-47]. Из этого вытекает некое понимание и более раннего понятия «среда». Среда, понимаемая культурно и исторически, становится «пространством вмешательства власти» [3. — С. 47], своего рода проектом, местом создания некой инженерии власти.

Главное, что отличает судебно-дисциплинарный механизм от механизма безопасности, — это своеобразное отношение к окружающей действительности, понимаемое в категориях среды. В случае власти, черпаемой из безопасности реальности, это элемент, который завоевывается через структуры безопасности. Подчеркнем: он завоевывается, а не подавляется или ограничен чем-либо [3. — С. 58]. Правовой или дисциплинарный поряд-

док упорядочивает реальность через устранение. Инструментом устранения является система запретов и наказов, а через них — сокращение и, наконец, устранение нежелательного. Реальность здесь не столько завоевывается, сколько даже создается, создаются желаемые состояния вещей, не дающие права на существование тем вещам, которые не входят в пределы нормы. Механизмы власти, основанные на безопасности, не запрещают (как в случае правовых систем), не приказывают (как в случае дисциплинарных систем), а регулируют встречающуюся реальность в ее естественной динамике. Это соотношение динамики реальности и попыток ее регулирования должно включать в себя еще один важный элемент — свободу отдельных членов сообщества, как элемент той реальности, о которой мы говорим. Как подчеркивает Фуко, «свобода есть не что иное, как корреляция процесса реализации структур безопасности» [3. — С. 71]. В местах, где нет свободы, отсутствуют и возможности, пространство для понятных структур безопасности, характеризующих современные общества. Для дисциплинарных механизмов характерен отказ от свободы или принятие спонтанной воли отдельных членов сообщества. Дисциплина через установленные нормы накладывает на реальность сеть моделей, подчиняя все ее элементы контролю. То, что не укладывается в модель, созданную для нужд власти, вытесняется за пределы принятой реальности. Первобытным здесь является не население и даже не реальность (или фактически ее модель), а норма. Мир в целом, мир человека, мир структур общества и инструментов власти измеряется нормой, способностью подчиняться норме [3. — С. 74–75]. Воля индивидов получает право голоса только в том случае, если она является волей подданных в соответствии с волей правителей, которая должна укреплять власть, поддерживать уверенность власти и в то

же время уверенность в правлении на определенной территории.

Динамика сообщества в экономике власти

В тех местах, где механизмы безопасности имеют голос, ранее установленные отношения и зависимости претерпевают трансформацию. Отношения, основанные на подчинении (подданных правителю, государю), превращаются в своего рода процессы, основанные на постоянных преобразованиях, или, как выражается Фуко, постоянном обращении: «Речь идет уже не о маркировке и сохранении территории, а об установлении и подчинении некоторых кругов контролю, об отличии хороших обращений от плохих, о причинении всего, что не стоит на своем месте, вызывая все, что остается в постоянном движении, устраняя при этом опасности этого обращения. Это уже не уверенность князя и его территории, а следовательно, безопасность для населения тех, кто им управляет» [3. — С. 84-85]. Население выступает здесь как «новый коллективный субъект», оказывающийся в то же время «политическим субъектом» [3. — С. 64]. Таким образом, оно становится частью нового понимания пространства, призванного к жизни вместе с ним. Эта особая реальность, измеряемая правилами обращения относительно свободного потока определенных товаров, услуг, информации или идей, вводит нас в область технологии власти, основанной на безопасности (структурах безопасности). Население не подчиняется простым механизмам нормализации, не становится частью системы дисциплинирования общества набором приказов и запретов, определяемых собственниками власти. Поскольку подданный постоянно подвергался контролю власти, а его право было в то же время силой подчинения правителю, население избегало всех ограничений, сдерживающих его динамику. Не от-

ношение управления — подчинения формирует здесь своеобразную экономию власти, а созданные возможности канализации выражения отдельных членов сообщества, координации и предвидения возможных каналов циркуляции или направления изменений и преобразований, происходящих внутри сообщества и его времени и пространства. Индивид становится здесь выразителем сообщества и одновременно его сотворцом. Автор книги «Надзирать и наказывать» подчеркивает: «Если мы говорим о населении, то возникает совершенно иной способ соединения коллективного и индивидуального, социального тела в целом с его разделением на элементы. Управление населением — это нечто совершенно иное, чем поддержание суверенной власти, охватывающей самые крошечные волокна индивидуального поведения. Мы имеем здесь дело, как мне кажется, с двумя различными видами экономики власти» [3. — С. 86]. Власть, понимаемая таким образом, формируя сферу политики, раскрывает ее так, что правление становится актом вызова к существованию не готового аппарата власти, а конкретных сфер человеческой деятельности как пространства для их возможной актуализации.

Таким образом, открытость будет определяющим фактором как общества, так и конкретного социального порядка [12]. Анализируя понятие населения, Фуко указывает на его отличительные аспекты, подчеркивая тот факт, что мы имеем дело не с простой суммой индивидов, населяющих определенную территорию, а скорее со сложной системой многих взаимно сочетающихся переменных и факторов, таких как моральные или религиозные ценности, материальные, климатические факторы, оборот различных видов товаров и услуг [12. — С. 90-91]. Механизмы контроля теряют здесь право бытия, население в принципе не подвержено дисциплине (навязыванию норм), «речь идет не о принуждении

подданных к подчинению воле государя, а о влиянии на ход дел, которые, казалось бы, имеют мало общего с населением, однако, влияют на него, если основываться на некоторых вычислениях, анализах и исследованиях» [12. — С. 92].

Население предполагает в качестве своего элемента, о чем мы уже упоминали, определенную динамику, не укладывающуюся в рамки узкой схемы или модели. Динамика населения, выраженная в постоянных колебаниях ее живой ткани, вытекает из предполагаемых и принимаемых как естественные индивидуальных стремлений и желаний отдельных индивидов — членов популяции. Желания, как подчеркивает философ, становятся «движущей силой населения», а из них вытекают конкретные направления действий и векторы изменений. Это происходит из-за того, что желания, связанные с тяготением индивидов к собственной выгоде, становятся элементом преобразований и развития всего населения: «...стихийная и регулируемая игра желаний производит эффекты, благотворные с точки зрения населения как такового» [12. — С. 93]. И дело не в том, чтобы «поставить плотину желанию или эгоизму в смысле любви к себе, а, наоборот, стимулировать этот эгоизм и желание таким образом, чтобы оно могло, должно было бы принести благотворные последствия» [12. — С. 94]. Это происходит потому, что желание создается, развивается и стремится к исполнению в обществе. Существование вместе с другими оказывается стимулятором человеческих желаний, его направленность становится частью динамики всей совокупности человеческих откликов. Таким образом, экономия власти включает в себя механизмы стимулирования человеческих страстей и вытекающих из них действий.

Жан-Люк Нэнси, проводя философскую вивисекцию сообщества, подчеркивает вслед за Батаем, что «развязывание страстей» означает

«разделение», «экспансию», «передачу» [8. — С. 46], иными словами, страсть рождается в стихии общения. Страсть здесь является формой выражения личности, ее реакцией на другого человека. «Присутствие другого не устанавливает границу, которая должна была бы препятствовать высвобождению «моих» страстей: напротив, только выставление их другому способно пробудить их» [8. — С. 46]. Сообщество пробуждает «страсти» или желания, превращаясь в ткань отношений, скрепленную страстью общения [8. — С. 30; 7. — С. 254].

Там, где существование сообщества подрывается или отрицается, одновременно появляется «страсть сообщества» [9. — С. 81]. Существование среди других является одним из конститутивных элементов человеческой идентичности. Человека в сосуществовании отличает особая черта, которую Ханна Арендт описала как способность «общаться с самим собой» в противоположность «общаться с чем-то» [1. — С. 194]. Человек создает общество с другими людьми через самовыражение или через выставление себя перед другими и по отношению к другим. Выражение видно в речи и деятельности — это то, что отличает человека от окружающей действительности и делает отличным от того, что в этой реальности живет. Эта особенность человека связана с тем, что Арендт называет инициативой. Рождение человека — это акт превращения его в часть окружающего мира, речь и деятельность делают человека частью мира других людей [1. — С. 194–195]. Человек, общаясь и предпринимая определенные действия, вместе с построением своей собственной идентичности одновременно создает общество и его идентичность. Человек, как индивид, становится своего рода актером на сцене социальных действий, актером и зрителем одновременно, проявляя инициативу и совершая акты индивидуального самовыражения. В то же время он наблюдает за деятельно-

стью других акторов — членов сотворенного сообщества, вступая с ними в различные взаимодействия.

Фуко, называя сообщество людей популяцией, говорит: «Популяция — это все, что простирается между полюсом биологического существования и общественной сферой, уязвимой для вмешательства. Здесь появляются многие виды новых явлений, все важные с точки зрения власти и ее механизмов, в рамках и на основе которых мы должны теперь действовать» [3. — С. 86]. Деятельность в этой сфере входит в сферу политики.

Ханна Арендт подчеркивает, что деятельность каждый раз является откровением актера и, таким образом, требует его публикации, воплощаясь на человеческой сцене [1. — С. 198]. Анализируя понятие деятельности, Арендт показывает его запутанность в контексте политики и власти, а именно в отношениях управления и подчинения, отдачи приказов и их выполнения. Обращаясь к латинской и греческой этимологии этого понятия, автор книги «*Vita activa*, или О деятельной жизни» указывает, что деятельность здесь раскололась, имея в виду, с одной стороны, такие значения, как «направляющий», «ведущий», «управляющий» (гр. *archein*, лат. *agere*), с другой стороны, «делать», «завершать», «нести», «поддерживать» (гр. *prattein*, лат. *gerere*), и вследствие этого: «...первичная взаимная зависимость того, кто начинает и ведет, от помощи других, и зависимость его товарищей от него, если мы имеем дело с созданием повода для деятельности, распалась на две совершенно разные функции: функцию отдачи приказов, ставшую привилегией правителя, и функцию их выполнения, ставшую обязанностью его подчиненных» [1. — С. 208]. В то же время Арендт подчеркивает, что природа человеческой деятельности как таковой выходит за установленные человеком границы, что накладывается на «хрупкость человеческого состояния», неустойчивость

созданных человеком институтов и законов [1. — С. 210]. «Абсолютность деятельности — это лишь другая сторона его мощной способности создавать связи, то есть его специфическая продуктивность; <...> Правда состоит в том, что разделения и границы, с которыми мы сталкиваемся в каждом политическом органе, могут предложить некоторую защиту от абсолютности, включенной в деятельность, но они совершенно беспомощны, если мы говорим о компенсации другой его очень характерной черты: непредсказуемости, присутствующей в деятельности» [1. — С. 210]. Таким образом, деятельность, все ее векторы, являющиеся движущей силой развития истории вместе с их последствиями, в полной мере видны только с точки зрения исторического времени, то есть после завершения деятельности, после сошествия со сцены (смерти) всех действующих лиц.

Эта специфическая динамика сообществ, основой которых становится специфический политический механизм, с одной стороны, открывает поле для человеческой деятельности, с другой — подвергает сообщество риску потерять власть. «То, что сначала подрывает, а затем убивает политические сообщества, — это потеря власти и окончательный упадок; власть нельзя хранить, держать в запасе в случае крайней необходимости, как это могут делать орудия насилия, она существует только тогда, когда реализуется» [1. — С. 219]. Власть функционирует до тех пор, пока люди занимаются общей деятельностью, связанной определенным пространством и временем. Поэтому природа власти остается динамичной. Власть — это то, что обеспечивает и поддерживает определенный социальный порядок и одновременно открывает пространство политичности для выражения, присущего отдельным индивидам — членам общества. Таким образом, господство трансформируется в механизмы, основанные на управлении.

Фуко подчеркивает особую «революцию» в мышлении о власти и ее восприятии, власть в современной действительности перестает быть тем, что легитимирует правителя, а вместе с ним и правление, и превращается в инструмент управления. «Речь идет именно о том, чтобы перевернуть соотношение между правлением и управлением, и о том, что управление становится проб-

лемой современной политики...» [3. — С. 97]. Таким образом, как указывает автор книги «Надзирать и наказывать», возникает современное общество со специфической технологией и структурами власти — «общество, основанное на безопасности» [3. — С. 34], границы которого определяются внутренней динамикой социального бытия и свободой его отдельных членов.

Библиография

1. Arendt, H. 2000. *Kondycja ludzka*, transl. into Polish. A. Łagodzka. Aletheia Press. Warsaw.
2. Bentham, J. 1791. *Panoptikon*. Dublin.
3. Foucault, M. 2014. *Bezpieczeństwo, terytorium, populacja*, trans. Into Polish M. Herer. PWN Press. Warsaw.
4. Foucault, M. 2009. *Nadzorować i karać. Narodziny więzienia*, transl. into Polish T. Komendant, Aletheia Press. Warsaw.
5. Giddens, A. 2003. *Stanowienie społeczeństwa. Zarys teorii strukturacji*, transl. into Polish S. Amsterdamski. Zysk i S-ka Press. Warsaw.
6. Herer, M. 2000. *Michela Foucaulta wizja współczesności. Wiedza, władza i gry prawdy*. PWN Press. Warsaw.
7. Kwietniewska, M. 2013. *Jean-Luc Nancy. Dekonstrukcja wobec tradycji*. University of Łódź Press. Łódź.
8. Nancy, J.-L. 2010. *Rozdzielona wspólnota*, transl. into Polish T. Załuski, [in:], *Rozdzielona wspólnota*, transl. into Polish M. Gusin, T. Załuski. Lower Silesian Higher School Press. Wrocław.
9. Nancy, J.-L. 2010. *Przerwany Młt*, transl. into Polish M. Gusin, [in:] *Rozdzielona wspólnota*, transl. into Polish M. Gusin, T. Załuski. Lower Silesian Higher School Press. Wrocław.
10. Ricoeur, P. 2012. *Pamięć, historia, zapomnienie*, transl. into Polish J. Margański. Universitas Press. Kraków.
11. Tönnies, F. 2008. *Wspólnota i stowarzyszenie. Rozprawa o komunizmie i socjalizmie jako empirycznych formach kultury*, [in:] *Klasyczne teorie socjologiczne. Wybór tekstów*, P. Śpiewak (ed.). PWN Press. Warsaw.
12. Załuski, T. 2010. *Od dzieła do rozdzielania. Filozofia i to, co polityczne*, [in:] *Rozdzielona wspólnota*, transl. into Polish M. Gusin, T. Załuski, Lower Silesian Higher School Press. Wrocław.

**Перевод статьи с английского на русский осуществила
Анастасия Матюсова, аспирантка факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова**

ГРУППЫ ВЛИЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: СПЕЦИФИКА, ВИДЫ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация

В Китае основной особенностью формирования групп влияния является отсутствие официальной оппозиции при наличии разрешенных «демократических партий». Тем не менее, анализируя политический ландшафт Поднебесной, можно выявить особые группы, силы, которые свой специфический интерес реализуют, объединяясь в замкнутые политические сети. В рамках данного исследования автором были выявлены основные типы групп влияния в КНР, обозначены институциональные, конвенциональные и иные особенности для их складывания к настоящему времени. Также сформулированы основные цели интересов, формирующие каркас структуры функционирования групп влияния в Поднебесной.

Ключевые слова: группы влияния, КНР, КПК, Комсомол Китая, НОАК, политические сети, клики.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.005

Автор

Кирилл Дмитриевич Серебряков

Студент магистратуры факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета
(Санкт-Петербург, Россия)

В рамках западных политических систем (т.н. «старых демократий») борьба за власть является многовекторной, т.к. общество предельно дифференцировано и представлено большим числом организаций, артикулирующих различные интересы и борющихся за власть. Отсюда становится очевидным столь масштабный запрос на концепты коалиций, имевших место в рамках теории общественного выбора в 1970-х годах. При этом группы влияния могут быть как парламентские, так и внепарламентские, но имеющие большой вес для принятия политических решений.

Что касается КНР, то конфигурация групп влияния в рамках данной политической системы имеет свой специфический оттенок. Будучи страной с преимущественно авторитарным режимом (гибридным), по мнению А. Натана,

Китайская Народная Республика не вписывается в утвердившиеся теоретические рамки фракционных и коалиционных подходов парламентарных систем. Более того, китайское руководство отрицает позитивную роль самой концепции разделения властей (в Поднебесной, если проанализировать институциональную структуру, будут выявлены органы представительства и исполнительной власти как «условно» аналогичные западноевропейским). Тем не менее это не отрицает богатства форм групповой борьбы за ресурсы как демократическими средствами, так и неформальными [11. — Р. 37].

Политическая система коммунистического Китая сформирована таким образом, что довлеющим актором выступает Коммунистическая партия Китая (КПК), являясь руководящим органом страны в вопросе формирования по-

литической повестки и распределения ресурсов, причем сама партия насчитывает более 90 млн членов, социальный состав которых после реформ Дэн Сяопина был расширен за счет интеллигенции [2. — С. 43]. Все это создает предпосылки для появления групп влияния внутри данной организации. Более того, закрытая и непрозрачная структура Коммунистической партии является идеальным условием для формирования патрон-клиентских отношений и компактных сетевых структур, т.е. группы влияния наиболее вероятно будут представлены как клановые сообщества или клики. Это довольно интересно, учитывая тот факт, что официально создавать фракции в КПК, согласно Уставу партии, запрещено [10].

«Китайская специфика» групп влияния также заключается и в том факте, что последние не могут бороться за власть (за статусы). Находясь в руках партии, этот ресурс как бы уже априорно считается полученным и разделенным между всеми членами организации, ибо ее участники, вступая в КПК, становятся носителями общего интереса, запускающего механизм стабильного сращения партии с государством по многим фронтам. Противостояние групп влияния заключается только в борьбе за специфическое проявление власти, а именно за административные ресурсы, которые могут быть достаточно однозначно определены и верифицированы. Это, в первую очередь, стремление получить позиции, отвечающие за перераспределение накопленных ресурсов, а также за ротацию партийно-государственных кадров. При этом подобная группа влияния будет иметь самый изощренный инструментарий, и почти всегда она будет проявлять себя непублично.

Также дополнительной отличительной особенностью китайской модели групп интересов выступает глубокий интеграционный посыл, т.е. наличие институтов, которые не представляют собой непосредственно политическую

институциональную форму организации (по типу партии), тем не менее данные органы включены в единый управленческий комплекс, т.е. в возможность членам данных организаций влиться в работу Компартии. Речь идет об армии (Народно-освободительной армии Китая, НОАК) и о Коммунистическом союзе молодежи (комсомоле) [9]. С большой долей вероятности можно предположить, что предоставленных для этих институтов социальных партийных «лифтов» будет достаточно для формирования специфического интереса по борьбе за административный ресурс (мотивации), что может привести к созданию группы влияния. Но в последнее время такого нельзя уже сказать о комсомоле: отстранение от должности руководителя организации Цинь Ижи перед XIX Съездом КПК и длительный перерыв до нового назначения, а также факт сокращения финансирования обозначили очевидный тренд на ослабление этого молодежного института как трамплина для потенциальных членов его же группы влияния в КПК [9].

Однако политическое поле Китая, в рамках которого могут развернуть свою деятельность различные формы групп влияния, КПК и интегрированными в нее институтами не ограничено. Несмотря на колоссальную роль одной партии, а также характеристику партсистемы как авторитарной с инклюзивной партией или гегемонистско-идеологической, в КНР официально установлена многопартийность при условии, что оппозиция запрещена, а существующие игроки признают «правлящую» роль Компартии, в свою очередь, называя себя «участвующими в политической жизни» [3; 5. — С. 322].

На данный момент вопрос китайского многопартийного сотрудничества хорошо изучен отечественными учеными, отмечающими хоть и незначительный, но рост влияния Единого народно-демократического фронта (т.е. организации, куда входят все партии, разрешенные в КНР: КПК и восемь

«демократических партий») [1; 4; 5; 7]. Здесь видится уместным проанализировать потенциал и формат возникновения групп интересов. Специфический характер политической системы лишает ее участников из правого политического спектра главного отличительного признака групп влияния — борьбы за власть, среди возможностей данных акторов выступают ограниченные формы административных ресурсов, получение которых согласовано с КПК и политическим руководством КНР, что, в принципе, создает прецедент возникновения квазигрупп влияния.

Более того, институциональные форматы реализации собственных специфических амбиций (интерес) лежат преимущественно в негосударственной плоскости: основная деятельность разворачивается в рамках Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), а также в работе ведущих малых рабочих групп.

Первый орган представляет из себя консультативный совет, сессии которого проходят обычно в одно время с сессиями Всекитайского собрания народных представителей («парламент страны с китайской спецификой»). Помимо партийных структур, здесь также присутствуют общественные организации, представители обществ дружбы с заграницей, бизнес-сообщества и т.п. [8. — С. 501–502]. Среди провозглашаемых уставными документами функций НПКСК выделяются следующие: демократический контроль и политические консультации. Обычно к датам проведения съезда совета китайское руководство просит представителей «демократических партий» составить отчеты о реализации культурных и социальных программ, выявить слабые места проводимой государственной политики по данным направлениям. Стоит отметить, что позитивно отмеченная работа подобных партийцев обычно приводит к определенным уступкам и квотам в пользу той или иной стороны при формировании нового состава

ВСНП, переизбрание которого происходит раз в пять лет [6. — С. 34, 36–37].

Несмотря на то что данный орган не является государственным, его курирует один из вице-премьеров китайской системы исполнительной государственной власти — Госсовета КНР (на данный момент эту должность занимает Ван Ян) [6. — С. 37]. Стоит отдельно уделить внимание тому факту, что административные органы в целом в последние годы начинают плотнее взаимодействовать с членами «демократических партий». Так, например, в марте 2018 года вступило в силу следующее постановление: Государственная комиссия по делам религий и Государственная комиссия по этническим вопросам будут отчитываться перед членами Единого фронта раз в год [9].

Демократизацию отношений с иными политическими силами можно наблюдать еще со времен реформ Дэн Сяопина. В 1979 году в своей вступительной речи на 2-й сессии Всекитайского комитета НПКСК он отмечал, что правые партии «стали союзниками <...> политической силой, служащей делу социализма под руководством КПК». В 1987 году по результатам XIII Съезда КПК была поддержана инициатива развития многопартийного сотрудничества, а через два года были внесены соответствующие изменения в Конституцию страны и сформирован правовой порядок такого взаимодействия [1. — С. 206; 7. — С. 50].

Второй обозначенной выше площадкой выступают малые рабочие группы, законодательно закрепленные в IX главе Устава КПК. Это своего рода надминистерские специальные органы, создаваемые для решения конкретных вопросов в рамках реализации реформ, имеющие закрытый тип, курируемые обычно членами Политбюро, Председателем КНР или высшими должностными лицами Госсовета [10]. Подобные группы призваны сокращать транзакционные издержки и добиваться консенсуса между партийными, государственными служащими и реже военными. Из наиболее известных малых рабочих

групп можно выделить структуры «Иностранные дела», «Пропаганда и мышление», «Дела Тайваня, Гонконга и Макао» и др. [9]. На данный момент почти все подобные организации, о которых известно научному сообществу, контролируются Си Цзиньпином.

Фактически это более значимый орган, т.к. он является государственным и возглавляется лицами, оказывающими непосредственное влияние на административные ресурсы. Хотя данные структуры закрыты, в последнее время стали появляться списки участников тех групп, которые уже прекратили свое существование. Стоит отметить, что среди них были представители двух «демократических партий»: Революционного комитета Гоминьдана и Лиги демократического самоуправления Тайваня [5. — С. 327].

Подводя итоги, можно отметить, что китайская среда достаточно специфична для деятельности групп влияния. В-первых, как таковой борьбы за власть в системе с доминирующей партией нет, есть борьба за административные ресурсы. Во-вторых, наиболее эффективной выступает фракционная форма организации группы влияния. В-третьих,

весьма сложная и многоуровневая структура политических институтов делает политические патронистские сети наиболее эффективным форматом формирования группы интересов, которые к тому же абсолютно не публичны.

Проводя типологизацию групп влияния в политико-административных институтах КНР, можно выделить следующие: 1) полноценные клики и 2) квазигруппы влияния, последние из которых представлены иными политическими игроками, не являющимися Компартией или не включенными в ее интегрированную структуру институтами. Среди институциональных форм таких групп можно выделить собственно фракции (кланы) партии, целые партии, коалиции партий. При этом у рассматриваемых групп будут различные политические поля: фракции КПК реализуют свой потенциал внутри партии и акцентируют внимание на системах распределения ресурсов и ротации новых кадров, а остальные группы борются за специфический интерес на специально организованных площадках, как общественных (НПКСК), так и государственных (малые рабочие группы).

Библиографический список

1. Бальчиндоржиева О.Б. Совершенствование системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций в КНР // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — № 6. — С. 205–207.
2. Буров В.Г. Собственным путем. XVI съезд КПК и социально-экономическое развитие Китая // Свободная мысль XXI. — 2003. — № 1. — С. 43–56.
3. Многопартийный Китай: не секрет, но не все знают. О партийной системе КНР: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2388007.html>. — Загл. с экрана (05.05.2020).
4. Пуней В.В. Политические партии КНР, Тайваня и Сянган и объединение китайской нации: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Владивосток, 2001. — 24 с.
5. Семенов А.А. Роль малых демократических партий в политической системе КНР // Общество и государство в Китае. — 2018. — № 48 (1). — С. 321–331.
6. Степанова Г.А. Народный политический консультативный совет Китая на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. — 2001. — № 5. — С. 32–40.
7. Степанова Г.А. Система многопартийного сотрудничества в КНР. — М.: ИДВ РАН, 1999. — 212 с.
8. Шевердяев С.Н. Организация государственной власти в Китае // Организация государственной власти в России и зарубежных странах / Рук. авт. кол. и отв. ред. проф. С.А. Авакьян. — М.: Юстицинформ, 2014. — С. 487–514.
9. Chinese Leadership Chart: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://chinese-leaders.org/chinese-leadership-chart/>. — Загл. с экрана (05.05.2020).
10. Dumbaugh K., Martin M.F. Understanding China's Political System: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.refworld.org/pdfid/4b73cd512.pdf>. — Загл. с экрана (06.05.2020).
11. Nathan A. Authoritarian Impermanence // J. Democracy. — 2009. — Vol. 20. — No. 3. — P. 37–40.

СУПЕРПРЕЗИДЕНТСКАЯ СИСТЕМА Р.Т. ЭРДОГАНА: КУДА ДВИЖЕТСЯ ТУРЦИЯ?

Аннотация

В статье приводится анализ транзита Турецкой Республики к суперпрезидентской системе. Рассмотрены факторы, благодаря которым действующему президенту Турции Р.Т. Эрдогану и правящей Партии справедливости и развития (ПСР) (тур. Adalet ve Kalkinma Partisi) на протяжении практически двух десятилетий удавалось сохранять центральное положение на внутривнутриполитической арене страны, также выявлены и описаны причины, приведшие к снижению поддержки сложившегося режима. Основной вывод работы заключается в том, что в настоящее время политическая система Турции находится в «институциональном тупике»: фрагментированная оппозиция не способна предложить альтернативу Р.Т. Эрдогану. В связи с этим можно предположить, что новый электоральный цикл 2023 г. (президентские и парламентские выборы) завершится его переизбранием и сохранением за ПСР доминирующего положения в Великом национальном собрании Турции.

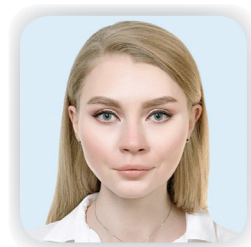
Ключевые слова: неоосманизм, демоисламизм, Партия справедливости и развития, курдский вопрос, Р.Т. Эрдоган.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.006

Автор

Любовь Викторовна Нечаева

Студентка Факультета управления и политики
МГИМО (У) МИД РФ
(Москва, Россия)

С момента образования Турецкой Республики (ТР) идеологическое наследие ее основателя Мустафы Кемаля Ататюрка выполнило свою историческую миссию дважды. На протяжении XX в. шесть фундаментальных принципов кемализма — республиканизм, национализм, народность, лаицизм, этатизм и реформизм — концептуально обосновывали демократический транзит Турции, а после их включения в 1937 г. в Преамбулу Конституции служили основанием для легитимации вмешательства армии в политику. В последний раз военные апеллировали к «стрелам» Ататюрка 28 февраля 1997 г., обвинив премьер-министра Неджметтина Эрбакана (Партия благоденствия) и возглавляемое им правительство в исламизации турецко-

го общества, в результате чего он был вынужден сложить полномочия [8].

Вскоре Партия благоденствия была запрещена по решению Конституционного суда. В 2001 г. ее бывшие члены Бюлент Арынч, Абдулла Гюль и Реджеп Тайип Эрдоган учредили ныне правящую Партию справедливости и развития (ПСР), и вот почти два десятилетия ей удается сохранять доминирующие позиции в Великом национальном собрании Турции (ВНСТ). Подобный успех объясняется рядом идеологических, экономических и социальных факторов.

Идеология. ПСР, имея исламистское происхождение, с момента основания позиционировала себя как правопоцентристская партия, основные положения которой были оформлены в концеп-

цию «консервативной демократии», разработанную политтехнологом демоисламистов Ялчином Акдоганом и изложенную в его работе «AK Parti Muhafazakar Demokrasi». Лейтмотивом книги является идея культуры консенсуса, компромисса, интеграции и терпимости, идущих вразрез с радикализмом и социальной инженерией доминировавшего ранее кемализма [10. — С. 29].

Внешнеполитической реализацией концепции консервативной демократии является более узкий сюжет — неоосманизм. В самых общих чертах неоосманская парадигма заключается в следующем: переосмысление имперского наследия предполагает отказ от геополитического статус-кво Турции на Ближнем Востоке, которого страна придерживалась большую часть XX в., и формирование внешней политики, включающей не только западный, но и восточный вектор, а также новый «многонациональный» подход к пониманию категории «гражданство», что подразумевает возможность мирного сосуществования представителей различных этноконфессиональных групп в рамках национального государства в противовес превалировавшей на протяжении нескольких десятилетий идеи строительства монолитного турецкого общества [14. — С. 15–16]. На практике риторика ПСР получила выражение в виде принятия ряда законов, улучшающих положение ранее дискриминируемых этнических групп, что существенно укрепило авторитет партии среди населения [13. — С. 4].

Экономика. Неоосманизм — это идеология молодого турецкого класса предпринимателей, которые по окончании холодной войны, опираясь на экономическую мощь и накопленный капитал, стремились выйти на новые рынки, прежде всего, на ближневосточном пространстве. Однако региональный экспансионизм нуждался в концептуальном объяснении: исторически в рамках тезиса «национализм»,

одной из «шести стрел» кемализма, «политический ресурс» должен быть аккумулирован преимущественно на внутривнутриполитические цели ТР, тем самым продолжая дело национального строительства, начатого Ататюрком. Так, за время пребывания ПСР у власти Турция восстановила политическое и экономическое сотрудничество с Сирией, подписав с ней соглашение о зоне свободной торговли, благодаря которому товарооборот между странами увеличился в четыре раза в период 2006–2010 гг. [4], а также обеспечила себя природным газом, поставляемым из Ирана.

В целом динамика макроэкономических показателей Турции, как отмечалось в *The Economist*, давала основание называть страну «европейским Китаем»: в 2013 г. ВВП ТР составил 950 млрд долл. по сравнению с 238 млрд долл. за 2002 г. [3]. Внешнеэкономические успехи позволили сократить разрыв между государственными доходами и расходами и снизить расходы по обслуживанию госдолга. За счет этого увеличилась финансирование социальной сферы, что также упрочило позитивный имидж ПСР перед электоратом.

Поддержка этнических меньшинств. «Консервативная демократия», в том числе и неоосманизм, имплицитно предполагает и реставрацию политической роли ислама¹, что необходимо нынешнему руководству Турции по ряду причин. Интеграция турецкой общины, включающая 18 миллионов курдов² и несколько миллионов алавитов, возможна только на основе общей для мусульман религии.

На момент образования ПСР турецкие курды находились в крайне неблагоприятном положении после

¹ Идея М.К. Ататюрка о формировании светской республики разрывала связь между государством и религией, однако идентичность, сформированная в рамках Османского халифата, по-прежнему превалировала.

² Приблизительно 18% населения Турецкой Республики.

очередной эскалации конфликта с властями Республики в 1990-х гг. Молодая партия удачно политизировала раскол, противопоставляя себя давно сложившейся политической и экономической элите и выступая в качестве защитника низших классов. Стоит отметить, что Р.Т. Эрдоган часто подчеркивает то, что он «человек из народа» и является выразителем его интересов.

На первых выборах в Великое национальное собрание Турции ПСР получила около половины голосов курдских избирателей. Согласно опросам общественного мнения, такой большой процент можно объяснить удачно выбранной предвыборной риторикой ПСР: прокурдские партии выступали с узко ориентированной программой, нацеленной на расширение культурных прав меньшинства. На их фоне инклюзивная платформа ПСР и обещание улучшить материальный статус граждан находили больший отклик среди избирателей. Ожидания действительно оправдались: партия финансировала религиозные ордены, помогающие нуждающимся мусульманам¹, и изменила систему распределения средств программ социальной помощи в пользу курдских районов Турции, что существенно укрепило экономическое положение данной этнической группы. Помимо этого, курдам разрешили проводить теле- и радиовещание на курдском языке, предоставили право публично говорить на курдском языке и открывать языковые школы [11. — С. 20–27].

На внешнеполитической арене руководство ТР одно время демонстрировало готовность к диалогу с курдами: в 2005 г. под давлением А. Давутоглу президент Республики признал Региональное правительство Курдистана в качестве законного органа представительства курдской общины Ирака [12. — С. 6]. Кроме того, ислам —

инструмент, который Р.Т. Эрдоган использует для восстановления влияния Турции на Ближнем Востоке, выступая в качестве защитника угнетенных мусульман, в связи с чем стоит вспомнить выступление главы ТР на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2009 г., когда он сравнил условия проживания палестинцев с «тюрьмой на открытом воздухе» и отметил, что антиисламизм, так же как и антисемитизм, является преступлением против человечности [5]. К слову, Израиль — единственное государство, во взаимодействии с которым у Анкары наблюдается «похолодание» в первое десятилетие XX в.: в 2005 г. ТР стала одной из немногих стран, признавших легитимность победы ХАМАС на выборах.

ПСР пришла к власти в 2002 г. и благодаря удачному идеологическому позиционированию и грамотному внутривластному курсу прочно удерживала консервативный электорат вплоть до парламентских выборов в июне 2015 г., когда ей впервые не удалось получить абсолютное большинство голосов, необходимое для формирования однопартийного кабинета. На снижение популярности правящей партии повлияли несколько причин.

Во-первых, ПСР, заслужившая признание во многом за счет экономических успехов, стала испытывать трудности: экономика Турции сильно зависит от внешних источников финансирования и чувствительно реагирует в случае сокращения поступлений прямых иностранных инвестиций, что как раз и происходит, начиная с 2007 г. [7]. Стоит также отметить, что кризисные явления в экономике страны связаны с неудачными валютными интервенциями Центрального банка, в результате которых процентная ставка выросла вдвое, а курс лиры так и не стабилизировался.

Во-вторых, после вмешательства в гражданскую войну в Сирийской Арабской Республике (САР) ТР подверглась внешнеполитическому бойкотирова-

¹ Курды, проживающие в Турции, неоднократно отмечали, что благодаря суфийским орденам смогли найти работу.

нию, особенно после того, как турецкие истребители сбили российский бомбардировщик Су-24. Граждане Сирии, бежавшие в Турцию в поисках стабильности и безопасности, также неблагоприятно повлияли на социально-экономическую ситуацию внутри страны.

В-третьих, на парламентских выборах 7 июня 2015 г. ПСР не поддержал курдский электорат. Предполагается, что переломный момент наступил в 2014 г. После практически четырехмесячной осады Кобани¹ джихадистов все-таки удалось вытеснить из города, однако курды тяжело переживали гибель нескольких сотен соотечественников. Так как в адрес Анкары неоднократно поступали обвинения в оказании содействия радикальным исламистам, курдские избиратели отказались от поддержки ПСР, проголосовав за Демократическую партию народов (ДПН). ДПН — феномен для партийной системы Турции. Эта партия, образованная в 2012 г., объединяет представителей движений, выступающих за феминизм, защиту прав человека, «зеленых» и различные религиозные и этнические меньшинства. На своих первых выборах ДПН получила 13% голосов избирателей, в то время как поддержка подобных прокурдских партий ранее составляла не более 4–6% [11. — С. 32].

После неудавшейся попытки сформировать коалиционное правительство Р.Т. Эрдоган объявил о проведении досрочных парламентских выборов в ноябре 2015 г. Между первыми и вторыми выборами в Турции произошло два теракта, один из которых стал самым крупным в истории страны. Националистически настроенные турки заявляли, что всплеск насилия в ТР связан с улучшением положения курдского меньшинства, поэтому поддержали начало антитеррористической кампании против Рабочей партии Курдистана и проголосовали за ПСР на выборах

1 ноября. Тогда партия получила 49,5 % голосов ВНСТ [11. — С. 19].

Спустя несколько месяцев политические беспорядки возобновились: 15 июня 2016 г. группа военных, причастных к запрещенной в Турции террористической организации ФЕТО, совершила неудавшуюся попытку военного переворота. С осуждением путча выступила даже оппозиция партии. В условиях введенного чрезвычайного положения Р. Эрдоган объявил о проведении референдума, на котором был принят пакет поправок в Конституцию, расширяющих мандат главы государства: президент становился главой правительства, мог совмещать свой пост с членством в партии, получил право издавать указы, имеющие силу закона (в случае отсутствия соответствующего закона), издавать декреты, объявлять проведение новых выборов и назначать референдум. Так, согласно знаменитой матрице политических систем М. Шугарта и Дж. Кэри, в Турции окончательно оформилась президентская система, которую ввиду крайне широкого перечня полномочий главы государства можно вполне классифицировать как суперпрезидентскую [17. — С. 193]. Стоит отметить, что трансформация ТР началась в октябре 2007 г. Тогда на всенародном референдуме граждане одобрили предложение ПСР о переходе к премьер-президентской системе, предполагавшей прямые выборы главы государства, которого раньше назначало ВНСТ, сокращение срока его полномочий с семи до пяти лет с возможностью повторного переизбрания, а также номинирование кандидатов политическими партиями [17. — С. 188].

В соответствии с поправками 2016 г., система сдержек и противовесов между исполнительной и законодательной ветвями власти практически полностью была демонтирована: ВНСТ лишилось права задавать членам правительства устные вопросы (только в письменной форме) и объявлять ему вотум недоверия. Примечательно, что

¹ Курдский город на севере Турции.

судебные органы также только *de jure* остались независимыми: незадолго до провалившегося переворота Высший совет судей и прокуроров начал реформу, которая предусматривала обновление кадрового состава судей и прокуроров на более чем 3750 человек ВНСТ [16. — С. 8].

Изменение характера взаимосвязи между ветвями власти существенно укрепило положение Р.Т. Эрдогана. Даже в случае нарушения им Конституции и законов и последующего начала процедуры импичмента ВНСТ с большой вероятностью не наберет необходимых для отставки двух третей голосов, так как в парламенте Турции доминирует пропрезидентское большинство. Помимо отмеченной реконфигурации, посредством кадровых «чисток» и новой модели военнo-гражданских отношений президент ТР лишил политической субъектности армию, традиционно выступавшую в качестве «арбитра» в кризисные периоды: Высший военный совет, традиционно контролируемый военной элитой, был расширен за счет включения в его состав гражданских лиц, из прямого подчинения начальнику Генштаба были выведены командующие сухопутными, военно-воздушными и морскими силами, министерства получили в ведение важнейшие структуры, находившиеся ранее под контролем армии (заводы, судоверфи, госпитали, командование береговой охраной и жандармерией и т.д.), в довершение лиц, имеющих отношение к вооруженным силам, лишили права участвовать на выборах в ВНСТ [16. — С. 11].

В настоящее время политическая система Турции переживает период политической турбулентности, что ясно показали муниципальные выборы 2019 г., когда ПСР, будучи в альянсе с Партией националистического движения (ПНД), проиграла оппозиции две крупнейшие провинции в стране — Стамбул и Анкару. В попытке сохранить контроль над Стамбулом, стратегически значимым

муниципалитетом, Р.Т. Эрдоган не признал результатов выборов, убедив Центральную избирательную комиссию в проведении перевыборов в июне. Во второй раз ПСР потерпела куда более сокрушительное поражение, так как по результатам повторного голосования Экрем Имамоглу, выступивший от оппозиционного блока «Национальный альянс», победил с еще большим отрывом [15. — С. 121–124].

Первенство ПСР в партийной системе также находится под вопросом. На последних парламентских выборах 2018 г. правящая партия выступила вместе с ПНД в рамках объединения «Народный альянс». Поддержка данной партии и ее лидера Девлета Бехчели является необходимым условием для сохранения за ПСР доминирующего положения в парламенте страны, однако в ближайшем будущем глава ПНД может оставить свой пост в связи с проблемами со здоровьем [10. — С. 10]. Р.Т. Эрдоган теряет поддержку и внутри самой ПСР: в 2019 г. о намерении создать свои собственные партии заявили бывшие союзники президента — Али Бабаджан (соучредитель ПСР) и Ахмед Давутоглу (бывший министр иностранных дел и экс-глава правительства).

Первым на путь политического противостояния с ПСР вступил А. Давутоглу, объявив о создании «Партии будущего» 13 декабря 2019 г. Будучи опытным политиком с серьезным политологическим образованием, Давутоглу весьма удачно использует религиозные символы в своей программной риторике. К примеру, партийная символика представлена олицетворяющим ислам зеленым цветом, а сама партия была учреждена в пятницу — день, почитаемый мусульманами как священный. Партия демократии и прорыва — ее А. Бабаджан представил также в пятницу 11 марта 2020 г. — выступает за решение курдского вопроса, экономических проблем и ряд контрреформ. В целом политическая линия Бабаджана частично совпадает

с предложениями Давутоглу, однако нацелена в основном на представителей различных меньшинств, в то время как «Партия будущего» претендует на традиционный для ПСР электорат — консервативных избирателей.

Следующие парламентские выборы в Турции должны состояться в 2023 г. С большой вероятностью «Народный альянс» вновь получит большинство мест в парламенте, так как обе партии идеологически объединяет идея турецкого-исламского синтеза, находящая отклик у значительной части религиозного электората. Согласно докладу, опубликованному Государственным департаментом США, 99% населения страны — мусульмане [6]. Только сплоченная оппозиция может противостоять такому внушительному электоральному потенциалу, однако достичь консенсуса крайне непросто ввиду межпартийных разногласий. Так, в октябре 2019 г. лидер «Хорошей партии» Мираль Акшенер объявила о выходе из блока «Национальный альянс».

Возможный итог выборов главы государства, которые также пройдут

в 2023 г., является весьма неоднозначным. В настоящее время политическая система Турции полностью подконтрольна действующему Президенту. Как показали недавние опросы общественного мнения, рейтинг поддержки Р.Т. Эрдогана среди населения стремительно снижается: против него и ПСР высказалось 59,9% респондентов [2]. Несмотря на это, в связи с пандемией среди турецких граждан все чаще встречаются мнения в его поддержку, так как в кризисное время страна нуждается в «сильном политике», способном взять ситуацию под контроль [1]. Важно отметить, что оппозиция также не может предложить альтернативного политика-харизматика с сопоставимым «политическим весом». Данное утверждение применимо и к предполагаемому преемнику Эрдогана — министру финансов и казначейства Берату Албайраку [10. — С. 2]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что результаты муниципальных выборов и появление новых партий по-прежнему не имеют гарантий на успех в будущем, и эпоха Р.Т. Эрдогана и ПСР с большой вероятностью продолжится.

Литература

1. Coronavirus in Turkey: Erdogan's approval ratings surge to four-year high [Электронный ресурс] // Middle East Eye. — 2020. — URL: <https://www.middleeasteye.net/news/coronavirus-turkey-erdogan-approval-ratings-surge-high> (дата обращения: 03.10.2020).
2. Erdogan's model continues to lose public support in Turkey [Электронный ресурс] // Atalayar. — 2020. — URL: <https://atalayar.com/en/content/erdogans-model-continues-lose-public-support-turkey> (дата обращения: 03.10.2020).
3. Is Turkey turning its Back on the West? [Электронный ресурс] // The Economist. — 2010. — <https://www.economist.com/leaders/2010/10/21/is-turkey-turning-its-back-on-the-west> (дата обращения: 03.10.2020).
4. Model of Partnership in the Middle East: Turkish-Syrian Relations [Электронный ресурс] // Comments and Analytics on Turkish Politics. — 2011. — URL: <http://sedatlaciner.blogspot.com/2011/01/model-partnership-in-middle-east.html> (дата обращения: 08.10.2020).
5. Peres, Erdogan in "amicable talks" after Davos spat [Электронный ресурс] // CNN. — 2009. — URL: <https://edition.cnn.com/2009/WORLD/europe/01/30/davos.erdogan.peres/index.html> (дата обращения: 03.10.2020).
6. Report on International Religious Freedom: Turkey 2019 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. — URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-outlook-for-turkish-democracy-2023-and-beyond> (дата обращения: 08.10.2020).
7. Turkey: Foreign Direct Investment, percent of GDP [Электронный ресурс] // The Global Economy. — URL: https://www.theglobaleconomy.com/Turkey/Foreign_Direct_Investment/ (дата обращения: 08.10.2020).
8. Премьер-министр Турции будет просить о своей отставке [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 1997. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/179559>

9. Akdogan Y. The Meaning of Conservative Democratic Political Identity. — S.L.C.: The University of Utah Press, 2006. — 65 p.
10. Danforth N. The Outlook for Turkish Democracy: 2023 and Beyond // The Washington Institute for Near East Policy. — 2020. — № 77. — P. 2–16.
11. Gunay O., Yoruk E. Governing the Political Unrest: Political Islam and the Kurdish Conflict in Turkey // New Perspective on Turkey. — 2019. — № 61. — P. 9–43.
12. Grigoriadis I. The Davutoğlu Doctrine and Turkish Foreign Policy // Hellenic Foundation for European and Foreign Policy ELIAMEP. — 2010. — № 1 (8). — P. 1–13.
13. Kirisci K., Toygur I. Turkey's New Presidential System and a Changing West: Implications for Turkish Foreign Policy and Turkish-West Relations // Foreign Policy at Brookings. — 2019. — № 15. — P. 1–15.
14. Taspinar O. Turkey's Middle East Policy. — W.: Carnegie Papers, 2008. — 36 p.
15. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 // Свободная мысль. — 2020. — № 2. — С. 115–128.
16. Вартазарова Л.С., Кобринская И.Я., Уткин С.В. Современная Турция: тренды развития и значение для России. — М.: ИМЭМО РАН, 2019. — 54 с.
17. Харитонова О.Г. Кризисная эволюция турецкой политической системы // Зарубежные политики. — 2018. — № 3 (90). — С. 181–205.

КИБЕРАТАКИ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

Аннотация

По мере того, как информационные технологии трансформируют глобальное общество, они естественным образом открывают новые возможности для вмешательства в политические процессы. Одним из эффективных инструментов такого рода воздействия являются кибератаки, которые позволяют быстро, ненасильственно и анонимно повлиять на политические позиции общественности и даже вмешаться в избирательный процесс, ставя под сомнения результаты голосования. Для составления полной картины происходящего в статье рассматриваются кейсы, подобранные из разных регионов: Америки, Европы и Азии.

Ключевые слова: кибератака, общественное мнение, выборы.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.007

Автор

Елена Сергеевна Волкова

Магистр факультета Международной уголовной юстиции
Университета Париж II Пантеон-Ассас
(Париж, Франция)

Ежедневно, по разным оценкам, в мире совершается от 400 тысяч [2] до 700 тысяч [11] кибератак. Включая в себя обширный спектр инструментов от простейших спам-рассылок с помощью спуфинга до сложнейших DDoS-атак, они становятся реальной угрозой для предприятий, частных лиц и особенно для государственных инфраструктур. Последний доклад организации по кибербезопасности FigeEye показал, что атаки на национальные информационные системы вошли в топ-3 [18], а участвовавшие за последние годы заявления государств о манипулировании общественным мнением извне и вмешательстве хакеров в избирательные кампании лишь подтверждают, что кибероперации способны повлиять на политический процесс.

Однако прежде, чем мы перейдем к рассмотрению кейсов, необходимо

разобраться, что представляет собой кибератака. Принятая в 2016 году Доктрина информационной безопасности Российской Федерации характеризует киберугрозы и кибервторжения следующим образом: «Информационная угроза — совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере» [6]. Американская стратегия кибербезопасности дает, в свою очередь, более развернутое определение кибератаки, под которой понимает деструктивную, подрывную или иным образом дестабилизирующую злонамеренную кибердеятельность, направленную против интересов США в отношении сетей, систем, функций и данных [19]. Обе страны допускают тот факт, что использование современных информационных атак способно оказать влияние «на индивидуальное и общественное

сознание» [6; 19]. Эту точку зрения разделяют и другие страны. Так, стратегия национальной информационной безопасности Франции делает особый упор на защиту национальной инфраструктуры, поскольку государство уже сталкивалось в прошлом с «информационными атаками, призванными нанести удар по общественному мнению» [23], а Австралия прямо указывает в своей киберстратегии, что комплексная защита от кибератак необходима, чтобы предохранить демократические избирательные процессы от злонамеренных кибератак [8].

Сегодняшние кибератаки могут быть использованы в разных целях: дезинформировать граждан или отвлечь их от проблемы, повлиять на общественное мнение, что в конечном итоге способно дезориентировать общество, подкрепить чувство сомнения среди его представителей или привести к формированию стойкого мнения у конкретной целевой аудитории по определенному вопросу. Все это становится возможным благодаря быстрому развитию информационных технологий. Именно они делают киберпространство крайне привлекательным для совершения атак на национальные информационные системы: с одной стороны, виртуальная среда позволяет обеспечить всем участникам высокую степень подключения, низкую задержку получения информации, полностью игнорируя физическое расстояние или национальные границы, в то время как, с другой стороны, анонимность и отсутствие точной атрибуции кибератак ведут к полной незаконности злонамеренных действий хакеров.

1. Кибератаки как инструмент политической пропаганды

На сегодняшний день одной из наиболее распространенных форм политического влияния с помощью кибератак является хактивизм, который

представляет собой акт взлома или проникновения в компьютерную систему в политических или социальных целях, или то, что И.Н. Панарин определял как «бескорыстное» хакерство в целях политического активизма в книге «Информационная война и выборы» [3].

Хактивисты не оправдывают насильственные или деструктивные действия против своих врагов, вместо этого они сосредотачиваются на ненасильственных средствах разоблачения правительств и корпораций, за счет повышения осведомленности граждан и воздействия на них. И, по мнению Стивена Рэя, такой способ взаимодействия с государствами является наиболее эффективным, в сравнении с традиционными уличными протестами [22].

Хактивисты могут прибегнуть к разного рода инструментам, например, к DDoS-атакам, которые направлены на то, чтобы вызвать отказ в обслуживании путем отправки на атакуемый веб-сайт большого количества запросов с помощью ботов, чтобы превысить способность сайта обрабатывать их [16], — в таком случае сайт просто перестанет открываться. Другим средством воздействия может стать технология дефэйсмент (defacement), которая позволяет заменить содержимое сайта своим собственным [29]. Однако арсенал хактивистов ничем не ограничен, и они могут воспользоваться другими популярными средствами нападения, например, спуфингом, который позволяет подменить данные атакующим и выдать себя за другое лицо. Выбор огромен и продиктован лишь изобретательностью хактивистов. Что действительно важно, так это желание повлиять на общество с помощью приведенных выше инструментов. Хактивисты бросают вызов обществу и государству, желая выразить свою позицию, и стремятся добиться социальных или политических изменений путем привлечения внимания к проблемам и влияния на общественное мнение.

Именно поэтому жертвами хактивистской деятельности часто становятся правительственные учреждения, транснациональные корпорации или любые другие субъекты, которые, по мнению хактивистов, несут ответственность за неправильные и незаконные действия.

Таким образом, хактивизм сегодня может представлять собой форму проявления так называемого электронного гражданского неповиновения (*Electronic Disturbance Theater*) (ECD), о которой в 1999 году писал Стивен Рэй [22]:

«По мере того, как хакеры становятся политизированными, а активисты — компьютеризированными, мы увидим рост числа киберактивистов, вовлеченных в то, что скоро станет более широко известным как электронное гражданское неповиновение. Те же принципы традиционного гражданского неповиновения, как вторжение и блокирование, будут по-прежнему применяться, но все больше таких действий будет происходить в электронной или цифровой форме. Основной средой электронного гражданского неповиновения станет киберпространство».

Одним из самых известных хактивистских движений на сегодняшний день является группа Anonymous, члены которой разбросаны по всему миру. Они поддерживают гражданские революции, борются против тоталитаризма и нарушений прав человека и выступают за свободу в интернете.

Рассмотрим случай в Каталонии, который произошел в октябре 2017 года на фоне референдума о независимости региона от Испании. В ходе голосования более 2 млн человек высказалось за независимость Каталонии [14], однако уже 17 октября Конституционный суд Испании вынес постановление, в котором отказался признавать легитимность референдума. Желая выразить поддержку населению Испании, хакерская группировка Anonymous решила вмешаться в политический конфликт между обществом и государством: «Мы

хотим заявить, что желание каталонского народа выразить свою волю через референдум является точкой зрения большинства и распространяется на все слои общества». С этой целью хактивисты совершили ряд кибератак против сайтов Королевского дома Испании, Конституционного суда, Министерства общественных работ и транспорта и других правительственных учреждений. Некоторые из этих веб-ресурсов прекратили работу, в то время как на других был размещен баннер «Свободная Каталония». Еще одним инструментом поддержки референдума за независимость региона стала спам-рассылка с целью отключения учетных записей мэров каталонских городов, которые использовались для координации голосования, чтобы предотвратить манипулирование результатами референдума [27].

Мы может также обратиться к другому примеру — деятельности бразильских хактивистов Ruzraku Group, которые провели кибератаки против нескольких государств в борьбе за справедливость. В феврале-марте 2019 года группировка обрушила ряд правительственных сайтов в Судане (Торговая палата Судана, Министерство нефти и газа, Министерство внутренних дел и канцелярия президента) в рамках кампании #OpSudan с целью свержения режима Омара аль-Башира. На некоторых правительственных сайтах также было размещено сообщения в поддержку протестующих против режима Омара аль-Башира: «В Судане нет свободы и справедливости. Мы отдаем дань уважения всем жертвам этой революции. Мученики навсегда останутся в наших воспоминаниях. Люди никогда не сдадутся. Скоро победа!» [34]. Ситуация оказалась тем более примечательна, что в конце февраля президент Судана издал чрезвычайный указ о запрете публичных собраний, забастовок и шествий [24], сделав, таким образом, кибератаки единственным возмож-

ным средством выражения мнения. Через несколько недель, в марте того же года, хактивистами была запущена уже новая информационная кампания, сопровождающаяся DDoS-атаками против правительства Никарагуа. Пока правящая верхушка в лице президента Даниэля Ортега и вице-президента Росарио Мурильо подавляла протесты граждан, уставших «от репрессий и авторитаризма» [4], члены Puzgraky Group разместили сообщения о массовых нарушениях прав человека в отношении протестующих на сайтах Национальной полиции Никарагуа и Министерства иностранных дел Коста-Рики [33]. Атаку последнего хакеры объяснили необходимостью повысить осведомленность об этих правонарушениях [33]:

«Lo siento, Costa Rica por usar su plataforma para esto (prometemos no dañar nada ni comprometer la información confidencial de su gobierno), pero este es un mensaje de ayuda! Por los prisioneros que Daniel Ortega secuestra y tortura todos los días. Nada es normal en Nicaragua» [Мы приносим извинения Коста-Рике за использование ее платформы для этого [для этой кибератаки — прим. автора] (мы обещаем ничего не повредить и не поставить под угрозу конфиденциальную информацию вашего правительства), но это сообщение о помощи! Для заключенных, которых Даниэль Ортега похищает и пытается каждый день. В Никарагуа нет ничего нормального].

В обоих случаях кибератаки стали мощной объединяющей силой, которая смогла мобилизовать людей на протесты в реальном мире и дать манифестантам ощущение, что они могут рассчитывать на поддержку со стороны, что в конечном итоге привело к росту протестующих.

Наконец, обратимся к последнему примеру кибератак, используемых в целях пропаганды и политической манипуляции в информационном пространстве, осуществляемых с помощью спуфинга. В августе 2020 года во время пресс-конференции Тайваньского бюро

расследований Лю Цзя-цзун, сотрудник отдела расследований кибербезопасности, обвинил Китай в причастности к многочисленным взломам инфраструктуры и краже правительственных документов и данных [25]. Было отмечено, что кибератаки проводятся начиная с 2018 года и являются частью китайской кампании по «вездесущему проникновению» на Тайвань. Похищая данные, прокитайские хакеры продвигают нарратив, соответствующий политическим интересам Китайской Народной Республики, активно прибегая к технологии спуфинга, или киберсимулякров, «выполняющих функцию репрезентации реальных пользователей» [1], как их определяет профессор С.В. Володенков. Доклад Mandiant Threat Intelligence отмечает, что для этих целей Китай использует фейковые «учетные записи, чтобы выдать себя за западные СМИ», включая применение идентичных имен пользователей и фотографий, используемых в учетных записях западных СМИ, которые они имитируют [30].

«Мы обнаружили, что фабрики по производству контента не просто придумывают фальшивую информацию. Они все больше и больше манипулируют мнениями» [26], — заявил в декабре прошлого года Джарвис Чиу, старший менеджер Института информационной индустрии, который оказывает поддержку правительству Тайваня в предотвращении дезинформации. По словам Чиу, взлом реальных пользователей и создание новых фейковых аккаунтов позволяют прокитайским хакерам смещать фокус дебатов и манипулировать общественным мнением.

Однако, по мнению многих исследователей, кибератаки способны выйти далеко за рамки «когнитивного уровня», который включает в себя операции по влиянию на мнение граждан и пропагандистскую деятельность, а также нанести ущерб технической части избирательной системы, влияя тем самым на ход избирательного процесса [13].

2. Кибератаки и вмешательство в электоральный процесс

Использование новых технологий во время избирательных кампаний стало ключевой темой в последние годы, а опасения по поводу взлома баз данных, манипуляций со СМИ и иностранного технологического вмешательства в результаты голосования вызывают беспокойство государств во всем мире.

Внимание к этой проблеме особенно резко возросло из-за вмешательства в выборы в США в 2016 году. Ссылаясь на секретные данные о причастности России к кибератакам на избирательную систему Америки, бывший исполняющий обязанности директора Центрального разведывательного управления Майкл Мур назвал эти действия «политическим эквивалентом 11 сентября» [17]. Согласно американской версии произошедшего, Россия вмешивалась в американские выборы четырьмя основными способами: путем кражи информации, ее выборочного распространения, пропагандистской кампании и попыток взлома систем голосования по всей стране [15]. Основной причиной этих злонамеренных действий было объявлено «необоснованное вторжение в географическую сферу ее влияния», когда Америка поощряла антироссийские восстания во время Революции роз в Грузии в 2003 году, Оранжевой революции 2004 года на Украине и протесты в Москве в 2011 году [28]. Российским хакерам вменяли в вину взлом компьютеров Национального комитета Демократической партии, веб-сайтов избирательных комиссий в Аризоне и Иллинойсе [13], электронной почты председателя избирательной кампании Клинтона Джона Подеста [7] и Республиканского национального комитета [12], а также, согласно отчету Агентства национальной безопасности (далее АНБ) от 5 мая 2017 года, системы регистрации избирателей и «некоторых других элементов системы голосования» [31]. Хотя АНБ не делает

выводов о том, оказали ли подобные действия какое-либо влияние на исход выборов, оно допускает вероятность того, что кибератаки привели к «обескураживающим результатам» [31]. Стоит отметить, что президент РФ Владимир Путин причастность государственных структур к кибератакам опроверг, допустив, однако, вероятность вмешательства в выборы США в 2016 году со стороны патриотически настроенных независимых хакеров: «Потому что хакеры — люди свободные <...> они проснулись сегодня, прочитали, что там что-то происходит в межгосударственных отношениях, если они настроены патриотически, они начинают вносить свою лепту, как они считают правильным в борьбе с теми, кто плохо отзывается о России. Теоретически это возможно» [5].

Опираясь на этот опыт, США приняли решение выстроить эффективную систему кибербезопасности при подготовке к выборам 2020 года. Америка заявила, что это ей помогло предотвратить прямое вмешательство в избирательный процесс, но «атмосфера беспокойства, создаваемая кибератаками, все же оказала *значительное влияние*» на ход кампании в этом году [20].

Однако вмешательство в выборы посредством кибератак не началось и не закончилось с выборами в Соединенных Штатах. Хакеры продолжают взламывать цифровые платформы избирательных систем по всему миру с намерением ввести электорат в заблуждение, нанося репутационный ущерб отдельным кандидатам или политической партии или ставя под сомнение избирательный процесс в целом. За последние несколько лет множество европейских государств в лице Великобритании, Италии, Франции, Грузии, Украины сообщили о вмешательстве в избирательный процесс путем кибератак. Так, группа хакеров Lizard Squard была ответственна за нападение на лейбористскую партию Великобритании во время всеобщих

выборов в стране в декабре прошлого года. Они провели крупную DDoS-атаку на цифровые платформы лейбористов, мотивируя это тем, что «правительство, поддерживающее террористов, не должно управлять страной» [21]. И, хотя кибератака не увенчалась успехом, лидер партии Джереми Корбин заявил, что нападения заставили его «сильно нервничать» в отношении предстоящих выборов [21]. В конечном счете, по мнению исследователя Крис Теноув, постоянная угроза оказаться мишенью для кибератак, какой стал Джереми Корбин в 2019 году, может повлиять на желание возможных кандидатов баллотироваться [10].

Не обошли кибератаки и Азию. Так, согласно ноябрьскому исследованию Mandiant Threat Intelligence, Китай стал самым активным игроком в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вмешиваясь в электоральный процесс соседних территорий: Гонконга, Тайваня, Камбоджи [30]. Можно предположить, что вмешательство Китая в выборы является частью его более широкой стратегии защиты своих основных национальных интересов, как внутри страны, так и на региональном уровне, а оказание давления на политических деятелей, которые бросают вызов этим интересам, способно поддерживать в регионе статус-кво. Эти основные интересы, как они определены Коммунистической партией Китая, включают сохранение внутренней стабильности, экономическое развитие, территориальную целостность и повышение статуса Китая как великой державы.

Случай вмешательства китайских хакеров в камбоджийские выборы заслуживает отдельного рассмотрения. В 2017–2018 годах премьер-министр Хун Сен, находившийся на тот момент у власти уже 32 года, столкнулся с напряженной борьбой во время парламентских выборов. Увидев в Партии национального спасения Камбоджи и ее лидера Кем Сокха угрозу, власти

приняли решение распустить оппозиционную партию, а ее председателя обвинить в «государственной измене». Пекин также решил политически поддержать авторитарного лидера и предоставил 20 миллионов долларов Национальному избирательному комитету. Однако поддержка китайского правительства не ограничилась финансовой помощью, так как, по мнению экспертов по кибербезопасности, Коммунистическая партия Китая решила поддержать действующего премьер-министра в киберпространстве. Согласно докладу Mandiant Threat Intelligence, прокитайская группа хакеров взломала компьютерные системы избирательной комиссии Камбоджи, Сената и нескольких камбоджийских министерств, чтобы оперативно получать информацию о ходе электоральной кампании, а также проникла в компьютеры членов запрещенной Партии национального спасения Камбоджи и камбоджийцев, выступающих за права человека и демократию, которые критиковали правящую Народную партию Камбоджи [9]. В ходе данной кибероперации злоумышленники получили доступ к системам с помощью фишинга и трояна, разослав своим жертвам зараженные электронные письма.

Рассмотренные выше кейсы показывают, что использование кибератак с целью политического влияния сегодня уже не редкость. При этом необходимо отметить, что попытка вменить в вину государствам кибератаки, запущенные с целью оказания влияния на население или на избирательный процесс, неизбежно сталкивается с отрицанием какой-либо причастности со стороны этих государств. Однако, рассматривая данную проблему не с юридической, а с политической точки зрения, гораздо важнее тот факт, что, кто бы ни стоял за кибератаками — киберактивисты или прогосударственные структуры, — приведенные выше примеры показывают, насколько реальными и обыденными

становятся взлом национальной инфраструктуры и выведение ее из строя. Но самое интересное в этой проблеме — пожалуй, то, что часто ее можно предотвратить заранее, поскольку наиболее распространенными уязвимостями на сегодняшний день все еще являются использование устаревшего оборудования (например, машины для голосования могут долгое время не использоваться, поскольку выборы происходят лишь с определенной периодичностью, это значит, что их программное обеспечение обновляется гораздо реже, чем другие электронные

системы) и дефицит цифровой грамотности среди сотрудников той или иной информационной системы, так как они менее способны оценить надежность или происхождение источников кибератаки и могут, сами того не зная, запустить ее. Именно поэтому проблема политического влияния посредством кибератак должна решаться комплексно, в противном случае киберугрозы смогут повлиять не только на результаты выборов, но и на ключевые демократические мероприятия по участию, общественному обсуждению и институциональным действиям граждан.

Литература

1. Володенков С.В. Киберсимулякры как инструмент виртуализации современной массовой политической коммуникации [Электронный ресурс] // Информационные войны. — 2020. — № 4 (32). — URL: <http://pstmpriint.ru/wp-content/uploads/2016/11/INFW-4-2014-3.pdf> (дата обращения: 24.12.20).
2. Касперский считает, что пандемия привела к активизации кибератак на 20–25% [Электронный ресурс] // ТАСС. — 2020. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/10070887> (дата обращения: 24.12.20).
3. Панарин И.Н. Информационная война и выборы. — М.: Издательский Дом «Городец», 2003. — 416 с.
4. Почему в Никарагуа не стихают протесты [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 2019. — URL: https://www.ng.ru/vision/2019-03-06/7_7525_nikaragua.html (дата обращения: 24.12.20).
5. Путин: хакерами может двигать патриотический настрой [Электронный ресурс] // BBC News. — 2017. — URL: <https://www.bbc.com/russian/news-40118501> (дата обращения: 24.12.20).
6. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации [Офиц. сайт]. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612060002.pdf> (дата обращения: 24.12.20).
7. “Hacked” US Election: Is International Law Silent, Faced with the Clatter of Cyrillic Keyboards? [Электронный ресурс] // Just Security. — 2016. — URL: <https://www.justsecurity.org/35652/hacked-election-international-law-silentfaced-clatter-cyrillic-keyboards/> (дата обращения: 24.12.20).
8. Australia’s cyber security strategy 2020, p. 17 [Электронный ресурс] // Australian Government [Офиц. сайт]. — URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/cyber-security-subsite/files/cyber-security-strategy-2020.pdf> (дата обращения: 24.12.20).
9. Chinese Espionage Group TEMP.Periscope Targets Cambodia Ahead of July 2018 Elections and Reveals Broad Operations Globally, Threat Research [Электронный ресурс] // FireEye. — 2018. — URL: <https://www.fireeye.com/blog/threat-research/2018/07/chinese-espionage-group-targets-cambodia-ahead-of-elections.html> (дата обращения: 24.12.20).
10. Tenove C. Digital threats to democratic elections: How Foreign Actors Use Digital Techniques to Undermine Democracy [Электронный ресурс] // Centre for the Study of Democratic Institutions. — University of British Columbia. — Political Science. — 80 p. — URL: <http://pdfs.semanticscholar.org/ca1e/7ee79c0eb0720cc2343f5198eae86d20ac94.pdf> (дата обращения: 24.12.20).
11. Cyber Threat Map, [Электронный ресурс] // FireEye. — URL: <https://www.fireeye.com/cyber-map/threat-map.html> (дата обращения: 24.12.20).

12. Sanger D.E., Shane S. Russian Hackers Acted to Aid Trump in Election, U.S. Says [Электронный ресурс] // The New York Times. — 2016. — URL: http://www.nytimes.com/2016/12/09/us/obama-russia-election-hack.html?_r=0 (дата обращения: 24.12.20).
13. Everything We Know About Russian Election-Hacking [Электронный ресурс] // Wired. — 2017. — URL: <https://www.wired.com/story/russia-election-hacking-playbook/> (дата обращения: 24.12.20).
14. Generalitat de Catalunya, Referèndum d'autodeterminació de Catalunya, Resultats definitius, p. 2, [Электронный ресурс] // Generalitat de Catalunya [Офиц. сайт]. — 2017. — URL: https://web.archive.org/web/20171008152256/http://www.govern.cat/pres_gov/AppJava/docrel/nota-premsa/contingut/download/220434.htm?mode=static (дата обращения: 24.12.20).
15. Van De Velde J. The Law of Cyber Interference in Elections [Электронный ресурс] // SSRN. — 2017. — 25 p. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3043828 (дата обращения: 24.12.20).
16. Schmitt M., Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations. — Cambridge University Press, 2017. — 638 p.
17. Morell M., Suzanne Kelly, Fmr. CIA Acting Dir. Michael Morell: "This Is the Political Equivalent of 9/11" [Электронный ресурс] // The Cipher Brief. — 2016. — <https://www.thecipherbrief.com/fmr-cia-acting-dir-michael-morell-political-equivalent-911-1091>. Цитирован в *Spencer McKay, Tenove C.* Disinformation as a Threat to Deliberative Democracy [Электронный ресурс] // Political Research Quarterly. — 1–15. — University of Utah. — 2020. — 15 p. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1065912920938143?journalCode=prqb> (дата обращения: 24.12.20).
18. M-Trends 2020, Special Report [Электронный ресурс] // FireEye. — 2020. — URL: <https://content.fireeye.com/m-trends/rpt-m-trends-2020> (дата обращения: 24.12.20).
19. National Cyber Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] // National Security Council. — 2018. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 24.12.20).
20. Stedmon N. The Impact of Cyber Security Threats on the 2020 US Elections [Электронный ресурс] // Cyber Security and Human Factors. — Bournemouth University Poole, United Kingdom. — 2020. — 3 p. — URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2012/2012.08968.pdf>.
21. Notorious hackers claim responsibility for Labour cyber attacks and threaten to target Corbyn's family [Электронный ресурс] // Independent. — 2019. — URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/labour-cyber-attack-lizard-squad-ddos-corbyn-general-election-a9202006.html> (дата обращения: 24.12.20).
22. Wray S. On electronic civil disobedience, Electronic Civil Disobedience: and Other Unpopular Ideas [Электронный ресурс] // Peace Review. — A Journal of Social Justice. — Vol. 11. — Iss. 1: Media and Democratic Action — 1999. — P. 107–111. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10402659908426237> (дата обращения: 24.12.20).
23. Stratégie nationale pour la sécurité du numérique de France, 2015, p. 38, [Электронный ресурс] // ANSSI [Офиц. сайт]. — URL: https://www.ssi.gouv.fr/uploads/2015/10/strategie_nationale_securite_numerique_fr.pdf (дата обращения: 24.12.20).
24. Sudan's Bashir bans protests in latest emergency measures [Электронный ресурс] // REUTERS. — 2019. — URL: <https://br.reuters.com/article/us-sudan-protests-emergency/sudans-bashir-bans-protests-in-latest-emergency-measures-idUSKCN1QE26C> (дата обращения: 24.12.20).
25. Taiwan says China behind cyberattacks on government agencies, emails [Электронный ресурс] // Reuters. — 2020. — URL: <https://www.reuters.com/article/us-taiwan-cyber-china-idUSKCN25F0JK> (дата обращения: 24.12.20).
26. Taiwan's citizens battle pro-China fake news campaigns as election nears [Электронный ресурс] // The Guardian. — 2019. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/dec/30/taiwan-presidential-election-referendum-on-ties-with-china>.
27. The great Catalan cyberwar of 2017 [Электронный ресурс] // The Washington Post. — 2017. — URL: <https://www.washingtonpost.com/news/democracy-post/wp/2017/10/18/the-great-catalonian-cyberwar-of-2017/> (дата обращения: 24.12.20).

28. The Perfect Weapon: How Russian Cyberpower Invaded the U.S. [Электронный ресурс] // The New York Times. — 2016. — URL: <https://www.nytimes.com/2016/12/21/world/russia-hack-presidential-election.html> (дата обращения: 24.12.20).
29. Threat Advisories and Attack Reports OpCatalonia [Электронный ресурс] // Radware. — 2017. — URL: <https://security.radware.com/ddos-threats-attacks/threat-advisories-attack-reports/opcatalonia/%20> (дата обращения: 24.12.20).
30. Threat Research, Election Cyber Threats in the Asia-Pacific Region [Электронный ресурс] // FireEye. — 2020. — URL: <https://www.fireeye.com/blog/threat-research/2020/11/election-cyber-threats-in-the-asia-pacific-region.html> (дата обращения: 24.12.20).
31. Top-secret NSA report details Russian hacking effort days before 2016 election [Электронный ресурс] // The Intercept. — 2017. — URL : <https://theintercept.com/2017/06/05/top-secret-nsa-report-details-russian-hacking-effort-days-before-2016-election/>.
32. Wired, Everything We Know About Russia's Election-Hacking Playbook [Электронный ресурс] // Wired. — 2017. — URL: <https://www.wired.com/story/russia-election-hacking-playbook/> (дата обращения: 24.12.20).
33. #OpNicaragua: El Ministerio de Relaciones Exteriores de Costa Rica y el Gobierno de Nicaragua son atacados por los hackers internacionales [Электронный ресурс] // EnHacke. — 2019. — URL: <https://www.enhacke.com/2019/03/17/opnicaragua-el-ministerio-de-relaciones-exteriores-de-costa-rica-y-el-gobierno-de-nicaragua-son-atacados-por-los-hackers-internacionales/> (дата обращения: 24.12.20).
34. #OpSudan: Hacktivists Around The World Prepare for Massive Cyber Attacks Against The Government of Sudan [Электронный ресурс] // The Creators Tribune. — 2019. — URL: <https://creatorstribune.com/2019/04/06/opsudan-hacktivists-around-the-world-prepare-for-massive-cyber-attacks-against-the-government-of-sudan/> (дата обращения: 24.12.20).

МИТИНГ В ОНЛАЙНЕ. НЕ ТОЛЬКО «ЯНДЕКС»: ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕСТОВ НА ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМАХ НА ПРИМЕРЕ КЕЙСОВ ИЗ СИНГАПУРА (2005), ИТАЛИИ (2007) И ПОЛЬШИ (2011)¹

Аннотация

В апреле 2020 года в России заговорили об онлайн-митингах как об уникальном политическом явлении, предвещающем новую эру политического участия. В статье доказано, что онлайн-митинги в «Яндекс.Навигаторе», «Яндекс.Картах» и «2ГИС» не являются ни первыми онлайн-митингами, ни уникальными. Представлен разбор более ранних митингов и протестов в интернете: в Сингапуре в 2005 году (против смертной казни двух молодых людей, обвиняемых в наркотрафике), в Италии в 2007 году (против политики итальянского подразделения IBM в сфере оплаты труда) и в Польше в 2011 году (против использования городской достопримечательности Варшавы компанией «Адидас» в рекламной кампании). При анализе теоретических аспектов изучения политических акций в виртуальном пространстве использована трактовка онлайн-митингов через призмы «митинг как событие» и «митинг как сообщение».

Ключевые слова: онлайн-митинг, протест в интернете, Яндекс, цифровизация, виртуализация.

DOI: 10.51180/RPS.2020.16.3.008

Автор

Олег Сергеевич Кононенко

студент магистратуры
кафедры российской политики
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Введение

20 апреля 2020 года в Ростове-на-Дону, Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Саратове и Красноярске одновременно с офлайн-митингом во Владикавказе прошли онлайн-митинги. Свое недовольство карантинными ограничениями и недостаточной поддержкой бизнеса и граждан во время первой волны пандемии COVID-19 жители выражали с помощью приложений «Яндекс.Карты» и «Яндекс.

Навигатор» («Новая газета» сообщала, что в Новосибирске жители протестовали, используя навигатор «2ГИС» [1]).

Эти события вызвали волну дискуссий о том, что онлайн-митинги — новая политическая реальность мира, в котором количество пользователей интернета достигло 4,8 миллиарда человек [2], а мобильные устройства есть у 5,9 миллиарда человек [3]. Однако и в России, и в мире уже случались митинги в интернете — тогда протест тоже зарождался и оставался в онлайн-режиме, не переходя в офлайн. Так было

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31387 «Риски и угрозы политизации низовых и гибридных гражданских инициатив в условиях трансформации политической системы современной России».

как минимум в 2005 году в Сингапуре (там из-за ограничений для выражения протеста в физическом мире протест против смертной казни перешел в мир виртуальный и охватил весь Сингапур), в 2007 году в Италии (там профсоюз устроил забастовку против местного подразделения IBM в игровом виртуальном мире) и в 2011 году в Польше (там жители Варшавы ополчились против мирового бренда в Facebook за покушение на городскую достопримечательность). В современном постинформационном обществе уже давно происходят сближение, проникновение и коадаптация виртуального и физического политического пространства [4], а современные информационно-коммуникационные технологии предоставляют инструменты для осуществления инклюзивных форм политического участия [5. — С. 278]. В данной работе мы попытаемся проанализировать эти онлайн-митинги с точки зрения того, насколько они похожи или не похожи на апрельский онлайн-митинг в российских сервисах-навигаторах.

Теоретические основания для изучения онлайн-митингов

Развитие виртуального пространства интернета и освоение гражданами различных интернет-платформ для выражения своих позиций по актуальным проблемам заставляет пересмотреть наше отношение к формам политической активности вообще. Согласно Федеральному Закону России «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», митингом является массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера [6]. То есть митинг должен быть публичным, ограниченным в пространстве и времени, а также в ходе него должно выражаться «мнение по поводу актуальных проблем».

Достаточно ли этого для пространства виртуального?

Проблеме политического действия в интернете долгое время уделялось недостаточно внимания. Считалось, что интернет — это лишь средство для подготовки к действию реальному, физическому. Однако для того, чтобы понять политическое действие в онлайн, нужно отказаться от восприятия интернета как пространства для подготовки к «реальному» действию, а перейти к бинарной схеме рассмотрения митинга — митинга *как сообщения* и митинга *как события*.

В первом случае следует рассматривать митинг с точки зрения наличия у него как у сообщения адресантов (обычно власти, внешней аудитории или сторонников) и эффективности коммуникации с этими адресантами (вертикальной коммуникации с широко понимаемой «властью» для донесения своих требований, беспокойства или поддержки; горизонтальной коммуникации с внешней аудиторией для формирования солидарности, набора сторонников или агитации; и центростремительной коммуникации со сторонниками для укрепления связей, формирования идентичности и подтверждения солидарности) [7. — С. 21].

Во втором случае (митинг как событие) ключевыми фигурами становятся участники и наблюдатели. Участники делают все, чтобы акция состоялась (присутствуют в определенном месте в определенное время и выполняют заранее оговоренные действия). Наблюдатели подтверждают факт того, что митинг состоялся, тем, что, во-первых, сами наблюдают событие и, во-вторых, сообщают о своих наблюдениях [7. — С. 23].

Такая двуединая призма — митинг как событие и митинг как сообщение — в отличие от не успевающих за развитием прогресса и последующей за ним трансформации политического участия юридических дефиниций помо-

гает лучше проанализировать митинги в интернете.

Кейс Сингапур-2005. Протесты на сайтах и в блогах

Сингапур — одна из немногих стран, в которых до сих пор применяется смертная казнь. К смерти приговариваются наркоторговцы, убийцы, государственные изменники и люди, совершившие некоторые категории преступлений с использованием огнестрельного оружия. По данным Amnesty International, в Сингапуре было казнено 340 людей с 1991 по 2000 годы [8].

В 2005 году внимание общественности привлекли две смертные казни: казнь гражданина Сингапура Шанмугама Муругэсу (обвинен в том, что привез в Сингапур наркотики) и казнь австралийского гражданина Ван Тьюнг Нгуена (у него во время транзитной пересадки в аэропорту Чанги (Сингапур) по пути в Австралию обнаружили 400 граммов наркотического вещества). Все просьбы о помиловании этих граждан были отклонены. Нгуену не помогли даже вмешательства австралийского премьер-министра Джона Говарда, Папы Римского Иоанна Павла II и его продолжателя Папы Римского Бенедикта XVI.

Активисты попытались организовать акции протеста против смертной казни, но встретили сопротивление властей. В мае 2005 года сингапурская правозащитная некоммерческая организация подавала запрос на разрешение собрания против смертной казни, которое должно было состояться в ночь перед казнью Муругэсу. В итоге это собрание посетили 100 активистов, среди которых был один оппозиционный политик, но за собранием строго следили полицейские в штатском. Когда на собрании начались выступления участников, полицейские приказали их прекратить. Полиция также запретила использовать фотографии Муругэсу на плакатах и в информационной кампании к концерту в честь памяти Шанмугама Муругэсу в

августе 2005 года, организованному некоммерческой организацией Think Centre. Затем правительство Сингапура занялось цензурой театральных представлений и других произведений искусства, вдохновленных казнью Нгуена: из спектаклей было приказано удалить все отсылки к смертному приговору Нгуена, а также исключить упоминания имен политических лидеров. В академии искусства La-Salle, финансируемой из государственного бюджета, была отменена выставка по мотивам повешения Нгуена, а австралийской газете, которая собиралась освещать выставку и ее запрет, пригрозили уголовными делами, если она не откажется от своих планов.

Стоит отметить, что в то время, согласно опросу международной неправительственной организации «Репортеры без границ», Сингапур занимал 140 место из 167 в рейтинге стран по критерию свободы прессы. Правительство контролировало большинство ежедневных газет, радио- и ТВ-вещание, а свободу выражения ограничивало множество законов. В частности, все материалы политического содержания должны были регистрироваться властями, которые запрещали те из них, что провоцировали насилие на расовой или религиозной почве, а также негативно отзывались о правительстве. Эти меры были введены в 1996 году. Однако тогда в Сингапуре планировали развивать интернет и ускорять проникновение Сети в страну, поэтому правительство умышленно оставило пробел в сфере регулирования интернета, полагаясь на самоцензуру граждан, привыкших к жестким ограничениям в СМИ, и надеясь, что такая свобода привлечет инвесторов в сингапурский IT-сектор, а само интернет-пространство не политизируется.

В результате в интернете, в отличие от сингапурских СМИ, протестное движение против казней освещалось широко. Сеть стала зеркалом, в котором обсуждалось то, о чем в офлайне

говорить было запрещено. Подробное описание онлайн-митингов несогласных со смертными приговорами Муругэсу и Нгуена приведено в статье Ибрагима Яшмина [9].

Виртуальное пространство было использовано протестующими следующим образом. НКО Think Centre, выступающая против смертной казни, использовала свой веб-сайт для публикации архивных материалов против смертной казни и призывов к общественности участвовать в протестах и против казни Муругэсу, и против казни Нгуена. На этом же сайте была опубликована онлайн-петиция против вынесения смертного приговора, а также публиковались опросы общественного мнения по поводу отношения к смертной казни (они показывали, что большинство посетителей сайта против смертной казни). Той же НКО Think Centre в ноябре 2005 года был организован форум против смертной казни. Он получил слабую огласку в местной прессе, но в интернете доклады спикеров, которые объясняли, почему смертная казнь должна быть отменена, пользовались большой популярностью. На том же форуме давали ссылки на сингапурские и зарубежные сайты, где публиковались письма от администрации тюрем, которые получали родственники приговоренных к повешению. В этих письмах сообщалось о дате повешения и следующих за повешением процедур. Все это снабжалось комментариями, подчеркивающими трагедию, с которой сталкиваются приговоренные, а также их родные и близкие. Сайт Think Centre также призывал людей писать обращения по этому поводу президенту, министру внутренних дел и премьер-министру — и даже давал прямые ссылки на их электронную почту.

Помимо ресурсов Think Centre к онлайн-протесту присоединялись другие веб-сайты: порталы (как Singapore Window), новостные группы (как Singapore Review) и онлайн-форумы

(как Sammyboy). На них циркулировали похожие материалы, но достигался больший охват, а Singapore Review и Sammyboy еще и предоставляли возможности для пользователей высказывать свое мнение (пользователи активно высказывались в комментариях всю вторую половину 2005 года). К протестующим интернет-пользователям присоединился политический сатирический веб-сайт Talkingcock: там опубликовали заметку, в которой предложили сделать повешение туристическим аттракционом, а сам Сингапур — мировой столицей виселиц. Помимо этого, активность проявляли и в блогах (например, блог changi-gallow.blogspot.com до сих пор не закрыт — в нем можно по-прежнему посмотреть посты, относящиеся к той кампании), в которых распространялись ликбезы о правах человека и правосудии. Кроме того, в блогах публиковали детские фотографии осужденных за торговлю наркотиками и их беседы с друзьями и семьями, которые посещали их перед повешением. Практически каждый пост в блогах, заметка на сайте и любой цифровой след протестующих снабжались гиперссылками на другие сайты, блоги, записи и другие ресурсы в интернете, и таким образом созданная сеть объединяла все сообщество онлайн-протеста.

На онлайн-протесты отреагировало и зарубежное интернет-сообщество. Например, онлайн-сервис загрузки файлов Putfile объявил о том, что закрывает доступ в Сингапуре, потому что предпочитает не продолжать предоставление бесплатного загрузочного сервиса стране, которая казнит преступников с помощью виселиц.

Пока сингапурские СМИ практически игнорировали онлайн-протест, национальные СМИ соседних стран и крупные региональные СМИ еще долго писали о том, что происходит в виртуальном пространстве протеста. Особенно это касалось австралийских СМИ, для которых важно было показать возмущение казнью австралийского гражданина

Нгуена. Однако эта акция протеста, помимо того что показала гражданам возможные каналы политического участия в авторитарном государстве, контролирующем СМИ и ограничивающем свободу слова и собраний, не привела к каким-то весомым результатам. В 2005 году правительство осталось непреклонным.

Как известно, смертная казнь в Сингапуре применяется до сих пор (в том числе через повешение). Например, по официальным данным, за 2020 год в Сингапуре было казнено 4 человека [10].

Кейс Италия-2007. Протест в виртуальном мире Second Life

В 2007 году итальянский профсоюз Rappresentanza Sindacale Unitaria (RSU) вел переговоры с компанией IBM — среди требований профсоюза были надбавки к зарплате в размере 60 евро каждый год, пенсионные отчисления и инвестиции компании в здравоохранение. IBM согласилась лишь на надбавки к зарплате 6 евро в год, но при этом отменила ежегодный бонус сотрудникам в размере 1000 евро. Тогда в RSU, заручившись поддержкой Международной сети профсоюзов (UNI), решили провести первую виртуальную забастовку. Ее описание приводится в статье Бриджит Мари Блджетт [11] и совместной статье Бриджит Мари Блджетт и Андреа Тапия [12].

Онлайн-протест планировалось провести в период между 17 и 30 сентября. В качестве платформы был выбран виртуальный мир с элементами социальной сети Second Life. UNI обратилась с призывом участвовать в онлайн-протесте к сообществу Second Life, а также ко всем членам профсоюза и неравнодушным людям, сочувствующим RSU. Накануне события UNI сообщала, что к онлайн-протесту присоединятся работники из как минимум 18 стран, включая 500 работников IBM, и профсоюзы из 16 стран, включая Индию. В течение недели представители UNI

учредили рабочую группу IBM Second Life — Strike International Taskforce, которая, по-видимому, и была главным организатором протеста. В течение следующих 20 дней рабочая группа решала технические, юридические, логистические вопросы, а также вопросы безопасности. Для этого устраивались ежедневные встречи в мире Second Life.

Примечательно, что в UNI хотели мобилизовать также и людей, которые не знакомы с Second Life. Специально для них разработали базовое руководство, которое обучает, как создать аккаунт, установить ПО, передвигаться по миру и попасть на Остров Содружества (место обитания сообщества прогрессивных активистов в виртуальном мире). Руководство состояло из текста и пояснительных картинок, чтобы даже технически неграмотные участники могли сориентироваться. Инструкции также содержали информацию о том, как получить комплект для забастовки — официальную футболку, несколько транспарантов и воздушных шаров — и оснастить им своего виртуального персонажа.

Акция началась 27 сентября 2007 года и продолжалась с четырех часов утра до четырех дня по североамериканскому восточному времени. Количество участников протеста достигло 1853 человек из более 30 стран. Протест охватил семь локаций IBM в рамках Second Life — в основном IBM в Италии и Бизнес-центр IBM. Люди собрались в оговоренных ранее виртуальных местах и создали линию пикета из виртуальных персонажей, которая заблокировала входы и публичные пространства на большинстве хорошо известных площадок IBM в виртуальном мире Second Life. Группы протестующих маршировали, демонстрировали огромные плакаты и кричали протестные слоганы.

Как и настоящая забастовка, забастовка UNI привлекла и посторонних, и враждебно настроенных оппонентов. Были и странные участники. Два наибо-

лее обсуждаемых случая — это персонаж в костюме банана, протестующий против IBM с транспарантом «Честная работа — честная оплата! Пожалуйста, не забирайте все наши деньги! (на английском в рифму и мелодично: «Fair work, Fair pay! Please don't take all our money away!»), и персонаж в форме большого зеленого треугольника с плакатом «Я БОЛЬШОЙ ЗЕЛЕНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК»).

Несмотря на некоторые технические неполадки, UNI заявила о том, что забастовка удалась. Акция действительно оказалась довольно успешной. Событие получило широкое освещение в СМИ [13]. IBM отказалась комментировать ситуацию. А уже 24 октября UNI сообщила об отставке Андреа Понтремоли, главы IBM в Италии, предположительно после претензий из центрального офиса IBM по поводу того, как команда IBM в Италии справилась с переговорами. По-видимому, Понтремоли отвечал за сокращение выплат.

5 ноября, после угроз UNI о том, что забастовка может перейти из виртуального мира в реальный, было объявлено, что RSU и IBM в Италии заключили новый контракт, по которому бонус в 1000 евро восстанавливался на три года, и IBM соглашалась на выплаты в национальный страховочный фонд, продолжение переговоров по промышленной и бизнес-стратегии в Италии и развитие политики внутренних коммуникаций.

Кейс Польша-2011. Протесты в Facebook

В марте 2011 г. компания «Адидас» решила перекрасить в рекламный баннер стену вокруг трека ипподрома в Варшаве. Стена длиной полтора километра была полностью покрыта граффити — она считается легендарным местом для польских граффитистов. 25 марта стену огородили барьерами и начали перекрашивать в черный цвет. Это вызвало возмущение жителей Вар-

шавы: оно привело к онлайн-протесту, который был подробно описан в статье Якуба Новака [14].

В тот же день — 25 марта — в социальной сети Facebook была создана страница Adisucks. В описании страницы было сказано, что цель ее создания — остановить компанию «Адидас». Пользователи Facebook на этой странице призывали к бойкоту компании, защите стены и «бомбардировке» письмами электронной почты «Адидас» и рекламного агентства, ответственного за акцию.

К вечеру следующего дня страница Adisucks собрала 10 000 лайков, и об этой инициативе написало несколько польских новостных веб-сайтов и основные городские СМИ Варшавы.

Через два дня после начала работ количество лайков на этой странице достигло 13 000, а информация о протесте была опубликована на главной странице крупнейшего новостного веб-сайта страны Gazeta.pl (новость публиковалась снова и снова, поскольку тиражировалась вместе с последними новостями). Уже на этом этапе компания «Адидас» остановила работы у стены.

На третий день количество лайков достигло 21 000, новость о протесте попала на вторую страницу Gazeta Wyborcza (это вторая по популярности польская ежедневная газета). Ссылками на страницу Adisucks делились с друзьями, а подписаться и лайкнуть уже призывали известные блогеры и артисты. В конце концов компания «Адидас» опубликовала обращение, в котором было сказано, что она выходит из проекта и прекращает работы.

В течение нескольких дней с создания страницы Adisucks она обрела популярность среди пользователей Facebook, ее упоминали в мейнстримных польских медиа, соцсетях, на телевизионных шоу. Эта история стала чуть ли не главной темой для обсуждения в Польше и абсолютно точно — главной темой в Варшаве. За время существо-

вания профиля Adisucks в нем были опубликованы сотни комментариев и изображений (среди которых скриншоты заявлений компании «Адидаас» и известных личностей, фотографии с места событий и мемы), поставлены тысячи лайков. Самое главное — был достигнут желаемый результат: компания «Адидаас» остановила работы у легендарной стены.

Выводы

Из приведенных выше кейс-стади онлайн-протестов в Сингапуре (2005), Италии (2007) и Польше (2011) становится ясно, что российские онлайн-митинги на платформах «Яндекс.Карты», «Яндекс.Навигатор» (где все прошло благодаря сервису «Разговорчики», который и до этого позволял пользователям оставлять сообщения на карте и не раз использовался для выражения общественно-политических позиций, в частности, недовольства, но обычно в пробках) и «2ГИС» в апреле

2020 года не являются ни первыми, ни уникальными. Онлайн-митинги апреля 2020 года важны для понимания цифровых трансформаций политического процесса в России — не зря эти митинги отметил пресс-секретарь Президента России Дмитрий Песков. Однако нужно смотреть на ситуацию шире: проникновение интернета и огромное число разнообразных сервисов — социальных сетей, мессенджеров, платформ для блогинга и даже игровых виртуальных миров — обусловили изменение всех сфер жизни общества, в том числе и политики, и продолжают трансформировать политическое участие прямо сейчас. При этом рассмотрение митингов в интернете не через призму законодательных актов, а с помощью фокусов «митинг как событие» и «митинг как сообщение» может помочь в определении адресатов и адресантов сообщений, участников и наблюдателей митинга, а также лучше спрогнозировать реакции всех участников виртуального политического действия.

Литература

1. Козлова Д. «Хотим есть, работы нет!» В России начались «онлайн-митинги» против бездействия государства в условиях экономического кризиса // Новая газета. — 2020. — 20 апр. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/20/85010-hotim-est-raboty-net> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Internet User Statistics & 2020 Population for the 53 European Countries and Regions // Internet World Stats, March, 2020. — URL: <https://www.internetworldstats.com/stats4.htm> (дата обращения: 09.10.2020).
3. Digital in 2020 // We Are Social, 2020. — URL: <https://wearesocial.com/digital-2020> (дата обращения: 09.10.2020).
4. Бронников И.А., Горбачев М.В. Протестный потенциал самоорганизации российских граждан в условиях становления новых информационных институтов и медиаструктур // Вестник Московского Университета. — Серия 12. Политические науки. — 2020. — № 5. — С. 23–35.
5. Бронников И.А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2020. — Т. 13. — № 2. — С. 269–285.
6. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ (последняя редакция).
7. Архипова А.С. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете / А.С. Архипова, Д.А. Радченко, А.С. Титков, И.В. Козлова, Е.Ф. Югай, С.В. Белянин, М.В. Гаврилова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 1. — С. 12–35.
8. Amnesty International Report 2002 — Singapore, 28 May 2002. — URL: <https://www.refworld.org/docid/3cf4bc108.html> (дата обращения: 10.10.2020).

9. Ibrahim Y. Capital punishment and virtual protest: A case study of Singapore. *First Monday*. — 2006. — № 11 (10).
10. Amnesty International Report «Death Sentences and Executions 2019». 21 April 2020. — URL: <https://www.amnestyusa.org/wp-content/uploads/2020/03/Amnesty-Death-Sentences-and-Executions-2019.pdf> (дата обращения: 10.10.2020).
11. Blodgett B. And the ringleaders were banned: an examination of protest in virtual worlds // Proceedings of the Fourth International Conference on Communities and Technologies, C&T 2009, University Park, PA, USA. — URL: https://www.researchgate.net/publication/221144107_And_the_ringleaders_were_banned_an_examination_of_protest_in_virtual_worlds (дата обращения: 10.10.2020).
12. Blodgett B., Tapia A. When Protests go Virtual: How Organizing Social Protest in Virtual Worlds Changes the Nature of Organizing // Sustainable IT Collaboration Around the Globe. 16th Americas Conference on Information Systems, AMCIS 2010, Lima, Peru, August 12–15, 2010. — URL: https://www.researchgate.net/publication/220890102_When_Protests_go_Virtual_How_Organizing_Social_Protest_in_Virtual_Worlds_Changes_the_Nature_of_Organizing (дата обращения: 10.10.2020).
13. Клавиатурный протест // Центр политической конъюнктуры. 27 апреля 2020. — URL: <http://cpkr.ru/issledovaniya/budushchee/klaviaturnyyprotest/> (дата обращения: 10.10.2020).
14. Nowak J. Political Communication, Social Media and Popular Culture: The Adisucks Facebook Protest Case Study // Political Communication in the Era of New Technologies / (eds.) B. Dobek-Ostrowska, J. Garlicki, Peter Lang. Publishing Group, Frankfurt am Main, 2013. — P. 127–146.

МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА И МИНОБРНАУКИ РОССИИ ПРОВЕЛИ ФОРУМ О ПРОДВИЖЕНИИ ПРИНЦИПОВ «ЗЕЛеной» ЭКОНОМИКИ

29 и 30 октября 2020 года в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова состоялся научно-практический форум о продвижении принципов «зеленой» экономики в целях ускорения научно-технологического прогресса (Moscow Green Economy Forum 2020). В форуме приняли участие более 300 человек, в том числе зарубежные эксперты из Индии, Китая, Турции, Австралии, Киргизии и Казахстана.

В первый день форума состоялась работа **трех секций.**

1. О международном опыте внедрения принципов «зеленой» экономики в промышленно развитых странах

В рамках секции участники обсудили успешные стратегии, инструменты и механизмы достижения целей устойчивого развития, определенных ООН. Так, по словам экспертов, благодаря активной государственной имплементации «зеленых» норм Китай смог за короткий промежуток времени превратить ресурсную экономику в устойчивую. В декабре 2019 года Европейской комиссией принята глобальная инициатива Green Deal («Зеленая сделка»), которая предполагает формирование в ЕС пространства углеродной нейтральности к 2050 году. Успешными также были названы попытки внедрения экономических инструментов в углеродное регулирование. Свыше 40 стран мира, в том числе Китай и Казахстан, имеют углеродные регуляторы.

Переход к «зеленой» экономике требует согласованных усилий лидеров страны, гражданского общества и ведущих компаний. Эксперты оценили текущий кризис как возможность перехода к более «зеленому» регулированию. России, по их мнению, следует отказаться от стратегии поддержки традиционной экономики и традиционных мер во время кризиса и сделать ставку на устойчивые инициативы.

2. О роли цифровизации в достижении целей устойчивого развития и развитии принципов «зеленой» экономики

В рамках секции эксперты обсудили, каким образом цифровые технологии могут способствовать «озеленению» экономики и страны в целом. В мировой экономике, по мнению участников форума, в последнее время прослеживаются два новых (если не новейших) тренда: взаимозависимость всех процессов производства (в том числе и от цифрового сектора), а также появление осознанности у населения и снижение потребления.

Среди наиболее используемых сегодня технологий в этой сфере эксперты выделили следующие: большие данные и предиктивную аналитику, искусственный интеллект, виртуальную реальность, новые производственные технологии, компоненты робототехники и сенсорики, блокчейн и интернет вещей. Например, IoT-датчики используются для мониторинга температуры воды, содержания в воде углекислого газа на различных участках Большого Барьерного рифа.

3. О государственном регулировании вопросов «зеленой» экономики в России

Секция была посвящена обсуждению существующих национальных практик регулирования «зеленой» экономики и актуальных вопросов его дальнейшего совершенствования. Спикеры форума выделили проблемные вопросы государственного регулирования, в числе которых соответствие экологических и социальных стандартов «зеленой» экономики положениям международных стандартов, а также нормативная и стандартизационная регламентация механизмов «зеленого» финансирования. В частности, эксперты рассмотрели «зеленые» облигации как инструмент финансирования перехода глобальной и национальных экономик на низкоуглеродный, устойчивый к изменению климата путь развития и указали на необходимость долгосрочной политики поддержки данного рынка.

Эксперты предполагают, что использование механизмов «зеленой» экономики будет способствовать сбалансированности отраслевой структуры российских территорий, а также переходу к «зеленому» росту, что в числе всего прочего позволит минимизировать риски и угрозы санкционных ограничений и обеспечит необходимый уровень экономической безопасности.

Во второй день форума состоялась работа двух секций.

1. О применении принципов «зеленой» экономики в предпринимательстве и бизнесе

Эксперты секции рассмотрели многогранную проблему развития «зеленого» бизнеса. Спикеры отметили, что нельзя недооценивать важность формирования позитивного экологического облика бизнеса в России, и подтвердили тесную взаимосвязь вопросов «зеленого» бизнеса с темами других секций форума: образованием, инновационными технологиями, государственным регулированием. Большей конкурентоспособностью сейчас преимущественно обладает бизнес, который использует экологичные и энергосберегающие технологии и подходы в своей деятельности. В частности, существуют показатели, объединенные аббревиатурой ESG (environmental, social, governance) и характеризующие компании, которые ведут социально ориентированный бизнес, отличаются качественным корпоративным управлением и заботой об экологии.

Размышляя о восстановлении экономики после пандемии коронавируса, участники форума спрогнозировали, что мир уже не будет прежним, новая спираль экономического развития будет сочетать в себе совсем новые атрибуты экономического устройства, где все более значимая роль отводится альтернативным источникам энергии.

2. О «зеленой» экономике в образовании и научных исследованиях

Эксперты отметили, что экологическое образование в своей основе является междисциплинарной областью и требует комплексного подхода, в котором более четко выделяется социальный характер любой человеческой деятельности и ее последствий. Участниками форума был рассмотрен международный опыт «зеленого» образования и выделены основные проблемы его развития в России. По подсчетам экспертов, 73% стран так или иначе затрагивают вопросы устойчивого развития в образовании, 55% используют в своих учебных программах термин «экология», 47% — «экологическое образование».

Эксперты форума сошлись во мнении, что развитие «зеленой» экономики обусловлено не только технологическими, экономическими, но и в том числе социокультурными и научными факторами, и выразили желание продолжать совместную работу для продвижения целей устойчивого развития и «зеленой» экономики.

В первый и второй дни форума также состоялись пленарные заседания, посвященные **обсуждению проектов Минобрнауки России по Федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы».**

Участники представили свои разработки в рамках данной программы, отметили рост потенциала энергетических и технологических проектов как для будущего индустрий в целом, так и для России на данный момент. Приведенные спикерами показатели свидетельствуют о повышении заинтересованности населения в альтернативных источниках энергии, инфраструктуре и механизмах функционирования умных городов, а также инновационных научных методах поддержки экологии в целом.

SUMMARY

SECTION I. ANALYSIS OF THE SITUATION IN THE UNITED STATES

The grim state of american political parties and american democracy

Annotation. We present to your attention the translation of the author's report, which he delivered at the online conference "The Future of parties in the political systems of the modern world". The online conference was held on December 15, 2020 at the Faculty of Political Science of the Lomonosov Moscow State University.

Keywords: US party system, democracy, parties, Democratic Party, Republican Party.

Author:

- Peter Kuznik, Professor of History and Director of the Institute for Nuclear Research at the American University (Washington, USA).

The political foundations of religious freedom in the United States through the prism of the american national security strategy

Annotation. The article covers the study of modern American political trends in ensuring religious freedom by fixing it in fundamental normative legal acts, including through its binding to the basics of the country's national security strategy. The interaction of the religious with the political is considered by the author through a double prism: the mutual integration of the religious freedom principles and the US security strategy and the relationship on the political equality principles, which in both cases carries a conflict potential, namely, the clash of the believers' interests with the strategic interests of the state. On the basis of extensive political and legal material, the author, taking into account the conflict and some competitiveness of both sides of the issue, namely the unwillingness of the first to obey the second, formulates conclusions about the organizational and managerial mistakes of the current American leadership in terms of integrating the religious component in ensuring national security.

Keywords: political conflictology, freedom of religion, religious human rights, national security, USA, US national security strategy.

Author:

- Murad Abdullaev, Candidate of Philological Sciences, Junior Partner of the Agency for Strategic Communications (Moscow), member of the American Political Science Association (Miami, USA/ Moscow, Russia).

SECTION II. ANALYSIS OF THE SITUATION IN AFRICA

Assumptions about the impending catastrophe in Africa: reality or fiction?

Annotation. COVID-19 has spread to almost all African states, with about 85% of countries affected since the beginning of the pandemic in February 2020. In contrast to the proclaimed "thesis of catastrophism", Africa still seems to be coping well with the pandemic. The purpose of this article is to contribute to the discussion about the predicted catastrophe. We are talking about the "thesis of catastrophism", its exis-

tence and relevance in the African context. The article is based on the evolution of the discussion about COVID-19 in Africa. This study presents an analysis of articles in the press, in which reports on scientific forecasts and public opinion were published. The results obtained allow us to conclude that there is a certain geography of catastrophic forecasts focused on the African continent. These observations raise serious questions about the models that are used to formulate policies and programs for intervention in African processes. In conclusion, it is argued that the “thesis of catastrophism” in the African context is false.

Keywords: Africa, COVID-19, pandemic, catastrophism.

Author:

- Suleiman Sumahoro, Master’s Degree in International Economics and Management, expert on Community Development, CARITAS (Innsbruck, Austria).

The evolution of integration processes in Central Africa

Annotation. The article analyzes the evolution of integration associations in Central Africa. The study argues that regional economic integration is very important for Central Africa, especially in terms of accelerating economic growth and development of the countries in the region. At the same time, the article also considers other aspects of integration, in particular, the importance of regional security for the economic growth and development of Central African countries. The article also concludes that regional economic integration can be used as a roadmap for Africa’s accelerated development.

Keywords: Economic Community of Central African States (ECCAG), regional economic integration, Central Africa, integration processes.

Author:

- Akhmat Idriss, Postgraduate Student of the Department of Political Analysis and Management of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples’ Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

SECTION III. THEORY AND PHILOSOPHY OF POWER AND THE STATE

Power technology and community perception: the issue of security boundaries

Annotation. The community, its perception and understanding constitute one of the elements or one of the aspects of the formation of society. The foundation for creating a community as such is the process of establishing a widely understood security at its core. The boundaries of security, its scope and semantic content determine the boundaries of the community. Changes in this area are a kind of semantic revolution, the result of which can be a transformation of the understanding of the community as such. This particular “revolution” consists in thinking about power and its perception. The power in modern reality ceases to legitimize the ruler, and with it the government, and turns into an instrument of governance. Thus, as Foucault points out, there is a modern society with a specific technology and power structures — “a society based on security”, the boundaries of which are determined by the internal dynamics of social life and the freedom of its individual members.

Keywords: power, control, security, establishment of security, community.

Author:

- Anna Kurkevich, Professor of the Faculty of Social Research at the Higher School of Security (Poznan, Poland).

SECTION IV. RESEARCH OF YOUNG POLITICAL SCIENTISTS

Influence groups in modern China: specifics, types and some features of functioning

Annotation. In China, the main feature of the formation of influence groups is the absence of an official opposition in the presence of authorized “democratic parties”. Nevertheless, analyzing the political landscape of the Middle Kingdom, it is possible to identify special groups, forces that realize their specific interest by uniting in closed political networks. Within the framework of this study, the author identified the main types of influence groups in the PRC, identified institutional, conventional and other features for their formation to date. The main goals of the interested parties that form the structure framework of the influence groups functioning in the Middle Kingdom are also formulated.

Keywords: influence groups, the People’s Republic of China, the CPC, the Komsomol of China, the PLA, political networks, cliques.

Author:

- Kirill Serebryakov, Master’s student of the Faculty of Political Science of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

The super-presidential system of R.T. Erdogan: where is Turkey going?

Annotation. The article provides an analysis of the transit of the Republic of Turkey to the super-presidential system. The factors due to which the current President of Turkey, R.T. Erdogan, and the ruling Justice and Development Party (AKP) (Turkish Adalet ve Kalkınma Partisi) managed to maintain a central position in the domestic political arena of the country for almost two decades are considered, the reasons that led to a decrease in support for the current regime are also identified and described. The main conclusion of the work is that at present the Turkish political system is in an “institutional impasse”: the fragmented opposition is not able to offer an alternative to R.T. Erdogan. In this regard, it can be assumed that the new electoral cycle of 2023 (presidential and parliamentary elections) will end with his re-election and the preservation of the AKP’s dominant position in the Grand National Assembly of Turkey.

Keywords: neo-Ottomanism, Demoislamism, Justice and Development Party, the Kurdish question, R.T. Erdogan.

Author:

- Lyubov Nechaeva, student of the School of Governance and Politics, MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Cyberattacks as a means of political influence

Annotation. As information technologies transform global society, they naturally open up new opportunities for interference in political processes. One of the most effective tools of this influence are cyberattacks, which allow you to quickly, non-violently and anonymously influence the political positions of the public and even interfere in the electoral process, casting doubt on the vote results. To get a complete picture of what is happening, the article considers cases selected from different regions: America, Europe and Asia.

Keywords: cyberattack, public opinion, elections.

Author:

- Elena Volkova, Master of the Faculty of International Criminal Justice of the University of Paris II Pantheon-Assas (Paris, France).

The rally is online. Not only yandex: features of protests on internet platforms on the example of cases from Singapore (2005), Italy (2007) and Poland (2011)

Annotation. In April 2020, people in Russia started talking about online rallies as a unique political phenomenon that heralds a new era of political participation. The article proves that online rallies in “Yandex.Navigator”, “Yandex.Maps” and “2GIS” are neither the first online rallies, nor unique. The analysis of earlier rallies and protests on the Internet is presented: in Singapore in 2005 (against the death penalty of two young people accused of drug trafficking), in Italy in 2007 (against the policy of the Italian division of IBM in the field of remuneration) and in Poland in 2011 (against the use of the Warsaw city landmark by Adidas in an advertising campaign). When analyzing the theoretical aspects of studying political actions in the virtual space, the interpretation of online rallies through the prism of “rally as an event” and “rally as a message” is used.

Keywords: online rally, protest on the Internet, Yandex, digitalization, virtualization.

Author:

- Oleg Kononenko is a master’s student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

SECTION V. ABOUT CONFERENCES

Lomonosov Moscow State University and the ministry of education and science of Russia held a forum on promoting the principles of the “Green” Economy

On October 29 and 30, 2020 the Moscow State University named after M. V. Lomonosov hosted a scientific and practical forum on promoting the principles of the “green” economy in order to accelerate scientific and technological progress (Moscow Green Economy Forum 2020). The forum was attended by more than 300 people, including foreign experts from India, China, Turkey, Australia, Kyrgyzstan and Kazakhstan.

Информация для авторов

Статьи в журнале публикуются на безвозмездной основе. Журнал выпускается в электронном и печатном виде и распространяется в высших учебных заведениях России и мира, среди экспертного и политологического сообщества, политической элиты России, направляется в ведущие политологические центры мира.

Приглашаем политологов из России и зарубежья опубликовать свои исследования в нашем журнале.

Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания. Статьи в журнал просим направлять на адрес электронной почты редакции журнала: studes@yandex.ru

Оформление статей

Редакция просит авторов придерживаться следующих основных принципов оформления статей.

1. В журнал принимаются статьи на русском языке в электронном виде, в стандартных форматах текстовых редакторов Microsoft Word и OpenOffice Writer (расширения: *.doc, *.docx, *.rtf). Так как журнал издается как на русском, так и английском языках, то приветствуется направление авторского перевода статьи на английский язык.

2. Ориентировочный объем статей — 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков, включая пробелы), объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией.

3. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные:

3.1. Заголовок статьи.

3.2. Краткая аннотация статьи, кратко раскрывающая ее основное содержание. Объем аннотации не должен превышать 1 тыс. знаков с пробелами. В общем объеме статьи текст аннотации не учитывается.

3.3. До 7 ключевых слов, соответствующих основному содержанию статьи.

3.4. Для каждого автора отдельно приводится:

3.4.1. Фамилия, имя, отчество (при наличии).

3.4.2. Научный статус, место работы (при наличии), город и страна проживания.

3.4.3. Адрес электронной почты.

3.4.4. Фотография автора, публикуемая вместе со статьей.

4. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные на русском и английском языке.

5. Допускаются только затекстовые библиографические ссылки, отсортированные в алфавитном порядке в конце статьи; использование подстрочных сносок для библиографических ссылок не допускается.

6. Форма связи библиографических ссылок с основным текстом — с помощью указания номера источника в библиографическом списке и, в случае необходимости, страницы цитирования в квадратных скобках. Допустимые обозначения: [1. — С. 196] [2. — С. 330–332] [3] [4; 5; 7].

7. Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

8. Использование подстрочных сносок допускается только для содержательных примечаний.

9. Иллюстрации могут быть встроены в текст статьи. Все иллюстрации (включая графические схемы и диаграммы) в обязательном порядке дублируются авторами в высоком разрешении отдельно от текста статьи. Площадь изображений — не менее 3 млн пикселей.

10. Единственная допустимая форма выделения особых терминов и понятий — курсив; не допускается выделение целых предложений или абзацев.

11. Не допускается наличие таблиц, содержащих более пяти столбцов. В случае наличия вертикально ориентированных таблиц с большим количеством столбцов, авторы должны провести их транспонирование либо, если это невозможно, сократить или разбить их на составные части.

12. В случае значительного расхождения текста с основными принципами оформления статья может быть возвращена на доработку автору или отклонена.

Редакционный совет журнала «Русская политология — Russian Political Science»

АБРАМОВА МАРИАННА ГРИГОРЬЕВНА — заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

БОЙЦОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы «Стратегическое управление и экономическая политика», доктор политических наук, профессор

ВАТЫЛЬ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор политических наук, профессор (Беларусь)

ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доктор политических наук, профессор

ГУТОРОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

КОНСИ ЛУИС ГИЛЬЕРМО АРКАРО — профессор факультета права Епископского Католического Университета г. Сан-Паулу, доктор философии (Бразилия)

КОРНИЛОВИЧ ВЛАДИМИР АДАМОВИЧ — директор программы факультета государственного и муниципального управления ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, руководитель мета-проекта реформирования системы государственного стратегического управления в России, доктор социологических наук

КУЛЕШОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук

МАРИАН ВАЛЕРИЙ ПАНТЕЛЕЕВИЧ — заведующий кафедрой иностранных языков дипломатической Академии МИД России, профессор, кандидат исторических наук

МИХАЙЛОВИЧ ДЕХАН — член Союза философов Мексики, профессор факультета социальных наук Монтеррейского технологического института, доктор философии (Мексика)

МОШНЯГА ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — профессор департамента политических и административных наук факультета международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета, доктор политических наук (Молдова)

МЧЕДЛОВА МАРИЯ МИРАНОВНА — заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор политических наук, профессор

МУХАРЯМОВ НАИЛЬ МИДХАТОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и права института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета, доктор политических наук, профессор

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук

ПИРОЖЕНКО ОЛЬГА ВИКТОРОВНА — PhD в области коммуникационных наук, директор Российско-испанского центра образования и сотрудничества ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ, исполнительный директор Русского центра Университета Валенсии (Испания), руководитель Секретариата Альянса российских и испанских университетов

СЕЛЕЗНЁВА АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук

СЕЛЛМАНН ДЖЕЙМС — профессор философии, декан колледжа гуманитарных и социальных наук Гуамского университета (Гуам — не инкорпорированная организованная территория США)

СИДОРОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ — заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

СОЛОВЬЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ФЕДОРКИН НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ЦЫГАНКОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ — профессор Университета Сан-Франциско, доктор философии (США)

ЦЫГАНКОВ ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ШИРИНЯНЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ШОМОВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА — профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук

ШУТОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ — декан факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

ЯМАМОТО КЕНСО — научный сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ, доктор философских наук (Япония)

Редакционная коллегия журнала «Русская политология — Russian Political Science»

БЕРЕЗКИНА ОКСАНА СТЕПАНОВНА — доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

БОЛДИН ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ — ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА — доцент кафедры политологии Востока, помощник директора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВОЛОШИН АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ — руководитель Научного портала социально-политических исследований, кандидат политических наук

ГОРОХОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ — главный редактор журнала «Русская политология — Russian Political Science», кандидат политических наук

ДУБОВИ АЛЕКСАНДР — координатор Научно-исследовательского центра евразийских исследований (EURAS) юридического факультета Венского Университета (Австрия)

ЕЖОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат политических наук

ЕФАНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук

ЗАСЛАВСКАЯ НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА — доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук

ЗЕЛЕНИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

КВАШОНКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ — доцент кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

КИРСАНОВА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА — преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

КОСОРУКОВ АРТЕМ АНДРЕЕВИЧ — старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

КУРБАНОВ АРТЕМИЙ РУСТЯМОВИЧ — старший преподаватель кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

БОБРОВСКИХ ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

ПОЛУЛЯХ ДАНИИЛ СЕРГЕЕВИЧ — кандидат политических наук, ассистент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ПУЧНИНА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА — старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

РУДНИЦКАЯ АНАСТАСИЯ ПАВЛОВНА — заведующий кафедрой рекламы и человеческих ресурсов факультета управления Московского университета имени С.Ю. Витте, кандидат политических наук

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА — доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук

СМИРНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА — эксперт Российского совета по международным делам, кандидат политических наук

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ — доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ХОРДЕЦКИ БАРТОШ — адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани, PhD (political science), PhD (law) (Польша)

ШАРАПОВ ИГОРЬ РОДИОНОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

Редакция журнала «Русская политология — Russian Political Science»

ГОРОХОВ АНДРЕЙ — главный редактор

ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА — заместитель главного редактора

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ — заместитель главного редактора

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ — заместитель главного редактора

ЗУРНАДЖЯН ГОР — советник по взаимодействию с органами государственной власти и общественными организациями

СМИРНОВ НИКОЛАЙ — советник по продвижению и информационным технологиям

ШАДСКАЯ МАРИЯ — советник-лингвист по переводу текстов (английский, французский)

АНДРОСОВА НАТАЛЬЯ — графический дизайнер

ХЛУПИНА МАРИЯ — корректор

ВОЛОБУЕВ СЕРГЕЙ — советник

СОБОЛЕВ ВЛАДИМИР — научный консультант

МАМЕДОВ ИНТИГАМ — советник

ДИБРОВ ЕГОР — координатор Экспертного совета молодых политологов журнала «Русская политология — Russian Political Science»

САВИН ТИМОФЕЙ — советник по взаимодействию с политологами, государственными и общественными организациями города Москвы

Отдел редакции по работе с англоязычными политологами

ЕЛЕЕВА МАКОЕВА ДЗЕРАССА — руководитель отдела

ПОДОБУЕВА ВЕРОНИКА — консультант отдела

Отдел редакции по работе с испаноязычными политологами

ДАШКИНА ИРИНА — руководитель отдела

МАТЮСОВА АНАСТАСИЯ — советник отдела

Отдел редакции по работе с итальяноязычными политологами

ЛОЩИЛИНА МАРИЯ — советник отдела

**Журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 15.08.2016, номер свидетельства ПИ № ФС 77-66809**

Номер свидетельства	ПИ № ФС 77-66809
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология — Russian political science
Дата регистрации	15.08.2016
Форма распространения	печатное СМИ, журнал
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А.А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д. 71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№ 3(16), 2020 год
Подписано в печать	20.12.2020
Цена	Бесплатно

**Электронный журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 18.10.2016, номер свидетельства ЭЛ № ФС 77-67389**

Номер свидетельства	ЭЛ № ФС 77-67389
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология — Russian political science
Дата регистрации	18.10.2016
Форма распространения	сетевое издание
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д. 71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№ 3(16), 2020 год
Подписано в печать	20.12.2020
Цена	Бесплатно

© 2020 «Русская политология — Russian political science».

При цитировании обязательна ссылка на журнал «Русская политология — Russian political science»